ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЕ51
А 478

СТРАНИЦА

ИЗЪ ИСТОРІИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ.

ГЕБІ
Д 478

СТРАНИЦА
ИЗЪ ИСТОРІИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ.

Д. Н. ЗАМЯТНИНЪ.

„Если законодательныя предположенія вѣрны, то они и благовременны. Трудно думать, чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены къ дурному и не зрѣлы для хорошаго".

(Соображен. Государ. Канцел.)

Гр. Джаншіева.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.
1883.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.

ГЕ51
Д978 Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П.(б.)

8/21
26. 127734

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Два слова о Приложеніяхъ.

Чтобы нагляднѣе показать все значеніе судебной реформы, я счелъ удобнымъ привести свидѣтельства современниковъ о времени, предшедствовавшемъ реформѣ и за нею слѣдовавшемъ. Въ двухъ рѣчахъ Н. И. Стояновскаго приводятся данныя для характеристики дореформенныхъ судебныхъ порядковъ и свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ судебной реформы.

Чтобы поставить читателя въ возможность судить о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго судебною реформою, и о чаяніяхъ, съ нею связанныхъ, я привелъ подлинныя выдержки изъ газетъ и журналовъ времени открытія новыхъ судовъ. Къ чести нашей прессы нужно сказать, что она вѣрно оцѣнила важное значеніе судебной реформы и съ рѣдкимъ единодушіемъ настаивала, въ лицѣ самыхъ серьезныхъ и распространенныхъ своихъ органовъ, на послѣдовательномъ проведеніи основныхъ началъ судебной реформы. «Все что есть живаго, мыслящаго, разумнаго, говорится въ одной газетѣ, не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго въ наше время новаго порядка вещей на Руси (судебной реформы). Не было ли бы грустно, если бы новый порядокъ вещей оказался только формою безъ сущности? Вотъ почему *оскорбителенъ* всякій намекъ, клонящійся къ

тому, чтобы затемнить *сущность* новаго порядка вещей, чтобы изъ каждаго начинающагося дѣла вынуть его *душу* и оставить только шелуху, которая давала бы сильнѣе чувствовать тщету начинанія. Дѣйствительно ли наше (судебное) преобразованіе должно выдти на новые пути, чтобы Россія могла держаться достойнымъ образомъ среди другихъ націй, чтобы геній ея народа могъ обнаружить свою силу, оправдать наше прошедшее, оплодотворить наше настоящее — или это только мерцаніе, призракъ, готовый исчезнуть?» *)

Извлеченная изъ періодическихъ изданій 1866 года вдохновенная апологія судебной реформы, быть можетъ, не будетъ безполезна и для нашего времени. Друзья реформы въ приведенныхъ матеріалахъ найдутъ подкрѣпленіе своихъ убѣжденій, противники же ея, можетъ статься, — поводъ для пересмотра своего несправедливаго приговора о новыхъ судебныхъ порядкахъ.

Послѣднее изъ приложеній составляетъ списокъ важнѣйшихъ чиновъ судебнаго вѣдомства, при коихъ открыты были первые преобразованные суды и совершены были первыя публичныя судебныя дѣйствія.

Г. Д.

*) См. Приложенія стр. 139.

I.

„По-истинѣ едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко принялось дѣло столь великое и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ основной идеи и до мельчайшихъ подробностей...

„Наша судебная реформа есть не столько реформа, сколько *созданіе* судебной власти. Честь и слава правительственному вѣдомству, котор е такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль Преобразователя, оберегая ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія *новаго* гражданскаго парядка. Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи".

Москов. Вѣдом. 1867 г., № 69.

Послѣ «19-го февраля» самымъ славнымъ днемъ прошлаго царствованія, безспорно, должно быть признано «20-е ноября», день утвержденія нашихъ знаменитыхъ «Судебныхъ Уставовъ». До извѣстной степени день 20-го ноября даже можетъ съ успѣхомъ конкуррировать съ днемъ освобожденія крестьянъ. Учрежденія, порожденныя 20-мъ ноября, если не въ отношеніи глубины, то въ отношеніи широты захватили большее пространство, коснувшись матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ большаго числа лицъ. Тогда какъ «Положеніе 19 февраля» затрогивало бытъ одного только крѣпостнаго населенія, учрежденіе новаго гласнаго суда,

независимаго суда общественной совѣсти, затрогивало самые дорогіе интересы всѣхъ слоевъ населенія, всего государства. Только теперь, когда событія и дѣятели шестидесятыхъ годовъ начинаютъ уходить въ даль исторической перспективы, это колоссальное дѣло насажденія скораго, праваго и гласнаго суда совѣсти на мѣсто безконечной, продажной приказно-судебной волокиты и водвореніе началъ благоустроеннаго правоваго порядка въ исконной странѣ господства произвола— представляется во всемъ своемъ величіи и блескѣ. А уничтоженіе системы формальныхъ доказательствъ? Безграмотный судья, или вѣрнѣе главный вершитель дѣлъ, секретарь, въ лучшемъ случаѣ, т. е. если не накидывалъ чего-нибудь за счетъ своей проданной совѣсти, производилъ, не видя и въ глаза подсудимаго, механическую выкладку надъ нѣмыми предустановленными доказательствами. При этихъ ариѳметическихъ выкладкахъ были нерѣдки такіе случаи, какъ разсказанный въ «Коробейникахъ»:

По ошибкѣ засѣдатели
Упекли его въ острогъ:
Нужно было изъ Спиридова
Вызвать тита Кузмича,
Описались—изъ Давыдова
Взяли Титушку-ткача.

или другой, упоминаемый Н. И. Стояновскимъ, случай: мужъ, на основаніи собственнаго сознанія, былъ наказанъ плетьми и сосланъ въ каторжныя работы за убійство жены, которая оказалась живущею въ нѣсколь-

кихъ верстахъ отъ селенія, гдѣ жилъ ея мужъ *). И эта счетная операція, при которой логику замѣняло предписаніе закона, а совѣсть—приказаніе начальства, эта machine à sentences, при дѣйствіи которой были неизбѣжны указанные случаи, называлась правосудіемъ и къ ней-то обращаютъ томные взоры современные обскуранты!

Почти наканунѣ введенія судебной реформы въ Рязанской уголовной палатѣ разбиралось громкое и характерное дѣло губернаторскаго любимца, исправника Дмитрія Левашова, наглядно обнаружившее, чего могла ждать возмущенная общественная совѣсть отъ правосудія старыхъ судовъ, бывшихъ въ сущности отдѣленіями губернаторскихъ канцелярій. Либеральныя тогда *Московскія Вѣдомости* посвятили этому замѣчательному дѣлу слѣдующія прочувствованныя строки.

„Какой вопіющій фактъ!—фактъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ не изъ случайныхъ разсказовъ и корреспонденцій, а изъ самаго вѣрнаго источника, изъ указа правительствующаго сената. Мы знаемъ это дѣло съ подробностями, о которыхъ не могъ распространяться сенатъ въ своемъ указѣ,—съ подробностями такого омерзительнаго свойства, что онѣ не могли бы появиться ни въ какой печати. И дѣло это происходило не въ Хивѣ, не въ Бухарѣ, ни въ какомъ-либо краѣ, находящемся на военномъ положеніи; дѣло это происходило

*) „Рѣчь *Н. И. Стояновскаго*, произнесенная 3 февраля 1880 года въ общ. обр. с.-петербургскаго Юрид. Общества". Въ Приложеніяхъ приводится часть этой рѣчи, интересная для характеристики порядковъ, предшествовавшихъ судебной реформѣ.

посреди европейской Россіи, въ одной изъ самыхъ мирныхъ ея губерній, находящейся въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Москвы и въ полутора суткахъ отъ Петербурга.

„Губернаторъ утвердилъ въ отвѣтственной должности исправника несовершеннолѣтняго господина, которому не исполнилось и двадцати лѣтъ и въ которомъ развѣ только сверхъестественно зоркій взглядъ могъ предусмотрѣть надежнаго блюстителя тишины и спокойствія въ цѣломъ уѣздѣ. Съ тѣхъ поръ, сказываютъ, дороги Рязанскаго уѣзда стали небезопасны для проѣзжающихъ и проходящихъ: новый блюститель благочинія пошелъ носиться по дорогамъ, часто въ нетрезвомъ видѣ, хлопая арапникомъ направо и налѣво и очищая путь для проѣзда начальственнымъ лицамъ, ихъ родственникамъ и знакомымъ. Лѣтомъ 1869 года бѣжали изъ рязанскаго острога два арестанта: исправнику, разумѣется, поручено было изловить ихъ, и усердный молодой человѣкъ прежде всего прибѣгнулъ къ способу, дѣлающему честь его остроумію. Выѣхавъ на поиски, онъ составилъ цѣпь изъ множества крестьянъ и заставилъ ихъ двигаться, схватившись за руки, по полямъ, дабы такимъ образомъ поднять во ржи бѣглецовъ, буде таковые случайно въ ней скрывались. Никакихъ бѣглецовъ во ржи не случилось, но поля были притоптаны. Затѣмъ, юный исправникъ понесся, ниспровергая все на пути къ тому мѣсту, которому суждено было стать позорищемъ тѣхъ возмутительныхъ подвиговъ, о которыхъ значится въ сенатскомъ указѣ. Повторимъ, нельзя безъ содроганія представить себѣ, даже въ слабомъ и

туманномъ очеркѣ, тѣ неистовства, которыя творилъ этотъ невѣроятный представитель государственной власти въ уѣздѣ, призванный высшею администраціею губерніи къ охраненію порядка и законности, къ защитѣ, личности и собственности мирныхъ жителей. Онъ дѣйствовалъ такъ достословно, что ему наконецъ отказались повиноваться находившіеся подъ его командой люди и вырвали изъ его рукъ несчастную дѣвушку, не подлежавшую, какъ и мать ея, тѣлесному наказанію, надъ которою онъ послѣ истязанія розгами хотѣлъ наругаться неслыханно-гадкимъ образомъ. Нѣтъ ничего, что могло бы войти въ сравненіе съ подвигами, въ которыхъ не знаешь чему удивляться, огрубѣлости ли чувства и испоренности сердца или совершенному идіотству,—нравственному ли безобразію или безумію. Онъ отыскивалъ бѣглыхъ арестантовъ и для этого въ первомъ представившемся ему постояломъ дворѣ принялся сѣчь всѣхъ, кто ни попадался ему подъ руку, сѣчь людей, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и омерзительнѣйшимъ образомъ ругаться надъ женщинами. Могли ли такія гнусныя дѣла остаться безъ должнаго возмездія? И что же? Рязанская уголовная палата нашла эти дѣла *легенькою шалостью* и приговорила этого милаго юнаго повѣсу посидѣть нѣсколько дней дома, съ тѣмъ быть-можетъ, чтобы онъ отдохнулъ отъ тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ имъ на службѣ отечеству.

Какая оскорбительная насмѣшка, восклицаетъ газета, надъ тѣмъ, что люди зовутъ справедливостью и чтутъ какъ общественную нравственность! Одно другого стоитъ: и поступки уѣзднаго блюстителя благочинія, и приговоръ

надъ нимъ губернской юстиціи. Но что такое наша нынѣшняя отживающая свои дни губернская юстиція? Что такое эти судьи, которые чрезъ нѣсколько недѣль должны уступить свое мѣсто другому судоустройству, долженствующему не имѣть съ нимъ почти ничего общаго? Они лишены всякой *самостоятельности*, особенно когда приговорамъ ихъ подлежатъ административныя лица, и когда стало быть губернскія власти чувствуютъ себя особенно заинтересованными въ судопроизводствѣ". (1868, № 49)...

Теперь именно, когда есть возможность прослѣдить исторію подготовки и введенія судебной реформы, сравнивать между собою условія предшествовавшія, сопровождавшія и слѣдовавшія за этою реформою,—съ невольнымъ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ благоговѣніемъ, приходится останавливаться предъ этимъ, по-истинѣ, богатырскимъ подвигомъ творцовъ и дѣятелей судебной реформы. Сколько нужно было имѣть любви къ дѣлу, сколько вѣры въ свой народъ, только-что освобожденный отъ помѣщичьяго самосуда, убивавшаго въ самомъ корнѣ всякое понятіе о правдѣ, чтобы задумать и такъ скоро и удачно выполнить задачу созданія народнаго суда совѣсти, самая мысль о которомъ показалась бы чѣмъ-то химерическимъ современному поколѣнію!

Возможно полная исторія либеральной эпохи, создавшей судебную реформу, этой необычайно-свѣтлой полосы нашей жизни, промчавшейся какъ метеоръ, была бы крайне поучительна. Появленіе исторіи судебной реформы, и именно теперь, было бы полезно и въ другомъ отношеніи. Въ наше время, когда въ иныхъ слояхъ, ради ложно понятой самобытности, такъ чуждаются

всего, на чемъ лежитъ печать европейской общечеловѣческой мысли, исторіи выработки и приложенія на дѣлѣ „Судебныхъ Уставовъ“ представила бы много интереснаго. Они могутъ служить превосходнымъ образчикомъ того, какъ въ умѣлыхъ рукахъ и при доброй волѣ иноземное учрежденіе можетъ быть акклиматизировано съ сохраненіемъ основной идеи учрежденія и съ приспособленіемъ къ особенностямъ мѣстныхъ условій. У насъ же не только не имѣется прагматической исторіи судебной реформы, хотя бы въ такихъ рамкахъ, какъ трудъ профессора Иванюкова—„Паденіе крѣпостнаго права“, но даже не имѣется такого собранія матеріаловъ, какъ изданный за границею сборникъ Скребницкаго по крестьянской реформѣ. Богатые и цѣнные матеріалы по судебной реформѣ находятся у частныхъ лицъ и недоступны для публики. А между тѣмъ славные дѣятели судебной реформы одинъ за другимъ сходятъ со сцены. Нѣтъ уже въ живыхъ ни князя Гагарина, ни Буткова, ни Буцковскаго, ни многихъ другихъ ихъ доблестныхъ товарищей*). Самая свѣжая потеря была въ прошломъ 1881 году. Не стало 19-го октября и перваго генералъ-прокурора новыхъ судебныхъ учрежденій Д. Н. Замятнина; ему въ значительной степени обязана своимъ осуществленіемъ судебная реформа, великими благами коей, почти безсознательно, мы теперь пользуемся.

---

*) Въ рѣчи, произнесенной 14 февраля 1882 г. въ С. Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, Н. И. Стояновскій коснулся роли нѣкоторыхъ дѣятелей судебной реформы.

И съ дерева невѣдомаго плодъ,
Безпечные, безпечно мы вкушаемъ;
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...

Задача написанія полной исторіи судебной реформы, частью по количеству, частью по качеству подлежащихъ изслѣдованію матеріаловъ, безспорно не легка, и вѣроятно, не скоро мы ея дождемся. Поэтому біографическіе опыты о дѣятельности главнѣйшихъ участниковъ ея, кажется, будутъ не безполезны, хотя бы какъ подготовительный матеріалъ для будущей исторіи. На симпатичной дѣятельности одного изъ нихъ, а именно Замятнина, игравшую первостепенную роль въ выработкѣ, а въ особенности въ введеніи „Судебныхъ Уставовъ“ въ дѣйствіе, мы и намѣрены остановиться. Намъ уже приходилось говорить, по порученію московскаго Юридическаго Общества, о дѣятельности Замятнина*). Нынѣ намъ удалось собрать матеріалы, могущіе служить къ болѣе рельефной обрисовкѣ этой замѣчательной личности, а потому считаемъ полезнымъ еще разъ вернуться къ своей темѣ. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ оговориться, что, по свойству собраннаго нами матеріала, намъ придется говорить о дѣятельности Замятнина только по судебной реформѣ.

Дѣятельность Замятнина имѣетъ право на вниманіе еще по особой причинѣ. Въ наше время, когда и у недюжинныхъ людей руки опускаются въ безсиліи, когда

*) *Журн. Гражд. и Уголовн. Права* 1882 года, № 2.

всѣ жалуются на недостатокъ творческой мысли, когда всѣ ищутъ и не находятъ людей для разрѣшенія назрѣвшихъ серьезныхъ общественныхъ задачъ, очеркъ дѣятельности Замятнина можетъ дать не мало назидательныхъ указаній. По общему признанію всѣхъ лицъ, близко знавшихъ Замятнина, умственныя способности его не представляли чего-нибудь изъ ряда вонъ выходящаго. Для своего времени онъ былъ достаточно образованъ, начитанъ, знакомъ съ иностранными законодательствами, особенно съ французскимъ, но выдающимися чертами его личности были: безкопечная доброта, нравственная чистота, идеальная честность. Обладая такими богатыми духовно-нравственными дарами, Замятнинъ, и при обыкновенныхъ умственныхъ способностяхъ, съумѣлъ занять выдающееся мѣсто въ сонмѣ дѣятелей судебной реформы. Однажды понявъ великое значеніе гуманныхъ и либеральныхъ основъ судебной реформы, онъ отдался ей такъ, какъ умѣютъ отдаваться подобныя натуры, то-есть всецѣло и навсегда, а не по соображеніямъ минутнаго оппортюнизма; онъ сдѣлался ихъ горячимъ сторонникомъ, распространителемъ, а впослѣдствіи бойцомъ за судебную реформу. Впрочемъ, въ этомъ явленіи нѣтъ ничего особенно новаго. Исторія нерѣдко отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что люди „чистые сердцемъ“ гораздо сильнѣе откликаются на призывы освободительныхъ и гуманныхъ идей, открывающіе новые горизонты для человѣчества, нежели очерствѣвшіе люди школьной мудрости, книжники. Не нужно, конечно, упускать изъ виду и ту великую собирательную силу, которая называется „общественнымъ воодушевленіемъ“,

силу, благодаря которой и пигмеи дѣлаются гигантами, и Терситы—Патроклами... Однимъ словомъ, въ извѣстное время и при извѣстныхъ добрыхъ задаткахъ, и человѣкъ среднихъ способностей можетъ творить великія дѣла. А это случается тогда, когда правящія сферы умѣютъ вызвать и направить здоровыя интеллигентныя силы страны, которыхъ бываетъ въ запасѣ больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Нужно только умѣть разыскивать эти силы. Ищите и обрящете... Истина эта слишкомъ стара, но послѣдуемъ совѣту Гете и „не будемъ уставать, защищая истину; заблужденіе дѣйствуетъ, не уставая никогда".

Какъ бы то ни было, благодаря частью личнымъ своимъ качествамъ, а главнымъ образомъ благотворному вліянію либеральныхъ теченій начала прошлаго царствованія, Замятнинъ сдѣлался какъ бы знаменемъ для суденой реформы и оставался имъ до конца своей жизни. У всякой исторической эпохи, для всякаго важнаго историческаго предпріятія,—народное, у насъ пока еще общественное—сознаніе создаетъ легендарнаго героя, воплощающаго основную идею этого дѣла. Такими легендарными носителями идеи являются не всегда тѣ, которые отчетливѣе всѣхъ ее поняли, а тотъ, который сердечнѣе, теплѣе всѣхъ усвоилъ ее и беззавѣтно, весь безъ остатка, отдался служенію ей. Кто не знаетъ, какъ много сдѣлали для судебной реформы покойные князь Гагаринъ, Бутковъ и многіе другіе (я не говорю о живыхъ), однако, ко всеобщему признанію, истиннымъ олицетвореніемъ гуманныхъ и либеральныхъ принциповъ судебной реформы считался Замятнинъ.

Въ доказательство этой мысли приведу одинъ замѣчательный, но мало извѣстный фактъ. Въ 1874 году миновало первое десятилѣтіе со дня изданія „Судебныхъ Уставовъ“. Замятнинъ, давно уже устраненный отъ любимаго дѣла, оффиціально стоялъ совершенно далеко отъ судебнаго вѣдомства. И что же? Вся мыслящая Россія продолжала считать живымъ воплощеніемъ основныхъ началъ судебной реформы его, Замятнина. Съ разныхъ концовъ Россіи—изъ Москвы, Харькова, Пскова, Ельца, Новгорода, Владиміра—многочисленные почитатели судебной реформы, какъ бы сговорившись, слали Замятнину свои привѣтствія по случаю исполнившагося десятилѣтія изданія „Судебныхъ Уставовъ“. Въ числѣ привѣтствій была трогательная телеграмма изъ Москвы отъ молодыхъ, начинающихъ юристовъ, по поводу которой невольно вспоминаются слова французскаго философа: „heureux celui qui est assez grand pour que les petits l'admirent“. Вотъ какую добрую память оставилъ Замятнинъ послѣ своего кратковременнаго, но оставшагося навсегда памятнымъ, завѣдыванія дѣлами новаго суда. Безъ дальнѣйшихъ поясненій понятно, что дѣятельность такого человѣка заслуживаетъ вниманія.

II.

„Настоящее правительство не задерживаетъ народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы; оно не боится этихъ силъ; оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними".

С. Соловьевъ.

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ родился въ 1805 г., въ дворянской семьѣ, въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ лицейскомъ пансіонѣ, откуда за отличные успѣхи былъ переведенъ въ Царскосельскій лицей. Здѣсь онъ окончилъ курсъ съ серебряною медалью въ 1823 г. Съ перваго же шага своего служебнаго поприща Дмитрій Николаевичъ попалъ въ хорошую школу знаменитаго Сперанскаго, который былъ занятъ въ то время кодификаціонными роботами по составленію „Свода Законовъ". Съ закрытіемъ кодификаціонной коммиссіи въ 1826 году Дмитрій Николаевичъ перешелъ во вновь учрежденную собственную Его Императорскаго Величества канцелярію, гдѣ онъ и оставался до конца 1840 г. Въ теченіе этого времени онъ успѣлъ составить себѣ репутацію способнаго и трудолюбиваго, а главное — честнаго чиновника. Особенно благодаря послѣднему ка-

честву Дмитрій Николаевичъ получилъ должность герольдмейстера. При назначеніи на эту должность Дмитрію Николаевичу поручено было заняться искорененіемъ злоупотребленій, проще—взяточничества, господствовавшаго въ департаментѣ герольдій. Говорятъ, Императоръ Николай Павловичъ, опредѣляя Дмитрія Николаевича на это мѣсто, предупреждалъ его, что ему придется имѣть дѣло съ «шайкою разбойниковъ». Въ первый же годъ своей службы по новому вѣдомству Дмитрій Николаевичъ успѣлъ показать себя способнымъ администраторомъ, искоренивъ многія злоупотребленія. Отчетъ его за 1841 годъ, заключавшій въ себѣ и тщательно обдуманный планъ реформы дѣлопроизводства департамента герольдій, обратилъ на себя общее вниманіе. Затѣмъ Дмитрій Николаевичъ занималъ должности члена консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, оберъ-прокурора 2-го и 3-го департаментовъ сената. Въ этой должности онъ хорошо ознакомился со всѣми язвами нашего стараго тайнаго канцелярскаго судопроизводства, что принесло ему громадную пользу при послѣдующей его дѣятельности по судебной реформѣ. Въ 1852 году Дмитрій Николаевичъ былъ назначенъ сенаторомъ и до 1858 года онъ присутствовалъ въ 1-мъ и во 2-мъ отдѣленіяхъ 3-го департамента, въ 4-мъ и въ 1-мъ департаментахъ. 9-го мая 1858 года онъ былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи, а въ 1862 году, послѣ отставки графа Панина, управляющимъ министерствомъ юстиціи. 1-го января 1864 года Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ былъ утвержденъ въ званіи министра юстиціи, постъ котораго онъ занималъ до 16 апрѣля 1867 г.

За симъ онъ перешелъ въ государственный совѣтъ, гдѣ присутствовалъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и назначался постоянно членомъ особой коммисіи для разсмотрѣнія отчетовъ по министерству юстиціи и по кассаціоннымъ департаментамъ. 10-го мая 1881 года состоялось назначеніе Д. Н. Замятнина предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта.

Не перечисляя разнообразныхъ должностей, которыя занималъ Дмитрій Николаевичъ въ разныхъ коммиссіяхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, упомяну только, что онъ съ 1858 года служилъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, а впослѣдствіи былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ съ присутствованіемъ въ опекунскомъ совѣтѣ. Д. Н. Замятнинъ скончался въ день лицейской годовщины—19-го октября 1881 года. За товарищескимъ обѣдомъ съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ и черезъ нѣсколько часовъ послѣ того его уже не стало.

Такимъ образомъ время пребыванія и управленія Замятнинымъ министерствомъ юстиціи совпало со временемъ наиболѣе горячихъ работъ по подготовкѣ, составленію и введенію въ дѣйствіе „Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 года“. Эта-то самая важная эпоха жизни Дмитрія Николаевича составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Но, говоря объ участи Замятнина въ судебной реформѣ, считаю необходимымъ частью для связи изложенія, частью по невольной, но пріятной ассоціаціи идей, сказать два слова и о ходѣ этой реформы. И теперь,

черезъ 20 лѣтъ, или, вѣрнѣе сказать, именно теперь, нельзя безъ удивленія вспомнить объ этой классическомъ трудѣ составителей „Судебныхъ Уставовъ“. Теперь, когда давно уже назрѣвшія реформы какихъ-нибудь опекунскихъ учрежденій, коммерческихъ судовъ напрасно ждутъ не дождутся очереди въ теченіе 20 лѣтъ, колоссальный трудъ людей 60-хъ годовъ, блистательно, такъ-сказать съ одного размаха, разрѣшившихъ сложную задачу, въ теченіи четверти вѣка не сходившей съ очереди, кажется чѣмъ-то легендарнымъ.

Вотъ нѣкоторыя числа, которыя покажутся невѣроятными современному поколѣнію. Въ октябрѣ 1861 года покойный Государь повелѣлъ предварительно выработать „Основныя Положенія“ судебной реформы. Мысль эта оказалась въ высшей степени счастливою; но что не въ ней одной была сила, лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что въ послѣдующее время одно составленіе „Основныхъ Положеній“ не подвигало впередъ работы. Примѣръ — ипотечная система. Но въ данномъ случаѣ счастливая мысль принесла обильные плоды, потому что ей благопріятствовали время или, что то же, состояніе умовъ. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ состоявшагося повелѣнія государственный совѣтъ уже окончилъ разсмотрѣніе извѣстныхъ „Основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи“, Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 года и послужившихъ прочнымъ фундаментомъ для будущаго судебнаго законодательства. Лучшею похвалой для „Основныхъ Положеній“ можетъ служить весьма сочувственный отзывъ, коимъ они встрѣчены были знаменитымъ германскимъ

Библиотека Института Ленина при Ц.К. Р.К.П. (б) 127734

ученымъ Митермайеромъ *). 29-го же сентября повелѣно было образовать при государственной канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря В. П. Буткова, особую коммиссію для составленія проектовъ судоустройства и судопроизводства, согласно утвержденнымъ уже „Основнымъ Положеніямъ". Въ составъ коммиссіи вошли лучшіе юристы того времени, теоретически и практически изучавшіе право и судопроизводство. Коммиссія съ небольшимъ черезъ годъ уже внесла въ государственный совѣтъ готовые проекты Учрежденія судебныхъ мѣстъ и Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ. Скорость хода работъ отнюдь не отразилась неблагопріятно на внутреннемъ содержаніи и внѣшней отдѣлкѣ проектовъ. Напротивъ, въ нихъ замѣчается такая полнота и глубина мысли, такое дѣятельное участіе всѣхъ умственныхъ силъ тогдашняго интеллигентнаго общества, которыя ни раньше, ни позже болѣе не повторялись.

Вотъ каковъ былъ ходъ работъ. Вышеупомянутыя „Основныя Положенія" были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Чтобы вызвать самодѣятельность общественныхъ силъ, коммиссія В. П. Буткова спеціально обратилась къ судебнымъ и административнымъ дѣятелямъ и профессорамъ, а черезъ періодическія изданія ко всѣмъ лицамъ, интересующимся судебною реформой, съ просьбою оказать содѣйствіе своими замѣчаніями. На приглашеніе коммиссіи откликнулось 448 лицъ, замѣчанія которыхъ составили шесть томовъ in folio. Припомнимъ, что это былъ первый опытъ обра-

*) *Жур. Министъ. Юст.* 1864 г., № 10.

щенія къ обществу за содѣйствіемъ, ради успѣха законодательныхъ работъ, и мы поймемъ, какъ великъ долженъ быть въ то время подъемъ гражданскаго духа и сила всеобщаго воодушевленія, если, при бѣдности нашей юридической мысли, на приглашеніе отозвалось 448 человѣкъ. Эти практическія замѣчанія вмѣстѣ съ иностранными законодательствами и теоретическими изслѣдованіями послужили матеріаломъ, надъ которымъ работала коммиссія. Сначала проекты составлялись редакторами, потомъ переходили въ отдѣленія коммиссіи и наконецъ обсуждались въ общемъ собраніи коммиссіи при участіи особо приглашенныхъ лицъ, свѣдѣнія и опытность коихъ могли разъяснить встрѣчаемыя недоразумѣнія. Коммиссія работала такъ усердно и добросовѣстно, что, какъ уже замѣчено, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ своего учрежденія приготовила проекты, снабженные превосходными объяснительными записками. Въ значительной степени благодаря такой образцовой работѣ коммиссіи, былъ созданъ лучшій памятникъ русскаго законодательнаго творчества.

Внося проекты въ государственный совѣтъ, предсѣдатель коммиссіи напутствовалъ ихъ слѣдующими словами, все значеніе коихъ обнаружилось лишь впослѣдствіи. „Если при дальнѣйшемъ направленіи настоящаго дѣла,—писалъ статсъ-секретарь Бутковъ,—и въ особенности при введеніи въ дѣйствіе новыхъ Уставовъ судопроизводства и Учрежденія судебныхъ мѣстъ и при необходимомъ, по указаніямъ опыта, исправленіи ихъ, современемъ, будутъ тщательно сохраняемы начала, преподанныя „Основными Положеніями“, и если притомъ судебная власть

будетъ поставлена въ полную и совершенную независимость отъ власти административной, то успѣхъ предпринятой у насъ судебной реформы едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію".

Такимъ образомъ съ небольшимъ въ *два года* были составлены „Основныя Положенія" и на основаніи ихъ проекты. Меньше чѣмъ въ годъ государственный совѣтъ обсудилъ проекты и уже 20 ноября 1864 года, то-есть меньше чѣмъ послѣ *трехлѣтней* работы, мы уже имѣли знаменитые „Судебные Уставы", составившіе эпоху въ общественномъ развитіи Россіи и вызвавшіе сочувствіе всего образованнаго міра. Развѣ мы не были правы, сказавъ выше, что современнымъ дѣятелямъ покажется легендарною быстрота, съ которою было выработано наше образцовое либеральное судебное законодательство?

При современномъ маразмѣ, охватившемъ общество, при отсутствіи творческой мысли, которое не могли восполнить ни свѣдущіе ни не свѣдущіе люди, дѣлается непонятнымъ этотъ внезапный притокъ свѣжихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, давшихъ возможность совершить въ 60-хъ годахъ рядъ важныхъ либеральныхъ реформъ. Откуда взялись эти гигантскія силы и какъ создалось то взаимное довѣріе и благотворное взаимодѣйствіе правящихъ сферъ и „оторвавшагося отъ народа" интеллигетнаго общества, которыя донынѣ съ любовью припонимаются друзьями прогресса? Отвѣчу косновенно на этотъ вопросъ словами маститаго историка Соловьева: „Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ мас-

сы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живою водою, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно — гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое въ минуту искушеній дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либерально-широкое воспитаніе, чтобы ему не колебаться, не мястись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ жалкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стеколъ, какъ дѣти, которыхъ долго держали взаперти и вдругъ выпустили на свободу“.

III.

Независимо отъ коммиссіи государственной канцеляріи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ В. П. Буткова, но вполнѣ согласно съ ея освободительными стремленіями, работалъ въ качествѣ министра юстиціи Д. Н. Замятнинъ, при ближайшемъ сотрудничествѣ одного изъ славныхъ ветерановъ судебной реформы Н. И. Стояновскаго. Тутъ мы касаемся одного изъ важнѣйшихъ моментовъ жизни Дмитрія Николаевича, а потому слѣдуетъ попытаться обозначить основныя свойства его личности, коими опредѣлится и самый характеръ и размѣръ его участія въ судебной реформѣ.

Частію по личнымъ своимъ свойствамъ, частью благодаря господствовавшей въ 1825—1855 гг. военно-бюрократической системѣ, изъ Дмитрія Николаевича не выработалась рѣзко очерченная индивидуальность, рѣшительная иниціатива. Юные и зрѣлые годы Дмитрія Николаевича относятся къ эпохѣ, когда ad majorem gloriam означенной системы преслѣдовалось строго всякое проявленіе своеобразной индивидуальности и все пригибалось подъ однообразную, оффиціально утвержденную, формулу какъ для внѣшняго благоповеденія, такъ и для внутренняго міровоззрѣнія. Ни школьное, ни политическое воспитаніе, полученное Замятнинымъ,

не способствовали развитію въ немъ высокаго полета мыслей, способности къ смѣлому творчеству. Въ личности Замятнина не столько замѣчалось присутствіе качествъ великаго духа, сколько чертъ прекрасной, возвышенной, чистой души. Преобладающею чертой въ личности Замятнина была необычайная доброта, о которой справедливо говоритъ Ренанъ: «c'est la bonté qui fait vivre». Дѣлать добро ближнему было для Дмитрія Николаевича истиннымъ наслажденіемъ, скажу болѣе— неодолимою потребностью его нравственной природы. Изъ другихъ чертъ характера Замятнина заслуживаютъ упоминанія: безусловная честность во всѣхъ поступкахъ, добросовѣстное до педантизма отношеніе къ своимъ обязанностямъ, вѣрность однажды сознательно избранному знамени. Въ сношеніяхъ съ равными себѣ и подчиненными у Дмитрія Николаевича замѣчались прямота, простота и ровность, умѣнье привязывать ихъ къ хорошему дѣлу и расшевеливать въ нихъ лучшія стороны души. Замѣчательна была въ Дмитріи Николаевичѣ, столь рѣдко наблюдаемая у людей въ его положеніи, скромность, открыто высказываемое желаніе учиться долго и прилежно у людей болѣе его свѣдущихъ и отсутствіе того мелкаго самолюбія, которое не выноситъ около себя близости выдающихся талантовъ. Дмитрій Николаевичъ охотно выдвигалъ и въ министерствѣ, и впослѣдствіи въ судебныхъ учрежденіяхъ даровитыхъ дѣятелей, любуясь ихъ успѣхами и не боясь развитія ихъ дарованій. Незлопамятность, благодушіе, отвращеніе къ пересудамъ, какъ логическія послѣдствія его доброй натуры, замѣчались у Дмитрія Николаевича какъ въ част-

ной жизни, такъ и оффиціальной дѣятельности.

Въ сношеніяхъ съ просителями Замятнинъ отличался доступностію и внимательностію. Замятнинъ отзывался такъ: „Просителю, какъ бы больному, нужна помощь немедленная или объясненіе, что ему помощь невозможна". Онъ былъ всегда врагомъ пустыхъ широковѣщательныхъ обѣщаній, въ щедромъ расточеніи коихъ иные видятъ простое, не вѣрное средство для привлеченія просительскихъ сердецъ.

Приведенная краткая характеристика показываетъ, что еслибы не благодатное либеральное движеніе 60-хъ годовъ, то дѣятельность Замятнина, всегда честная и гуманная, прошла бы незамѣтно, не оставивъ послѣ себя глубокихъ слѣдовъ. Но, какъ выше уже было замѣчено, въ эпоху всеобщаго преобразовательнаго воодушевленія и среднія способности даютъ богатый разцвѣтъ и слабыя иниціативою натуры мужаютъ и крѣпнутъ. Присущій имъ недостатокъ иниціативы парализуется быстрымъ и глубокимъ общественнымъ теченіемъ, которое несетъ ихъ, не требуя отъ нихъ особыхъ усилій воли и смѣлаго творческаго полета. Такъ случилось и съ Замятнинымъ. Богатые духовные дары его, тлѣвшіе подъ пепломъ, благодаря однообразной начальственной нивелировкѣ, ожили при первомъ же соприкосновеніи съ здоровою атмосферой свободной общественной самодѣятельности.

До 1862 года дѣло судебной реформы шло мимо министерства юстиціи и даже противъ его тенденцій. Тогдашній министръ юстиціи графъ Панинъ дѣлалъ не мало усилій, чтобы смягчить или, вѣрнѣе, исказить

основныя начала судебной реформы. Когда же „Основныя Положенія“ прошли въ государственномъ совѣтѣ и удостоились 29 сентября 1862 года Высочайшаго утвержденія, графъ Панинъ понялъ, что роль его сыграна, и онъ долженъ былъ подать въ отставку. Преемникомъ ему былъ назначенъ бывшій его товарищъ Д. Н. Замятнинъ. Первымъ дѣломъ Замятнина было избраніе себѣ въ товарищи Н. И. Стояновскаго, бывшаго въ то время статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта. Раньше Замятнинъ не былъ даже знакомъ съ нимъ домами, а зналъ его только по службѣ. Высоко цѣня его способности и желая употребить ихъ на пользу судебной реформы, Замятнинъ искалъ въ своемъ товарищѣ помощника и даже, horribile dictu, наставника, въ совершенное отличіе отъ многихъ министровъ того времени, бравшихъ себѣ въ товарищи бездарности изъ опасенія, чтобы товарищи ихъ не затмили.

Съ назначеніемъ Замятнина въ министерствѣ юстиціи сталъ носиться иной духъ, водворились иные порядки. Послѣ такого черстваго, безжизненнаго бюрократа, чиновника до мозга костей, какимъ былъ графъ Панинъ, служившій истиннымъ олицетвореніемъ бездушнаго формализма, вдругъ занимаетъ министерскій постъ человѣкъ мягкій, ласковый, пріятный въ обращеніи, доступный для всѣхъ. Графъ Панинъ, никогда не покидавшій своего недоступнаго бюрократичестаго Олимпа не только для объясненія съ публикою, но и для выслушанія докладовъ,—чуть ли и съ курьеромъ своимъ объяснялся не иначе, какъ письменно. Преемникъ же его, не желая разыгрывать роли грознаго, но не видимаго далай-ламы,

впервые назначилъ пріемные часы для личныхъ объясненій съ просителями. Что касается правителя канцеляріи министерства юстиціи, Д. Б. Бэра, то онъ во всякое время принималъ просителей, просьбы коихъ въ тотъ же или на другой день докладывались министру.

Отношенія новаго министра къ чинамъ министерства были превосходныя. Еще раньше Д. Н. Замятнинъ, будучи товарищемъ министра, успѣлъ пріобрѣсти расположеніе департаментскаго персонала простотою своего обращенія, составлявшаго такой бьющій глазъ контрастъ съ недоступностью тогдашняго министра юстиціи... „Вдругъ видимъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ того времени, — симпатичнаго старика, въ гороховомъ сюртукѣ, съ сигарою во рту расхаживающаго между столами и запросто знакомящагося съ подчиненными: то былъ новый товарищъ министра Замятнинъ". Одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Замятнина, сенаторъ Д. Б. Бэръ, слѣдующими чертами характеризуетъ личность его: „Всему вѣдомству (министерства юстиціи) уже давно была извѣстна въ высшей степени гуманная, симпатичная личность новаго начальника. Съ полнымъ къ нему довѣріемъ вѣдомство принялось за усиленную дѣятельность, стало готовиться къ предстоящей судебной реформѣ. Всегда спокойный, хладнокровный, чуждый мелочнаго самолюбія, онъ требовалъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Онъ обладалъ особымъ умѣньемъ выслушивать своихъ подчиненныхъ. Исполнитель, которому поручена была какая-либо работа, былъ увѣренъ, что онъ всегда придетъ во-время къ своему начальнику и будетъ выслушанъ имъ безъ

малѣйшей тѣни неудовольствія и досады, хотя бы онъ представлялъ свои соображенія о невозможности исполнить отданное приказаніе. Каждое малѣйшее сомнѣніе обсуждалось, подвергалось строгой критикѣ, весьма часто коллегіально, и дѣло отъ такихъ пріемовъ выигрывало; притомъ же начальникъ этимъ путемъ узнавалъ своихъ подчиненныхъ. Это не было нерѣшительностью, а было, напротивъ, желаніемъ отыскать правду, наилучшимъ образомъ осуществить ее и поставить дѣло на законную, твердую почву" *).

Узнавъ изъ продолжительнаго жизненнаго опыта, что Русь „въ судахъ полна неправды черной", новый министръ направилъ всѣ силы своего вѣдомства для кореннаго излѣченія этого застарѣлаго недуга. Онъ усвоилъ себѣ либеральныя основанія судебной реформы и сдѣлался ихъ горячимъ сторонникомъ на всю жизнь. Этотъ почти шестидесятилѣтній, въ то время, старецъ, соединивъ въ себѣ твердость зрѣлаго возраста съ пыломъ молодаго увлеченія, организовалъ въ своемъ министерствѣ коллегію, соревновавшую съ коммиссіею для начертанія „Судебныхъ Уставовъ" въ работахъ для скорѣйшаго проведенія судебной реформы. Съ свойственнымъ ему умѣньемъ выбирать и привязывать къ себѣ людей, Замятнинъ, не обращая вниманія ни на возрастъ, ни на положеніе въ судебной іерархіи, сгруппировалъ около себя „могучую кучку" способныхъ и преданныхъ дѣлу реформы людей, воодушевленныхъ высотою предстоящей работы и искреннимъ желаніемъ поработать на пользу родины. На первомъ планѣ фигурировалъ—

*) *Жур. Гражс. и Угол. Права* 1881 года, № 6.

правая рука министра юстиціи—маститый государственный мужъ Н. И. Стояновскій, заложившій одинъ изъ первыхъ камней судебной реформы еще въ должности статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Затѣмъ слѣдовали: директоръ департамента министерства юстиціи баронъ Врангель, вице-директоръ Б. Н. Хвостовъ, начальникъ законодательнаго отдѣленія Н. Н. Шрейберъ, старшій юрисконсультъ консультаціи Д. Г. Фонъ-Дервизъ, начальникъ гражданскаго отдѣленія О. В. Эссенъ, юрисконсультъ Г. К. Рѣпинскій, правитель канцеляріи министра юстиціи Д. Б. Бэръ и др. Люди съ мелкими страстишками, имѣя въ виду задѣть самолюбіе министра юстиціи, громко говорили, что онъ даетъ себя „начинять департаментскимъ либерализмомъ“. Но Замятнинъ съ полнымъ равнодушіемъ и даже добродушіемъ выслушивалъ колкости и продолжалъ „учиться“ у всякаго, кто могъ бы дать полезныя указанія для руководимаго имъ дѣла. А „ученіе“ было серьезное и изученіе прилежное.

Для ближайшаго съ своей стороны обсужденія внесенныхъ въ государственный совѣтъ проектовъ судоустройства и судопроизводства, Замятнинъ образовалъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, въ присутствіи товарища своего Н. И. Стояновскаго, особыя совѣщательныя засѣданія, къ которымъ были приглашены способнѣйшіе чины министерства юстиціи. Засѣданія эти продолжались въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (въ началѣ 1864 года) по три раза въ недѣлю, по вечерамъ, по пяти и болѣе часовъ каждое. Замятнинъ поражалъ на этихъ засѣданіяхъ своимъ терпѣніемъ и

неутомимостью. Въ то время, когда молодые люди чувствовали утомленіе, онъ, несмотря на свои годы, засиживался до двухъ часовъ ночи, внимательно выслушивая всякое замѣчаніе и давая всякому высказаться вполнѣ, поощряя словомъ и личнымъ примѣромъ. По тщательномъ обсужденіи всѣхъ по порядку постановленій проектовъ судебной реформы, основаній приведенныхъ въ объяснительныхъ запискахъ коммиссіи В. П. Буткова и возбужденныхъ по разнымъ вопросамъ разногласій въ засѣданіяхъ помянутой коллегіи, по указанію Дмитрія Николаевича, устанавливалась сущность замѣчаній его на проекты. Потомъ эти замѣчанія, подробно редактированныя, подъ ближайшимъ надзоромъ товарища министра Н. И. Стояновскаго, окончательно просматривались Замятнинымъ, печатались и по мѣрѣ изготовленія разсылались ко всѣмъ членамъ соединеннаго присутствія департаментовъ государственнаго совѣта ко времени происходившихъ въ оном засѣданій. Такимъ образомъ доставлены были подробныя соображенія о необходимости измѣненія по существу до 1.100 статей проектовъ, а именно: до 600 статей проекта гражданскаго судопроизводства, до 300 проекта уголовнаго судопроизводства, до 80 статей проекта о проступкахъ подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ и до 120 проекта Учрежденій судебныхъ мѣстъ *). Вотъ какъ честно поработалъ Замятнинъ вмѣстѣ съ своими сотрудниками для судебной реформы!

Независимо отъ изложеннаго, Дмитрій Николаевичъ, желая еще болѣе споспѣшествовать успѣху судебной

*) *Журн. Мин. Юстиціи* 1866 г., № 4, стр. 31.

реформы, испросилъ соизволеніе покойнаго Государя на то, во-первыхъ, чтобы министру дозволено было по проектамъ судоустройства и судопроизводства сообщать государственному совѣту во время слушанія проектовъ, а затѣмъ представлять совѣту изустно разъясненія, какія окажутся необходимыми; во-вторыхъ, чтобы всѣ работы коммиссіи В. П. Буткова сообщены были для предварительнаго разсмотрѣнія сенаторамъ и оберъ-прокурорамъ, такъ какъ многіе изъ нихъ обладаютъ большимъ запасомъ знаній юридическихъ и практическою, въ судебныхъ дѣлахъ, опытностью; и въ-третьихъ, чтобы товарищъ министра Стояновскій находился во всѣхъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта по дѣлу судебной реформы, съ правомъ представлять объясненія и соображенія свои по проектамъ и образованіи судебной части.

Такимъ образомъ участіе Замятнина по подготовкѣ судебной реформы сводилось къ составленію цѣлесообразнаго плана организаціи работъ министерства юстиціи, въ высшемъ руководствѣ и лучшемъ направленіи дѣятельности чиновъ министерства, сообразно способностямъ каждаго, и, наконецъ, въ воодушевленіи ихъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ и личнымъ примѣромъ неутомимости и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу.

IV.

Habent sua fata libelli.

Выше было указано, съ какою добросовѣстностью вырабатывалъ Замятнинъ свои замѣчанія на проекты „Судебныхъ Уставовъ“. Въ совокупности „Замѣчанія министра юстиціи“ образовали солидный томъ in folio въ 500 слишкомъ страницъ. Довольно странная судьба постигла этотъ замѣчательный трудъ. Публикѣ и даже спеціалистамъ онъ почти неизвѣстенъ. Въ „Судебныхъ Уставахъ“ изданія государственной канцеляріи приводится масса соображеній изъ объяснительныхъ записокъ, журналовъ государственнаго совѣта и даже записки статсъ-секретаря Блудова, о замѣчаніяхъ же министра юстиціи Замятнина, имѣвшихъ результатомъ видоизмѣненіе многихъ статей проектовъ и стало-быть могущихъ служить наилучшимъ комментаріемъ къ новой редакціи статей, вошедшихъ въ измѣненномъ видѣ въ „Судебные Уставы“, —ни слова не говорится. Имѣемъ ли мы дѣло съ простою случайностью или случаемъ проявленія jalousie de métier, но фактъ тотъ, что разносторонніе замѣчанія министра юстиціи вовсе игнорируются оффиціальнымъ изданіемъ „Судебныхъ Уставовъ“. Лучшею аттестаціей для этого труда можетъ служить то обстоятельство, что многія изъ предложенныхъ имъ попра-

вокъ вошли въ дѣйствующее судебное законодательство, какъ одна изъ лучшихъ его частей. Нѣкоторыя изъ серьезныхъ поправокъ были отвергнуты государственнымъ совѣтомъ, благодаря чему образовались въ „Судебныхъ Уставахъ“ замѣтные пробѣлы и шероховатости, понынѣ еще не устраненные,—такъ, напримѣръ, порядокъ взысканія по безспорнымъ актамъ.

Общая черта всѣхъ „Замѣчаній“ Замятнина — неуклонное слѣдованіе и неустанное отстаиваніе либеральныхъ „Основныхъ Положеній“, легшихъ въ основаніе судебной реформы, иной разъ даже болѣе вѣрное слѣдованіе имъ, чѣмъ то замѣчается въ трудахъ коммиссіи Буткова. Въ виду малаго знакомства публики съ этими „Замѣчаніями“, я считаю полезнымъ привести нѣкоторыя изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что они предоставляютъ цѣнный матеріалъ и для характеристики личности Замятнина. Велики заслуги составителей проектовъ судоустройства и судопроизводства, но справедливость и интересъ дѣла требуютъ отвести должное мѣсто и трудамъ того, кто своими замѣчаніями значительно способствовалъ улучшенію многихъ предположеній проекта.

§ 1. Замѣчанія на проектъ устава гражданскаго судопроизводства.

„Министръ юстиціи, глубоко сознавая всю важность этого дѣла (судебной реформы) для будущаго развитія гражданской жизни нашего отечества, считаетъ долгомъ выразить, прежде всего, искреннее убѣжденіе, что означенные проекты („Уставовъ“) представляютъ собою

обширный и замѣчательный трудъ, исполненный съ совершенною добросовѣстностью и съ полнымъ пониманіемъ величія предстоящей задачи". Такъ привѣтствовалъ Замятнинъ съ своего высокаго министерскаго поста дѣло реформы. Бросая затѣмъ общій взглядъ на внесенные въ государственный совѣтъ проекты, министръ замѣчаетъ, что они не вполнѣ согласованы между собою. Обстоятельство это онъ объясняетъ тѣмъ, что коммиссія, составлявшая проекты, работала по отдѣленіямъ и не имѣла времени и возможности разсмотрѣть весь свой трудъ въ совокупности и сообщить различнымъ его частямъ надлежащее единство и одну общую систему. Замѣчаніе весьма цѣнное, имѣвшее послѣдствіемъ новое размѣщеніе частей и приведеніе „Уставовъ" въ болѣе стройную систему.

Порядокъ изложенія правилъ мироваго судопроизводства по гражданскимъ дѣламъ былъ подробно разсмотрѣнъ „Замѣчаніями". Они находили, прежде всего, болѣе правильнымъ сначала изложить процессуальныя правила общаго порядка судопроизводства, а потомъ, какъ изъятіе, мироваго. „Замѣчанія" критиковали основательно и содержаніе этихъ правилъ. Проектъ, какъ извѣстно, начерталъ довольно подробныя правила для мировыхъ судей и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ имъ примѣнять общія правила судопроизводства въ той мѣрѣ, какъ они могутъ быть согласованы съ производствомъ въ мировыхъ учрежденіяхъ. Такая постановка дѣла вмѣсто облегченія должна затруднить, по мнѣнію министра юстиціи, судей не-юристовъ. Онъ предлагалъ ст. 143 проекта изложить такъ: „всѣ тѣ правила производства

дѣлъ въ общихъ судахъ, которыя не отмѣнены или не замѣнены въ настоящей книгѣ, имѣютъ полное примѣненіе къ производству у мировыхъ судей“ (стр. 4 „Замѣч.“). Государственный совѣтъ болѣе склонился къ мнѣнію коммиссіи, вслѣдствіе чего въ Уст. гражд. суд. внесена была крайне неопредѣленнаго содержанія статья 80, причинившая не мало затрудненій и мировой судебной практикѣ, и кассаціонному сенату. Кто знаетъ, не этой ли статьѣ по преимуществу мы обязаны усиленіемъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, въ разрѣзъ ихъ основной идеѣ, формализма?

По вопросу о размѣрѣ подсудности мировой юстиціи Замятнинъ кореннымъ образомъ разошелся съ проектомъ коммиссіи. Она предполагала ограничить вѣдомство мироваго суда исками не свыше 100 руб. Министръ юстиціи энергично возсталъ противъ этого пункта и прежде всего возражалъ противъ того довода, что „единоличный судъ мирóваго судьи, могущаго притомъ быть и не юристомъ, представляетъ менѣе гарантій въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ, чѣмъ коллегіальные суды“. Не слѣдуетъ забывать, сказано въ „Замѣчаніяхъ“, что наибóльшую гарантію въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ представляетъ хорошій *выборъ судей* (курсивъ въ подлинникѣ), а выборъ можетъ быть тѣмъ лучше и тѣмъ строже, чѣмъ менѣе лицъ потребуется для занятія судейскихъ должностей. Далѣе дѣлается весьма важное практическое замѣчаніе, что народное богатство у насъ не настолько развито, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, и поэтому именно и слѣдуетъ дать народу дешевый судъ (стр. 19). Министръ предложилъ возвы-

сить подсудность мировой юстиціи до исковъ въ 500 руб., что̀ и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Вообще заслуживаетъ вниманія, что, въ отличіе отъ своего преемника, Замятнинъ относился съ большимъ довѣріемъ къ выборнымъ мировымъ судьямъ и старался возвысить ихъ положеніе, не видя, подобно другимъ, основанія брать ихъ въ подозрѣніе потому только, что на выборъ ихъ не можетъ вліять министерство юстиціи. Во всѣхъ, даже второстепенныхъ, случаяхъ Замятнинъ оставался вѣренъ этому взгляду. „Проектъ“ предоставлялъ окружнымъ судамъ право поручать мировому судьѣ допросъ свидѣтелей, распросъ тяжущихся, повѣрку доказательствъ, осмотръ на мѣстѣ и т. п. „Замѣчанія“ возстаютъ противъ этихъ правилъ, какъ умаляющихъ достоинство мировыхъ судей. Министръ при этомъ припоминаетъ слѣдующія соображенія, по коимъ государственный совѣтъ предъ тѣмъ счелъ невозможнымъ подчинить мировыхъ судей окружнымъ судамъ: „при такомъ подчиненіи надежда видѣть на этой должности мѣстныхъ, всѣми уважаемыхъ землевладѣльцевъ, постановленныхъ подъ *единственный* контроль избравшаго ихъ общества и уголовнаго суда, уничтожается, и затѣмъ новая должность вступаетъ въ общій разрядъ низшихъ судебно-полицейскихъ должностей“. Мѣры, предлагаемыя коммиссіей, не могутъ не поставить, сказано въ „Замѣчаніяхъ“ (стр. 67), мировыхъ судей въ совершенную зависимость отъ окружныхъ судовъ, такъ какъ немыслимо, чтобъ имѣющій право давать порученіе не имѣлъ права опредѣлять степень удовлетворительности исполненія этого порученія. Стараніе свое охранять достоинство мировыхъ

судей Замятнинъ простиралъ такъ далеко, что онъ, въ видахъ привлеченія къ занятію этой должности людей высоко поставленныхъ въ общественномъ мнѣніи, не считалъ также удобнымъ, въ случаѣ недостатка въ членахъ окружнаго суда, приглашать мировыхъ судей. При этомъ онъ проводитъ слѣдующее деликатное соображеніе: „отсутствующія должностныя лица обыкновенно замѣняются, временно, лицами, стоящими въ служебной іерархіи ниже самихъ отсутствующихъ, а потому необходимо устранить возможность примѣненія подобнаго толкованія относительно званія мировыхъ судей и членовъ окружныхъ судовъ“.

Ст. 103 и 104 проекта предоставляли истцу, недовольному распоряженіемъ предсѣдателя о возвращеніи прошенія, обжаловать дѣйствія предсѣдателя суду. „Замѣчанія“ указываютъ, во-первыхъ, на то, что для обжалованія не положено никакого срока и, во вторыхъ, на неудобство для судебной коллегіи разсматривать дѣйствія своего предсѣдателя, такъ какъ подобный порядокъ можетъ возбудить сомнѣніе, быть-можетъ и не лишенное основанія, въ безпристрастіи членовъ суда къ дѣйствіямъ своего предсѣдателя (стр. 31). Согласно поправкѣ, внесенной „Замѣчаніями“, составлена была нынѣшняя ст. 268-я Уст. гражд. судопр.

Признавая, что несправедливо было бы требовать обезпеченія судебныхъ издержекъ отъ иностранца, хотя и не состоящаго въ русской службѣ, но имѣющаго недвижимую собственность въ Россіи, министръ предложилъ видоизмѣнить въ этомъ смыслѣ проектъ (стр. 108). Поправка вошла въ нынѣшнюю ст. 571-ю, п. 5, Уст. гражд. судопр.

Ст. 476-ю проекта министръ юстиціи полагалъ видоизмѣнить и изложить слѣдующимъ образомъ: возраженія, что самое право на искъ вовсе не принадлежитъ тому лицу, которое ищетъ, либо прекратилось и погашено прежде начатія иска исполненіемъ обязательства, силою судебнаго рѣшенія, мировою сдѣлкою или истеченіемъ земской давности и т. п., не считаются отводами, а посему предъявляются суду и разсматриваются имъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ возраженіями по существу иска (стр. 112). Поправка эта почти дословно вошла въ 589 ст. Уст. гражд. судопр.

Только благодаря „Замѣчаніямъ“ министра внесено въ ст. 679 и 680 Уст. гражд. судопр. постановленіе о порядкѣ устраненія прокуроровъ, который былъ упущенъ изъ виду при составленіи проекта. „Замѣчанія“ же способствовали значительному улучшенію постановленія о заочныхъ рѣшеніяхъ (стр. 126 и 127).

Въ книгѣ III проекта, ст. 74—77, излагался рядъ правилъ объ исправленіи ошибокъ въ рѣшеніяхъ. Министръ юстиціи въ принципѣ отвергалъ надобность въ подобныхъ правилахъ по слѣдующимъ основаніямъ: установленіе особаго порядка для исправленія ошибокъ предполагаетъ съ одной стороны недовѣріе къ суду, а съ другой — возможность ошибокъ съ его стороны. Если даже при дѣйствующемъ порядкѣ судопроизводства на практикѣ почти никогда не возбуждалось вопроса о невѣрности изложенія рѣшеній, то тѣмъ менѣе можно предположить, что по введеніи новаго судопроизводства случаи жалобъ на невѣрность изложенія рѣшенія увеличатся. Наконецъ, если принять за основное правило, что въ окончательную законную силу входитъ только резолюція суда, а не изложеніе въ

рѣшеніи обстоятельствъ дѣла, то подобное исправленіе ошибокъ потеряетъ всякое практическое значеніе. Согласно мнѣнію министра, государственный совѣтъ исключилъ изъ Устава правила объ исправленіи рѣшеній.

По вопросу объ организаціи кассаціоннаго производства министръ юстиціи радикально разошелся съ проектомъ. Министръ юстиціи исходилъ изъ болѣе строгаго правоваго воззрѣнія и полагалъ, что для упроченія правоваго порядка необходимо перечислить въ самомъ Уставѣ гражд. судопр. тѣ формы, нарушеніе коихъ влечетъ за собою недѣйствительность рѣшенія, коммиссія же считала невозможнымъ такое исчисленіе. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ коммиссіи, но соображенія, приведенныя министромъ юстиціи, заслуживаютъ полнаго вниманія. Значеніе ихъ не только не ослаблено, но можетъ быть еще усилено послѣдующею кассаціонною практикой. «Конечно,—сказано въ „Замѣчаніяхъ“,—наука судопроизводства не выработало еще такихъ началъ по вопросу о формахъ, обусловливающихъ правильность судебнаго рѣшенія, которыя бы признавались всѣми безусловно справедливыми. Но изъ этого еще нельзя сдѣлать вывода, что нужно отказаться отъ попытки опредѣлить такія формы. Постановляя правила судопроизводства, законодатель долженъ стараться объ одномъ — исполнить свою задачу добросовѣстно. Безъ сомнѣнія, нельзя гоняться за совершенствомъ, потому что несовершенство человѣческой природы ставитъ тому непреодолимую преграду. Но законодатель тѣмъ не мѣнѣе долженъ имѣть какія-либо убѣжденія и считать ихъ правильными. Иначе въ ожиданіи, что истины, призна-

ваемыя нынѣ таковыми, со-временемъ должны потерять авторитетъ, пришлось бы отказаться отъ всякихъ убѣжденій и всякой общественной дѣятельности. Если же законодатель имѣетъ свои убѣжденія, то долженъ проводить ихъ, установлять правила, въ полезномъ дѣйствіи которыхъ онъ увѣренъ, и предоставить потомству судить о ихъ достоинствѣ и дѣлать исправленія и дополненія, которыя признаны будутъ нужными. Еслибы даже трудъ перечисленія всѣхъ упомянутыхъ формъ судопроизводства былъ очень сложенъ, то отъ него нельзя отказаться при начертаніи Устава судопроизводства, потому что съ теченіемъ времени для людей, не занимавшихся составленіемъ Устава и, слѣдовательно, незнакомыхъ съ основаніемъ каждой статьи, трудъ этотъ сдѣлается *еще сложнѣе*". Затѣмъ министръ юстиціи предусмотрительно замѣчалъ, что пробѣлъ въ Уставѣ по сему предмету тяжело отзовется на практикѣ. „Сколько лѣтъ понадобится,—писалъ онъ,—на то, чтобы сенатъ изъ подлежавшихъ его разрѣшенію частныхъ случаевъ составилъ полныя правила для руководства на будущее время? Каково будетъ положеніе тяжущихся, знающихъ, что есть правила объ отмѣнѣ рѣшеній въ кассаціонномъ порядкѣ и не находящихъ въ законахъ никакихъ указаній на то, въ какихъ случаяхъ этотъ порядокъ примѣняется? Понятно, что, при всякомъ нарушеніи со стороны суда какихъ-либо формальностей, тяжущійся, незнакомый съ значеніемъ новаго въ Россіи кассаціоннаго производства, совершенно добросовѣстно пожелаетъ *попробовать*, не отмѣнитъ ли кассаціонный департаментъ по этому случаю судебнаго рѣшенія.

Вслѣдствіе сего просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній *во множествѣ* будутъ поступать въ правительствующій сенатъ На разрѣшеніе такихъ просьбъ потратится много напраснаго труда и времени, большая часть изъ нихъ будетъ оставлена безъ послѣдствій, а слѣдовательно окажутся напрасными и значительныя издержки, сопряженныя съ производствомъ по просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній". Въ заключеніе министръ представилъ состоявшій изъ 29 параграфовъ перечень формальностей, нарушеніе коихъ должно было влечь за собою отмѣну оканчательныхъ рѣшеній. Послѣдующій опытъ показалъ, какъ правъ былъ Замятнинъ, опасаясь черезмѣрнаго обремененія дѣлами кассаціоннаго суда и спутанности кассаціонной практики. Для предупрежденія такого обремененія, вопреки основнымъ началамъ судебной реформы, стали впослѣдствіи ставить барьеры для тяжущихся въ видѣ кассаціоннаго залога, сдѣлавшаго кассаціонный судъ недоступнымъ для людей недостаточныхъ. А въ какомъ незавидномъ состояніи находилась и отчасти находится наша кассаціонная практика, это всѣмъ извѣстно*).

При обсужденіи правилъ кассаціоннаго производства министръ юстиціи признавалъ цѣлесообразнымъ установленіе болѣе подробныхъ правилъ, что, къ сожалѣнію, однако же не было принято государственнымъ совѣтомъ. Пользуясь чрезвычайною краткостію „Судебныхъ Уставовъ" при изложеніи правилъ кассаціонна-

*) См. мои статьи въ *Юридич. Вѣстникѣ* 1881 года, № 4, „О старомъ и новомъ направленіи гражданской кассаціонной практики" и въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 1883, № 12 „Москва, 12 января".

го производства въ реакціонномъ лагерѣ (см. *Берегъ* 1880 г.), стали, напримѣръ, впослѣдствіи настойчиво утверждать такой абсурдъ, что въ кассаціонномъ департаментѣ не допускаются словесныя объясненія. «Замѣчанія» министра юстиціи прямо устанавливали такое право. Кромѣ того министръ проектировалъ предоставленіе сенату права пріостановки рѣшеній, на кои поступили кассаціонныя жалобы, что, къ немалому ущербу для правосудія, не было принято (стр. 149). Взамѣнъ того появилась весьма непрактичная ст. 814 Уст. гражд. судопр., по которой рѣшеніе пріостанавливается лишь послѣ того, какъ послѣдуетъ опредѣленіе сената объ отмѣнѣ рѣшенія.

По вопросу о случаяхъ, въ которыхъ могутъ быть допущены просьбы о разрѣшеніи отыскивать убытки съ судей, въ коммиссіи возникло разногласіе. Министръ юстиціи высказался за то мнѣніе, что судья подвергается отвѣтственности не только въ томъ случаѣ, когда неправильное рѣшеніе постановлено имъ изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, но также когда оно было слѣдствіемъ ошибки судьи или неправильнаго, лишь по недоразумѣнію, толкованія законовъ (стр. 57). Въ этомъ видѣ и вошло это правило въ Уставъ, которое, впрочемъ, значительно ослаблено кассаціонною практикой.

Нынѣшняя редакція важнѣйшей 893 ст. Уст. гражд. судопр. о законной силѣ рѣшеній обязана своимъ происхожденіемъ замѣчанію министра юстиціи. Затѣмъ онъ же, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, полагалъ оговорить положительно въ Уставѣ, что въ законную силу вступаетъ одна лишь резолюція. Поправка, къ сожалѣнію, отвергнута была государственнымъ совѣтомъ.

Одна изъ слабыхъ сторонъ Устава гражд. судопр.— это отсутствіе особыхъ правилъ для взысканія по такъ-называемымъ безспорнымъ актамъ. Министръ юстиціи полагалъ, что обращеніе взысканія по такимъ документамъ къ состязательному и сокращенному порядку судопроизводства *противорѣчило* бы основнымъ положеніямъ судебной реформы, что сокращенный порядокъ установленъ лишь для спорныхъ дѣлъ, и если актъ оказывается безспорнымъ, то судъ, вмѣсто всякаго судопроизводства, обязанъ просто дать приказъ объ исполненіи акта. Исходя изъ той мысли, что порядокъ производства дѣлъ о взысканіяхъ по безспорнымъ актамъ долженъ отвѣчать двумъ требованіямъ—справедливости и скорости, министръ юстиціи предложилъ подробный проектъ по этому предмету. Онъ проектировалъ дѣла эти передать мировымъ судьямъ. Отвѣтчикъ можетъ защищаться по такимъ искамъ только установленными въ законѣ возраженіями. При наличности же другихъ возраженій судья рѣшаетъ искъ по безспорному акту, а отвѣтчику предоставляется встрѣчный споръ свой предъявить по подсудности въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ (стр. 235). Словомъ, министръ предлагаетъ тѣ самыя правила, которыя въ послѣднее время нѣсколько разъ принимались внести, но все неудачно, въ Уставъ гражд. судопр.

Опуская массу весьма дѣльныхъ замѣчаній ко всѣмъ почти частямъ судопроизводства, въ большинствѣ уваженныхъ государственнымъ совѣтомъ, укажу на два замѣчанія Замятнина о дѣлахъ казеннаго управленія. Онъ возражалъ противъ проектированнаго исключительно пись-

наемнго производства этихъ дѣлъ. Письменный порядокъ рекомендовался преимущественно въ тѣхъ видахъ, что онъ облегчаетъ контроль высшихъ мѣстъ надъ низшими и повѣренными казны. Противъ этого возражалъ министръ, ссылаясь на то, что нѣтъ основанія предполагать, что повѣренный частнаго лица долженъ имѣть больше интереса въ дѣлѣ, нежели уполномоченный казеннаго управленія. Притомъ повѣренными казны, кромѣ оффиціальныхъ ходатаевъ, могутъ быть только присяжные повѣренные (иниціатива этого постановленія также исходила отъ министра), а при организаціи, какая дается этому учрежденію „Основными Положеніями", можно надѣятся, что, независимо отъ матеріальнаго интереса, нравственныя побужденія еще болѣе будутъ заставлять ихъ дѣйствовать правильно и согласно интересамъ ихъ вѣрителей (стр. 253). Министръ юстиціи возражалъ и противъ предположенія проекта, по которому искъ противъ казны, вытекающій изъ договора подряда, можно предъявить только по окончаніи подряда. Питая къ суду полное довѣріе, министръ не соглашался съ такимъ ограниченіемъ. Замѣчаютъ,—говоритъ министръ, — что дѣла, возникающія изъ договоровъ съ казною, бываютъ иногда связаны съ важными государственными интересами, и что посему остановка исполненія подряда впредь до разрѣшенія судомъ возникающаго при исполненіи спора могла бы имѣть весьма опасныя послѣдствія; но замѣчаніе это падаетъ въ виду того, что предъявленіе иска не останавливаетъ распоряженія казеннаго управленія. Воспрещеніе подрядчику предъявить искъ до окончанія подряда, про-

должающагося иногда нѣсколько лѣтъ, можетъ лишить его возможности получить когда-либо удовлетвореніе, такъ какъ въ теченіе этого времени могутъ исчезнуть всѣ слѣды произведенныхъ имъ работъ и такимъ образомъ онъ можетъ быть лишенъ всѣхъ средствъ доказать свой искъ.

§ 2. Замѣчанія на проектъ Устава уголовнаго судопроизводства.

Какъ въ Уставѣ гражданскаго судопроизводства, такъ и въ Уставѣ уголовнаго министръ юстиціи Замятнинъ добивался расширенія подсудности мировой юстиціи. Проектъ предлагалъ предоставить мировымъ судьямъ право налагать взысканіе на сумму не болѣе 100 руб., министръ же юстиціи настаивалъ на возвышеніи этой цифры до 300 руб., что и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Въ проектѣ довольно смутно разграничивалась власть судебнаго слѣдователя и полиціи по производству предварительнаго слѣдствія и дознанія. Министръ юстиціи въ подробныхъ объясненіяхъ указывалъ на то, что съ одной стороны власть полиціи не можетъ быть оставлена въ томъ видѣ, какъ она существовала на основаніи стараго „Наказа полиціи“, — такъ, напримѣръ, съ правомъ сниманія формальнаго допроса съ обвиняемаго, — а съ другой стороны нельзя обязанности полиціи по производству дознанія возлагать на судебнаго слѣдователя, такъ какъ слѣдователь — не полицейскій сыщикъ, а слѣдственный судья, производящій изслѣдованіе о преступленіяхъ, а не о происшествіяхъ.

О гласности и защитѣ на предварительномъ слѣдствіи находимъ слѣдующія замѣчанія. По существующему на практикѣ порядку весьма многія дѣйствія слѣдователя гласны и это вытекаетъ изъ существа самихъ обязанностей слѣдователя и обстановки, при которой онѣ исполняются; напримѣръ, если слѣдователь пріѣзжаетъ въ деревню для производства слѣдствія и останавливается въ какой-либо избѣ, то хозяинъ дома со всею семьей дѣлается невольнымъ зрителемъ всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій. По мнѣнію самихъ слѣдователей, допросъ самыхъ изворотливыхъ преступниковъ и самыхъ молчаливыхъ свидѣтелей, не желающихъ сказать правды, необходимо производить не съ глазу на глазъ, а въ присутствіи другихъ. Нахожденіе постороннихъ лицъ производитъ, въ особенности на свидѣтелей, такое вліяніе, что все то, чего бы не добился отъ нихъ никогда слѣдователь, допрашивая ихъ съ глазу на глазъ, дѣлается извѣстнымъ слѣдователю немедленно, когда онъ допроситъ свидѣтелей, въ присутствіи постороннихъ лицъ. По этимъ соображеніямъ министръ юстиціи полагалъ предоставить слѣдователю разрѣшать присутствіе публики при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствіе ея не можетъ препятствовать открытію истины. Государственный совѣтъ отвергъ и эту ограниченную гласность. Касательно защиты министръ юстиціи полагалъ, что защита на предварительномъ слѣдствіи свойственна исключительно процессу обвинительному и не можетъ имѣть мѣста въ процессѣ смѣшанномъ, какимъ представляется предначертанный „Основными Положеніями“ для нашего отечества порядокъ уголовнаго судопроизводства (стр. 45).

Благодаря замѣчаніямъ министра юстиціи, значительно улучшены были предположенія проекта о пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклонятсья отъ слѣдствія. Въ проектѣ предположено было предоставить усмотрѣнію и благоразумію судебнаго слѣдователя принятіе той или другой мѣры обезпеченія. Министръ юстиціи выступилъ противъ этой обширной и ничѣмъ не регулированной дискреціонной власти, предоставленной слѣдователю, и заявилъ себя сторонникомъ бо̀льшаго огражденія личностей обвиняемыхъ отъ произвола слѣдователей. „Порядокъ, установляемый проектомъ,—писалъ министръ,—поведетъ къ тому, что одинъ слѣдователь будетъ всѣхъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ освобождать подъ залогъ или на поруки, а другой будетъ всѣхъ виновныхъ въ менѣе тяжкихъ преступленіяхъ содержать подъ стражею. Во всей Россіи, смотря по характеру и достоинству слѣдователя, установятся особые порядки пресѣченія, по тяжести своей совершенно различные, чего надлежитъ, насколько сіе возможно, избѣгать. По мнѣнію министра юстиціи, подобное широкое право въ рукахъ слѣдователя можетъ обратиться въ такое орудіе *произвола*, предъ которымъ произволъ нынѣшнихъ слѣдователя и полиціи, на который нерѣдко слышатся жалобы, покажется идеаломъ справедливости и законности. При начертаніи правилъ, которыми съ одной стороны ограничивается свобода гражданъ, а съ другой—обезпечивается общественная безопасность, нельзя *оболь-щаться* надеждою, что ни одно изъ должностныхъ лицъ, коимъ ввѣряется исполненіе этихъ правилъ, не уклонится отъ справедливости и своего долга. Если на

практикѣ не всегда возможно предотвратить такое уклоненіе, то тѣмъ не менѣе на законодателѣ лежитъ обязанность поставить для сего *преграды*. Наконецъ, должно подумать и о добросовѣстномъ судебномъ слѣдователѣ. Обязанности слѣдователя весьма тяжки и непріятны. Нынѣ, принимая ту или другую мѣру обезпеченія, слѣдователь можетъ сослаться, въ основаніе своихъ дѣйствій, на законъ. Если и при такомъ порядкѣ слѣдователямъ объявляютъ, что отъ нихъ все зависитъ, что они могутъ такъ растолковать законъ, что распоряженіе ихъ не повлечетъ для обвиняемаго содержанія подъ стражею, то на что укажетъ слѣдователь въ основаніе принятія имъ строгой мѣры обезпеченія, чѣмъ будетъ онъ оправдывать свои, согласныя съ предоставляемымъ ему закономъ правомъ, дѣйствія? Самого добросовѣстнаго и свято исполняющаго свой долгъ слѣдователя будутъ обвинять въ произволѣ, и не можетъ быть иначе, когда, по буквѣ самаго закона, принятіе той или другой мѣры обезпеченія по всѣмъ преступленіямъ зависитъ единственно отъ власти слѣдователя". Въ силу этихъ соображеній министръ юстиціи предложилъ систему постепеннаго усиленія мѣръ пресѣченія соотвѣтственно тяжести преступленія, которая и вошла въ дѣйствующій Уст. угол. судопр.

По совершенно непонятной непослѣдовательности „проектъ" постановлялъ, что подсудимому назначается защитникъ не по всѣмъ дѣламъ вообще, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло подлежитъ суду присяжныхъ, или когда подсудимый по малолѣтству, недостаточному развитію умственныхъ способностей, дряхлости, увѣчью,

или какимъ-либо недугамъ—не въ состояніи самъ себя защищать. Министръ юстиціи, ссылаясь на 60 и 68 ст. „Основ. Полож.“, настаивалъ на томъ, чтобы всякому подсудимому было предоставлено просить о назначеніи защитника, причемъ предсѣдатель могъ, за недостаткомъ присяжныхъ повѣренныхъ и кандидатовъ на судебныя должности, назначать защитниковъ изъ чиновниковъ канцеляріи, или другихъ лицъ, которыя пожелали бы принять на себя защиту подсудимаго безвозмездно.

Проектъ вмѣнялъ предсѣдателю въ обязанность не употреблять „ухищреній“ для склоненія подсудимаго къ признанію и не допрашивать его съ сею цѣлью о подробностяхъ такого преступленія, въ совершеніи коего не сознается. Министръ юстиціи полагалъ, что правило отнимаетъ у предсѣдателя суда всякую возможность исполнить главнѣйшую, лежащую на немъ, обязанность—способствовать открытію истины. Статья эта налагаетъ,—писалъ Замятнинъ,—на уста предсѣдателя печать молчанія, несмотря на убѣжденія его въ совершенномъ неразъясненіи сторонами кокого-либо обстоятельства дѣла. По этимъ соображеніямъ министръ полагалъ предоставить предсѣдателю, членамъ суда и присяжнымъ засѣдателямъ право предлагать подсудимому вопросы, что и вошло въ ст. 684 Уст. угол. суд.

Проектъ разрѣшалъ неограниченному числу лицъ изъ принадлежащихъ къ судебному вѣдомству и сословію присяжныхъ повѣренныхъ присутствовать въ судѣ во время засѣданія, происходящаго при закрытыхъ дверяхъ. Министръ юстиціи полагалъ, что, при дѣйствіи этого правила, дѣла, возбуждающія всеобщее вниманіе, будутъ

привлекать массу постороннихъ лицъ, къ составу присутствія не принадлежащихъ, и различіе закрытаго засѣданія отъ публичнаго будетъ состоять только въ томъ, что вмѣсто частныхъ лицъ будутъ присутствовать должностныя лица судебнаго вѣдомства и присяжные повѣренные. Такимъ образомъ цѣль закона — посредствомъ закрытія дверей суда устранить при судебномъ слѣдствіи гласность — во многихъ случаяхъ не будетъ достигнута. Не отрицая пользы, которую могутъ извлечь означенныя лица, присутствуя при разсмотрѣніи дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ, министръ юстиціи находилъ, что, въ видахъ достиженія цѣли, съ коею двери суда объявлены закрытыми, слѣдовало бы постановить, что означенныя лица, допускаются въ засѣданіе съ разрѣшенія предсѣдателя (стр. 80). Ограниченіе это вошло въ ст. 623 Уст. угол. суд.

Дѣйствующій порядокъ составленія присутствія присяжныхъ засѣдателей и правила отвода ихъ въ значительной степени составлены подъ вліяніемъ поправокъ министра юстиціи. По его же замѣчаніямъ исключены предложенія проекта, требовавшія, чтобы судъ непремѣнно удалился для совѣщанія изъ залы засѣданія, чтобы всѣ протоколы судебныхъ засѣданій прочитывались въ засѣданіи суда, и многое другое. По тѣмъ же соображеніямъ, которыя высказаны были при разсмотрѣніи проекта Устава гражданскаго судопроизводства и даже a fortiori, Замятнинъ полагалъ необходимымъ озаботиться, чтобы лицамъ, приносящимъ кассаціонную жалобу, было положительно извѣстно, нарушеніе какихъ формъ судопроизводства можетъ быть поводомъ къ отмѣнѣ

приговора суда, въ противномъ случаѣ, полагалъ министръ, всѣ подсудимые, единственно въ видахъ отдаленія приведенія приговора въ исполненіе, будутъ приносить напрасныя жалобы. Тутъ же министръ предложилъ состоящій изъ 24 пунктовъ примѣрный перечень существенныхъ формъ, отступленіе отъ коихъ влечетъ за собою кассацію приговора. Мнѣніе Замятнина не было принято государственнымъ совѣтомъ, о чемъ теперь приходится сожалѣть. Еслибъ оно было принято, то, вѣроятно, мы не дошли бы ни до нынѣшняго невозможнаго состоянія кассаціоннаго суда, изрекающаго, подобно оракулу, не мотивированные категорическіе императивы, тогда какъ рѣшенія его должны быть обязательны по преимуществу силою приведенныхъ въ нихъ соображеній, imperio rationis,—ни до того несправедливаго порядка вещей, который бѣднымъ подсудимымъ, стало быть 90% изъ общаго числа, ставитъ такую альтернативу: или откажись отъ права принесенія кассаціонной жалобы, или ступай въ тюрьму...

Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ Замятнинымъ на 3-ю книгу объ изъятіяхъ изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства, заслуживаетъ вниманія слѣдующее. Министръ юстиціи предлагалъ въ постановленіи о судѣ за преступленіе должности внести слѣдующее правило: если лицо, съ котораго назначено начальствомъ взысканіе, будетъ просить о преданіи его суду, то производство взысканія пріостанавливается впредь до разсмотрѣнія судомъ дѣйствій должностныхъ лицъ (стр. 6). Предложеніе это, къ сожалѣнію, не прошло.

§ 3. Замѣчанія на проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ.

Правильная точка зрѣнія для сужденія о замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ на эту часть судебнаго законодательства, получится тогда, когда мы примемъ во вниманіе не только то, что подвергнуто было критикѣ Замятнинымъ, но и то, что оставлено было имъ безъ возраженія. „Учрежденіе судебныхъ мѣстъ“, имѣвшее цѣлью посредствомъ новой организаціи обезпечить полную самостоятельность новыхъ судебныхъ учрежденій и поставить ихъ внѣ зависимости какъ отъ министерства юстиціи, такъ и другихъ административныхъ вѣдомствъ, по преимуществу касалось исконныхъ, такъ-сказать патримоніальныхъ, правъ министерства юстиціи. Вслѣдствіе этого можно было ожидать, что министерство юстиціи черезчуръ цѣпко ухватится за свои древнія прерогативы по судебному вѣдомству. Ничуть не бывало! Замятнинъ вполнѣ соглашался почти со всѣми важными предположеніями проекта касательно организаціи судебнаго сословія. Притомъ согласіе согласію рознь. Бываетъ вынужденное согласіе, когда соглашающійся, уступая потоку движенія, уступаетъ ему неискренно, дѣлая bonne mine an mauvais jeu. Не таково было отношеніе къ дѣлу Замятнина. Нѣтъ, онъ уступалъ важнѣйшія права своего министерства сознательно и искренно.

Замятнинъ сильно былъ озабоченъ вопросомъ о наилучшей организаціи мироваго института. Онъ стремился не къ тому, чтобъ обезличить и угнетать этотъ институтъ, а привлечь къ нему лучшихъ и достойнѣйшихъ

людей общества. Для достиженія этой цѣли, — писалъ онъ,— надлежитъ облечь званіе мировыхъ судей возможнымъ почетомъ и сдѣлать положеніе ихъ твердымъ; надо заботиться о томъ, чтобы мировые судьи, видя положеніе свое удовлетворительнымъ, какъ можно долѣе оставались въ своихъ должностяхъ. Но тутъ сталкивался Замятнинъ съ вопросомъ о выборахъ мировыхъ судей. Выборное начало онъ вполнѣ одобрялъ, но онъ хорошо понималъ, что оно дѣлало положеніе мироваго судьи шаткимъ, ненадежнымъ и затруднительнымъ. Для разрѣшенія этой дилеммы Затятнинъ предложилъ слѣдующее, не совсѣмъ практичное, но заслуживающее вниманія, средство: „Въ теченіе трехъ лѣтъ каждый изъ избирателей, а также земскія собранія должны имѣть право указывать на тѣхъ мировыхъ судей, которые не оправдали оказаннаго имъ довѣрія и подлежатъ, по мнѣнію большинства, перебаллотировкѣ. Подобныя заявленія должны быть предоставляемы сенату, который, по разсмотрѣніи означенныхъ заявленій, составилъ бы списокъ тѣхъ судей, кои подлежатъ на слѣдующемъ земскомъ собраніи новой баллотировкѣ, остальные же мировые судьи, о коихъ не было сдѣлано заявленій и которые не помѣщены въ означенный списокъ, почитались бы утвержденными на слѣдующее трехлѣтіе“ (стр. 6). Мысль эта, которой нельзя отказать въ оригинальности, не имѣла никакихъ послѣдствій. Далѣе, для столичныхъ мировыхъ округовъ Замятнинъ проектировалъ совершенно особую организацію. Такъ какъ здѣсь мировые съѣзды должны быть болѣе или менѣе постоянными, то онъ предлагалъ учредить вмѣсто

съѣздовъ городовые суды изъ постоянныхъ предсѣдателей и опредѣленнаго числа членовъ и столичныхъ мировыхъ судей, присутствующихъ по установленной очереди.

Министръ юстиціи сознавалъ хорошо всю трудность цѣлесообразнаго установленія ценза для присяжныхъ засѣдателей. Назначить цензъ слишкомъ высокій — значитъ, съ одной стороны, всю тяжесть обязанностей присяжныхъ возложить на богатыхъ собственниковъ, а съ другой стороны—предоставить имъ быть-можетъ слишкомъ большое вліяніе на отправленіе правосудія. Установить цензъ слишкомъ низкій—значитъ допустить людей, быть-можетъ, совершенно необразованныхъ и даже неразвитыхъ, къ разрѣшенію участи подсудимыхъ. Министръ юстиціи цензъ въ 100 руб. дохода съ ремесла или промысла считалъ слишкомъ низкимъ и предлагалъ возвысить до 200 руб. (стр. 25), что и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Проектъ предлагалъ сдѣлать прокурора независимымъ отъ его начальства. По этому вопросу министръ юстиціи замѣчаетъ: полная независимость судей, конечно, необходима, она нужна для поддержанія достоинства судебной власти, для устраненія всякаго подозрѣнія въ пристрастіи и угодливости; но начало независимости лицъ прокурорскаго надзора не можетъ быть согласовано ни съ принципомъ строгаго единства прокурорскаго надзора, ни съ правиломъ подчиненія младшихъ лицъ сего надзора старшимъ. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ министра.

Въ развитіе „Основныхъ Положеній“ проектъ установилъ рядъ правилъ, опредѣляющихъ съ одной стороны

точныя условія, коимъ должны соотвѣтствовать лица, представляемыя министромъ юстиціи на судебныя должности, а съ другой—ввелъ новое и важное право *представленія* кандидатовъ самими судебными мѣстами. Министръ юстиціи нисколько не считалъ для себя стѣснительнымъ, что власть его вводится въ точныя рамки. Онъ съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтилъ право судебныхъ коллегій избирать кандидатовъ въ судьи и внесъ нѣсколько поправокъ, имѣвшихъ цѣлью еще больше развить и укрѣпить это неизвѣстное дотолѣ право судебныхъ мѣстъ. „Уставъ,—пишетъ Замятнинъ,—старается облегчить министра юстиціи въ избраніи кандидатовъ на судебныя должности; установляются рамки, въ предѣлахъ которыхъ можетъ послѣдовать избраніе. Уставъ идетъ далѣе: онъ предоставляетъ самимъ судебнымъ мѣстамъ право избирать кандидатовъ. Мысли этой нельзя не сочувствовать; съ приведеніемъ ея въ исполненіе, правительство для судебныхъ назначеній пріобрѣтаетъ *вѣрныя* свѣдѣнія о достойныхъ лицахъ, съ ручательствомъ самихъ судебныхъ мѣстъ за ихъ благонадежность и знаніе дѣла“. Все значеніе этого сочувствія будетъ вполнѣ понятно, если принять на видъ, съ какою систематическою настойчивостью преемникъ Замятнина игнорировалъ представленія судебныхъ мѣстъ и настойчиво домогался только о проведеніи своихъ людей.—Замятнинъ пошелъ еще дальше коммиссіи: онъ нашелъ, что проектъ даетъ своей мысли ненадлежащее развитіе. Проектъ призналъ нужнымъ допустить участіе прокурора при судебныхъ совѣщаніяхъ объ избраніи кандидатовъ. Министръ юстиціи возражалъ противъ этого на осно-

ваніи слѣдующихъ соображеній: формальныя условія, начертанныя въ Уставѣ, столь опредѣлительны, что едва ли можно ожидать, чтобы примѣненіе оныхъ возбудило на практикѣ сомнѣніе; слѣдовательно вопросы, подлежащіе обсужденію суда при избраніи кандидатовъ, будутъ весьма просты. Къ чему же затѣмъ участіе прокурора при подобнаго рода совѣщаніяхъ? Участіе его представляется совершенно излишнимъ; напротивъ, весьма желательно совсѣмъ устранить его отъ подобнаго рода дѣлъ и не представлять никакого по этому предмету вмѣшательства. Это необходимо для того, чтобы сохранить за представленными кандидатами собственно значеніе лицъ, которыхъ судебныя мѣста считаютъ съ своей стороны достойными занять открывшееся мѣсто.— Министръ юстиціи столь же энергично возсталъ и противъ ст. 176 проекта, по коей представленіе объ избранныхъ судебными мѣстами кандидатахъ должно было поступать къ министру юстиціи чрезъ старшаго предсѣдателя судебной палаты, съ его заключеніями. Отвергая эту статью, министръ юстиціи разсуждалъ такъ: „судъ при избраніи кандидата можетъ судить объ однихъ формальныхъ условіяхъ, но старшій предсѣдатель не ограничивается одними формальными условіями, — замѣчанія его на представленія суда могутъ касаться какъ внѣшнихъ, т.-е. формальныхъ, такъ и внутреннихъ условій представленнаго кандидата; другими словами: онъ аттестуетъ представленнаго кандидата, или же опорочиваетъ. Такимъ образомъ изъ судьи старшій предсѣдатель становится администраторомъ и не только ему подчиняются члены предсѣдательствуемой имъ

палаты, но члены и предсѣдатели всѣхъ судебныхъ мѣстъ той области, которая подвѣдома судебной палатѣ. При существованіи правила, въ ст. 176 изложеннаго, смѣшеніе власти судебной и административной въ лицѣ старшаго предсѣдателя очевидно, посему правило это не можетъ быть удержано, такъ какъ оно противорѣчитъ „Основнымъ Положеніямъ“ и соображеніямъ, которыя имѣлись въ виду у государственнаго совѣта при ихъ утвержденіи. Правило это дѣлаетъ изъ старшаго предсѣдателя главнаго судью области, между тѣмъ какъ предположеніе объ установленіи главнаго судьи было окончательно отвергнуто государственнымъ совѣтомъ“. Въ ст. 214 „Учрежд. судеб. установ.“ слова: „съ его заключеніями“—выпущены. Тутъ кстати будетъ замѣтить, что подъ ст. 214 „Учр. судеб. установ.“ (изданія государственной канцеляріи) не приведено ни одного мотива. Ясно для всякаго, какъ умѣстно было бы привести только-что изложенныя соображенія министра юстиціи, легшія въ основаніе ст. 214.

Побуждаемый желаніемъ какъ можно чище сохранить основныя начала новаго судоустройства, министръ юстиціи указалъ еще на одно смѣшеніе административной функціи съ судебною, допущенное проектомъ. По ст. 209 и 210 Проекта, предсѣдатели и члены судовъ имѣли право на прибавки къ жалованью въ извѣстныхъ случаяхъ, но правомъ этимъ могли воспользоваться только тѣ, которые были признаны заслуживающими прибавки общими собраніями суда и палаты. Противъ этого постановленія возражалъ министръ юстиціи слѣдующими доводами: «Такимъ образомъ,—писалъ онъ,—вводится

совершенно новое начало аттестаціи члена судебнаго мѣста самими его сочленами, а затѣмъ и высшимъ судомъ,—начало, смѣшивающее власть судебную и административную, начало, противорѣчащее „Основнымъ Положеніямъ“ и потому подлежащее исключенію изъ проекта. Ст. 210 не обозначаетъ, за что именно членъ судебнаго мѣста можетъ быть лишенъ прибавки къ содержанію, тогда какъ онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, опредѣленнымъ въ законѣ; она допускаетъ возбужденіе въ судѣ внѣ дисциплинарнаго производства за тотъ или другой совершонный поступокъ какого-то общаго сужденія о нравственныхъ качествахъ лицъ; однимъ словомъ, при всей означенной обстановкѣ, ст. 210 даетъ членамъ судебнаго мѣста какихъ-то безграничныхъ и безконтрольныхъ надзирателей въ вопросахъ нравственныхъ и будетъ несомнѣнно лишь одно послѣдствіе—возбужденіе нескончаемыхъ между членами суда распрей и ссоръ“. Ст. 210 была исключена государственнымъ совѣтомъ. Вотъ до какой степени Замятнинъ старался оберегать судей даже отъ произвола товарищей!

По вопросу о награжденіи судей чинами Замятнинъ высказалъ такое мнѣніе: „до тѣхъ поръ, пока существуютъ у насъ чины, желаніе выдѣлить должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства изъ ряда прочихъ едва ли можетъ быть осуществлено *на практикѣ* и можетъ легко случиться, что стремленіе поставить судебное званіе выше всѣхъ почестей приведетъ на практикѣ къ противоположнымъ результатамъ. Если отмѣнить чины только для судебнаго вѣдомства, то можно ли предполо-

жить, чтобы должностныя лица судебнаго вѣдомства были совершенно равнодушны къ тому, что для всѣхъ прочихъ ихъ согражданъ составляетъ награду и почетное отличіе, съ чѣмъ связаны даже нѣкоторыя существенныя права? Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемаго коммиссіею результата, не будетъ ли напротивъ того вѣроятнѣе, что отмѣна чиновъ отнимаетъ у судебной карьеры для многихъ извѣстную долю привлекательности и послужитъ не къ увеличенію, а можетъ-быть къ уменьшенію числа лицъ, желающихъ вступить на означенное поприще?“

Дѣйствующія постановленія объ устройствѣ сословія присяжныхъ повѣренныхъ заключаютъ въ себѣ многія изъ поправокъ, внесенныхъ министромъ юстиціи, какъ-то: о порядкѣ образованія отдѣленій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, о послѣдствіяхъ исключенія изъ сословія совѣта, о правѣ совѣта отказывать въ пріемѣ въ присяжные повѣренные на основаніи собранныхъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ просителя. Въ „Учрежд. судеб. устан.“ изданія государственной канцеляріи подъ важною 380 ст. не приведено ни одного мотива. Въ виду этого не безъинтересно ознакомиться съ соображеніями министра, въ силу коихъ измѣнены были предположенія проекта и кои могутъ служить наилучшимъ комментаріемъ къ дѣйствующей ст. 380 Учр. Судеб. Уст.

По ст. 342 проекта только формальныя препятствія, предусмотрѣнныя закономъ, давали совѣту право отказать въ припискѣ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Министръ юстиціи къ этой статьѣ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „практическимъ послѣдствіямъ этого правила,—пи-

салъ онъ, — можетъ быть, что совѣтъ будетъ обязанъ принимать въ присяжные повѣренные такихъ лицъ, неблагонадежность коихъ общеизвѣстна, а между тѣмъ они удовлетворяютъ всѣмъ формальнымъ условіямъ. Во избѣжаніе сего, необходимо предоставить въ этомъ отношеніи совѣту присяжныхъ повѣренныхъ право отказывать лицамъ, которыя по нравственнымъ качествамъ не могутъ быть приняты въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Предоставленіе этого права совѣту необходимо въ виду тѣхъ важныхъ обязанностей, которыя возлагаются на повѣренныхъ, и было бы согласно съ цѣлью новаго учрежденія. При семъ нельзя не замѣтить, что въ случаѣ основаннаго на соображеніяхъ о неблагонадежности лица, отказа, конечно, неудобно требовать, какъ постановляетъ проектъ, чтобъ объяснены были просителямъ причины, по которымъ имъ отказано, но въ случаѣ принесенія жалобы судебной палатѣ совѣтъ обязанъ объяснить ей причины отказа". Хотя послѣднее правило и не вошло въ „Учрежд. суд. уст.", но оно столь цѣлесообразно, что, сколько мнѣ извѣстно, всегда практиковалось въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ.

Изъ другихъ поправокъ, предложенныхъ Замятнинымъ, но не прошедшихъ въ государственномъ совѣтѣ, заслуживаютъ вниманія слѣдующія. Министръ юстиціи возражалъ противъ ограниченія присяжныхъ повѣренныхъ правомъ ходатайства только въ предѣлахъ одного судебнаго округа и разсуждалъ такъ: „при обсужденіи настоящаго вопроса нельзя не обратить вниманія на то, что при введеніи въ дѣйствіе учрежденія столь новаго

для нашей жизни, какъ учрежденіе присяжныхъ, нельзя быть достаточно осторожнымъ въ принятіи той или другой мѣры и нельзя не опасаться дать учрежденію ложное направленіе. Если съ одной стороны желательно видѣть у насъ скорое появленіе присяжныхъ повѣренныхъ при настоятельной въ нихъ съ осуществленіемъ реформы надобности, то, съ другой стороны, не менѣе желательно, чтобы новое сословіе соотвѣтствовало вполнѣ своему назначенію, чтобъ оно оправдало общія надежды, на него возлагаемыя. Намъ, безъ сомнѣнія, необходимы присяжные повѣренные, но необходимы не какія-нибудь личности, которыя только бы назывались присяжными, а присяжные повѣренные—честные, добросовѣстные и знающіе дѣло. Можно быть твердо увѣреннымъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жизнь развилась, гдѣ количество гражданскихъ исковъ достаточно для содержанія сословія присяжныхъ повѣренныхъ, тамъ повѣренные появятся. Если на мѣстѣ будетъ хорошій присяжный повѣренный, то трудно предположить, чтобы тяжущіеся вздумали обратиться къ столичному повѣренному и тѣмъ подвергать себя излишнимъ издержкамъ. Боятся установленія монополіи присяжныхъ повѣренныхъ. Подобное опасеніе неосновательно. Право словесной защиты предоставляется всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, а не однимъ столичнымъ; слѣдовательно, если даже и согласиться, что появится монополія, то это не будетъ монополія столичныхъ повѣренныхъ, а монополія таланта, знанія и добросовѣстности. Неужели можно препятствовать установленію подобной монополіи? Напротивъ того, подобнаго порядка вещей надобно же-

лать; онъ даже необходимъ, чтобъ уничтожить ту монополію, которая непремѣнно разовьется, если повѣреннымъ не будетъ разрѣшено принимать повсемѣстно словесную защиту, — монополію замкнутыхъ отдѣльныхъ кружковъ съ посредственными познаніями и дарованіями. Мѣстная монополія можетъ дать ложное направленіе нашей адвокатурѣ и погасить въ ней мало-по-малу всякое стремленіе къ совершенствованію".

Министръ юстиціи, не находя основанія лишать кого-либо права жалобы, если онъ считаетъ неправильнымъ постановленіе совѣта, полагалъ, вопреки проекта, предоставить присяжнымъ повѣреннымъ, какъ и судьямъ, право обжалованія во всѣхъ случаяхъ, не исключая и того, когда совѣтъ постановилъ сдѣлать предостереженіе или выговоръ. Все важное значеніе приведенныхъ замѣчаній будетъ очевидно, если вспомнить, какія превратныя, даже, можно сказать, дикія представленія объ адвокатурѣ господствовали въ нашемъ обществѣ и даже въ правительственныхъ сферахъ предъ открытіемъ новыхъ судовъ. Приведу одинъ образчикъ. Оберъ-прокуроръ Семеновъ предлагалъ исключить изъ формулы присяги, установленной для присяжныхъ повѣренныхъ, слова: „честно исполнять обязанности принимаемаго званія",—ссылаясь на то, что честное исполненіе обязанностей несовмѣстно съ званіемъ адвоката (sic!).

Отъ заботливаго вниманія Замятнина не ускользнули даже самые младшіе члены новой судебной организаціи— помощники присяжныхъ повѣренныхъ. По „Учр. судеб. уст." помощники находятся въ положеніи похожемъ на состояніе неустойчиваго равновѣсія. Они едва прикрѣп-

лены къ судебнымъ мѣстамъ при помощи одной статьи. О нихъ упоминается въ двухъ послѣднихъ строчкахъ ст. 354 „Учр. суд. уст.“, констатирующей только фактъ ихъ существованія и больше ничего. Жизнь явилась на помощь и кое-какъ организовала бытъ этого немаловажнаго для будущихъ судебъ адвокатуры сословія. Но замѣчательно, что то, что̀ впослѣдствіи совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ съ большимъ трудомъ приходилось проводить въ жизнь, все это было намѣчено и предусмотрѣно въ „Замѣчаніяхъ министра юстиціи“.

Смотря на сословіе помощниковъ какъ на лучшій новиціатъ для адвокатуры, министръ юстиціи, для лучшей подготовки ихъ къ будущему званію присяжныхъ повѣренныхъ, проектировалъ слѣдующія правила: 1) каждый присяжный повѣренный можетъ имѣть помощниковъ, опредѣленіе которыхъ, по его представленію, зависитъ отъ усмотрѣнія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ; 2) помощниками присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть опредѣлены лица, кончившія курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) помощники присяжныхъ повѣренныхъ занимаются дѣлами по порученію и подъ наблюденіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ; 4) помощники присяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ право хожденія по дѣламъ наравнѣ со всѣми посторонними лицами; 5) въ случаѣ порученія помощнику присяжнаго повѣреннаго дѣла въ такой мѣстности, гдѣ исключительное право хожденія по дѣламъ предоставлено присяжнымъ повѣреннымъ; присяжный повѣренный имѣетъ право ходатайствовать въ совѣтѣ о дозволеніи помощнику вести поручаемое ему

дѣло; 6) въ дѣлахъ уголовныхъ помощникамъ можетъ быть поручаема предсѣдателемъ судебныхъ мѣстъ защита подсудимыхъ; 7) при веденіи принятыхъ дѣлъ помощники пользуются одинаковыми съ присяжными повѣренными правами и несутъ одинаковыя съ ними обязанности; 8) присяжные повѣренные обязаны представлять совѣту отчетъ о занятіяхъ своихъ помощниковъ (стр. 75).

Замятнинъ, принимая близко къ сердцу дѣло судебной реформы, подробными соображеніями доказывалъ необходимость обезпеченія матеріальнаго положенія судей. Справедливость многихъ изъ этихъ соображеній блистательнымъ образомъ доказана послѣдующимъ опытомъ. Министръ юстиціи указывалъ прежде всего на то, что молодые люди, имъ подготовляемые, въ скоромъ времени оставляютъ службу по вѣдомству министерства юстиціи и переходятъ въ другія, гдѣ существуютъ лучшіе оклады; такимъ образомъ министерство юстиціи подготовляло лучшихъ дѣятелей для другихъ вѣдомствъ. Неудобство это будетъ устранено, по мнѣнію министра, если предложенные коммиссіей оклады содержанія не будутъ уменьшены. Въ такомъ случаѣ не будетъ недостатка въ способныхъ и честныхъ дѣятеляхъ къ осуществленію судебной реформы и должно съ полною надеждой ожидать, что и у насъ за симъ въ ходѣ правильнаго, постепеннаго развитія образуется судебное сословіе, вполнѣ достойное занять то положеніе, которое ему приготовлено новыми уставами. „Совершенно иныхъ результатовъ нужно ожидать, — писалъ Замятнинъ, — не съ меньшею увѣренностью отъ скудныхъ, или даже стоящихъ въ уровень

съ должностями по другимъ вѣдомствамъ окладовъ содержанія. Можно ли ожидать полезныхъ для судебнаго вѣдомства результатовъ, если окладъ содержанія окружнаго судьи будетъ одинаковъ съ окладомъ начальника отдѣленія департамента, а если назначить 2.200 руб. члену окружнаго суда, то это будетъ даже нѣсколько меньше того, что получаютъ начальники отдѣленій въ большей части департаментовъ, если принять въ соображеніе прибавочныя выдачи и награды. Между тѣмъ можно ли сравнивать эти должности, въ отношеніи самостоятельности, круга дѣятельности и ввѣренныхъ интересовъ? Результаты уменьшенія окладовъ, предположенныхъ коммиссіей, не замедлятъ оказаться на дѣлѣ въ самомъ скоромъ времени и опять повторится прежнее явленіе: чиновники судебнаго вѣдомства станутъ переходить на службу въ другія вѣдомства, потому что въ окладахъ содержанія не будетъ разницы, за то будетъ меньше отвѣтственности и исполненіе обязанностей будетъ подъ контролемъ начальника, а не подъ гласнымъ контролемъ всего общества. Наконецъ не слѣдуетъ забывать и того, что при всемъ этомъ судебному вѣдомству будетъ угрожать инаго рода опасность. Съ введеніемъ новой формы суда открывается совершенно новое и обширное поприще для образованныхъ и честныхъ дѣятелей,— поприще въ высшей степени привлекательное какъ по роду дѣятельности, такъ и по значительному матеріальному обезпеченію. Явится возможность поступать въ присяжные повѣренные. Очень много лицъ, весьма способныхъ къ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ,—лицъ, которыя были бы между ними одни изъ первыхъ,—оста-

нется однако продолжать службу по судебному вѣдомству. Несмѣняемость, обезпеченный окладъ и самыя условія коронной службы—вотъ обстоятельства, которыя при предположенныхъ коммиссіей размѣрахъ окладовъ будутъ удерживать многихъ способныхъ лицъ отъ поступленія въ присяжные повѣренные; условія эти будутъ уравновѣшивать матеріальныя выгоды адвокатской дѣятельности. Но если оклады содержанія будутъ уменьшены, то *равновѣсіе нарушится;* большая часть даровитыхъ и знающихъ личностей поступитъ въ присяжные повѣренные; конечно, такимъ образомъ у насъ весьма скоро образуется сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и сословіе это станетъ сильнымъ, но сильнымъ *на счетъ* судебнаго сословія и въ ущербъ ему. Судебное вѣдомство будетъ обезсилено переходами лучшихъ своихъ представителей въ другія вѣдомства и въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. При ежедневныхъ столкновеніяхъ въ судебныхъ преніяхъ по дѣламъ, часто не лишеннымъ и весьма важныхъ государственныхъ интересовъ, судебное вѣдомство вынуждено будетъ противопоставлять присяжнымъ повѣреннымъ не вполнѣ опытныхъ, а иногда бездарныхъ представителей. Плачевные результаты подобнаго положенія слишкомъ очевидны: судебное сословіе станетъ игралищемъ, если даже не посмѣшищемъ, въ рукахъ сословія повѣренныхъ. Сохраненію проектированныхъ окладовъ Замятнинъ придавалъ такое важное значеніе, что онъ ставилъ отъ него въ зависимость самое осуществленіе судебной реформы. „Если по какимъ-либо соображеніямъ, — писалъ онъ,—признано будетъ необходимымъ уменьшить оклады и *отмѣнить прибавки* (а

извѣстно, что прибавки отмѣнены), то лучше *отказаться* отъ судебной реформы, лучше остановиться приведеніемъ ея въ исполненіе, чѣмъ съ самаго начала дать реформѣ ложное направленіе, поставить ее въ негодныя условія и отказаться отъ благихъ послѣдствій, которыхъ по справедливости можно было бы ожидать отъ предначертанныхъ уставовъ. Если судебное вѣдомство не будетъ въ состояніи привлечь и удержать способныхъ и честныхъ дѣятелей, то несмѣняемость судей принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, и правительству даже опасно будетъ предоставить обширный кругъ дѣятельности, огромную власть и ввѣрить охраненіе важнѣйшихъ интересовъ государства такимъ людямъ, большинство которыхъ остается въ судебномъ вѣдомствѣ только потому, что не нашло себѣ *другихъ*, лучшихъ мѣстъ". Мы съ намѣреніемъ сдѣлали эту длинную выписку: она наглядно показываетъ, какъ серьезно относился Замятнинъ къ дѣлу и стремился къ осуществленію не „показной" судебной реформы, а полной и всесторонней.

Прекращаемъ дальнѣйшее изложеніе „Замѣчаній" Замятнина. Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для того, чтобы судить, какъ трезво онъ смотрѣлъ на задачу водворенія въ Россіи прочнаго, обезпеченнаго правоваго порядка и какъ настойчиво добивался онъ послѣдовательнаго проведенія либеральныхъ началъ судебной реформы.

V.

Превосходно разработанные проекты Уставовъ судоустройства, судопроизводства и о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ, снабженные обстоятельными замѣчаніями министра юстиціи Замятнина, были разсмотрѣны соединенными департаментами и общимъ собраніемъ государственнаго совѣта меньше чѣмъ въ годъ. Замятнину, при содѣйствіи товарища своего Н. И. Стояновскаго, удалось провести большинство своихъ поправокъ, изъ коихъ нѣкоторыя весьма существенно измѣняли предположенія коммиссіи, ради болѣе строгаго проведенія принциповъ „Основныхъ Положеній“.

Судебной реформѣ удалось-таки преодолѣть всѣ многочисленныя препятствія, созданныя своекорыстіемъ, невѣжествомъ и рутиною, и 20 ноября 1864 года вылиться въ тотъ замѣчательный памятникъ нашего законодательнаго творчества, о которомъ въ одномъ изъ недавнихъ оффиціальныхъ актовъ справедливо сказано, „что оно составляетъ гордость нашу и славу минувшаго царствованія“.

Случайность въ исторіи все еще играетъ очень важную роль. У насъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ гдѣлибо, весьма важно умѣть ловить минуту... Не распо-

рядись министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской напечатать и изготовить въ одну ночь извѣстный циркуляръ губернаторамъ по крестьянской реформѣ, быть можетъ, старой партіи удалось бы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ честныхъ труженниковъ крестьянской реформы, покойный сенаторъ Соловьевъ, надолго задержать реформу. Такъ было и съ судебною реформой. И до, и послѣ утвержденія „Судебныхъ Уставовъ“ партія, враждебная реформамъ, дѣлала все возможное, чтобъ исказить и затормозить ее. Нужно было торопиться. Это хорошо понимали горячіе сторонники судебной реформы, предсѣдатель государственнаго совѣта кн. П. П. Гагаринъ и министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ. „Судебные Уставы“ *въ день же* утвержденія были препровождены при замѣчательномъ указѣ въ правительствующій сенатъ для обнародованія.

Указъ этотъ, который слѣдовало бы заставлять юношей учить наизусть, какъ въ древности заучивали carmina XII таблицъ, въ слѣдующихъ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ передаетъ основной смыслъ „этого великаго дѣла“ (судебной реформы), долженствовавшаго водворить въ „новой“ Россіи первые элементы благоустроеннаго, въ европейскомъ смыслѣ слова, общежитія, точнѣе— правоваго порядка. „Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы находимъ, — сказано въ помянутомъ указѣ Царя-Освободителя, — что они соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, *возвысить* судебную власть, дать ей надлежащую *самостоятельность* и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то

уваженіе къ закону, безъ коего не возможно общественное благосостояніе и которое должно быть *руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго отъ высшаго до низшаго*". Памятныя слова, заслуживающія внесенія въ основные законы!

Партія застоя не унималась и послѣ утвержденія и обнародованія „Судебныхъ Уставовъ". Теперь она перемѣнила тактику. Если уже нельзя воспрепятствовать изданію „Судебныхъ Уставовъ", то еще можно было попробовать надолго „задержать" введеніе ихъ въ дѣйствіе. Къ этому-то и направились усилія этой партіи. Для ея вліянія особенно пагубенъ былъ принципъ провозглашенія самостоятельности и независимости судебной власти, бывшей дотолѣ игрушкою для вліятельныхъ сферъ. Такъ какъ пельзя было откровенно высказывать свои некрасивыя сѣтованія насчетъ предстоящей утраты вліянія на судебныя мѣста, то старались своимъ эгоистическимъ вожделѣніямъ пріискать гражданскія мотивы, разсчитывая при этомъ на обычныя всѣмъ смертнымъ слабости. Такъ, на примѣръ, старались нашептывать, что самостоятельность судебныхъ учрежденій есть умаленіе „власти", которая, отказываясь отъ права перевершенія дѣлъ, рѣшенныхъ судами, лишается одной изъ важнѣйшихъ своихъ прерогативъ. Все серьезное значеніе этихъ инсинуацій будетъ понятно, если вспомнить, что къ ихъ содѣйствію даже въ наше время, т.-е. спустя 18 лѣтъ послѣ введенія новыхъ судовъ, сочла удобнымъ прибѣгнуть печатные органы реакціи, кричавшіе на всю Россію, что независимость судей означаетъ „самодержавіе" судей... Замятнину и другимъ друзьямъ реформы

стоило не малаго труда разсѣять эти внушенія своекорыстія и обскурантизма и очистить путь для введенія реформы. Рѣшено было ввести судебную реформу во всѣхъ частяхъ на первый разъ въ двухъ судебныхъ округахъ— С.-Петербургскомъ и Московскомъ. Послѣ этого Замятнинъ рѣшился во что бы то ни стало устранить всѣ препятствія и открыть своевременно новые суды.

Были препятствія довольно серьезныя для скораго введенія судебной реформы: это—недостатокъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ средствъ для ея осуществленія. На устраненіе этихъ препятствій употребилъ Замятнинъ весь 1865 и часть 1866 года. Когда финансовая сторона дѣла была улажена, пришлось подумать о пріисканіи приличнаго и удобнаго помѣщенія для новыхъ судебныхъ мѣстъ. Вопросъ этотъ нетакъ ничтоженъ, какъ это можетъ показаться въ перваго взгляда. Лучшимъ доказательствомъ его важности служить то обстоятельство, что враги судебной реформы разсчитывали, какъ это ни покажется страннымъ, что дѣло реформы отложено будетъ въ долгій ящикъ за невозможностью пріискать и приспособить для новыхъ судовъ въ ближайшемъ будущемъ приличное помѣщеніе. Нечего было и думать строить новый домъ, во-первыхъ, потому, что это стоило бы порядочныхъ денегъ, на ассигновку которыхъ трудно было разсчитывать, и, во вторыхъ, это значило бы откладывать дѣло на нѣсколько лѣтъ и стало-быть рисковать судьбою самой судебной реформы. Надлежало во что бы то ни стало пріискать нужное зданіе. Замятнинъ такъ и смотрѣлъ на дѣло. Онъ объѣздилъ почти весть Петербургъ, осмотрѣлъ всѣ

зданія, которыя могли казаться сколько-нибудь пригодными для этой цѣли, но ни одно изъ нихъ не подходило вполнѣ. Замятнинъ сталъ уже отчаяваться и скорбѣть, что дѣло можетъ разстроиться изъ-за того, что не оказывается въ Петербургѣ приличнаго зданія для суда, какъ вдругъ выручилъ его архитекторъ Шмидтъ.

Повидимому, для хорошаго дѣла всегда найдутся друзья. Шмидтъ, видѣвшій за границей судъ присяжныхъ и хорошо понимавшій значеніе судебной реформы, неожиданно оказался ея преданнымъ другомъ и сослужилъ ей хорошую службу. Онъ предложилъ министру юстиціи Замятнину приспособить для петербургскихъ судебныхъ установленій зданіе арсенала, на Литейномъ проспектѣ. На первый взглядъ планъ Шмидта показался черезчуръ фантастичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, зданіе безъ лѣстницъ, съ большими воротами, чрезъ которыя ввозили и вывозили пушки,—какъ въ немъ устроить, и то въ короткое время, залы для публичныхъ засѣданій, многочисленные кабинеты для должностныхъ лицъ, залы для обширной канцеляріи семи отдѣленій окружнаго суда, трехъ департаментовъ судебной палаты, нотаріата и прокурорскаго надзора и пр.? Но усердіе и любовь къ дѣлу все преодолѣваютъ.

Замятнинъ остановился на арсеналѣ. Неизмѣнный поборникъ реформъ, военный министръ Д. Н. Милютинъ, которому подвѣдомо было это зданіе, охотно согласился уступить его подъ новый судъ. Министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ также безъ затрудненія отпустилъ нужную сумму. Вскорѣ закипѣло дѣло. Всю зиму 1865 года работали, иногда ночью, при электри-

ческомъ освѣщеніи, надъ приспособленіемъ зданія арсенала. Замятнинъ почти ежедневно посѣщалъ работы, подгоняя ихъ къ неотложному окончанію въ назначенный срокъ. Усталый отъ дневнаго труда, измученный назойливымъ противодѣйствіемъ противниковъ реформы, Замятнинъ тѣмъ не менѣе поддерживалъ бодрость духа въ своихъ сотрудникахъ, неустанно твердя свое ceterum censeo: „все-таки новые суды будутъ открыты въ назначенное время".

Относительно будущихъ московскихъ судебныхъ установленій Замятнинъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ, изъ личнаго осмотра сенатскаго зданія убѣдился, что часть этого зданія, занятаго тогда архивомъ военнаго вѣдомства и другими учрежденіями, можетъ быть весьма удобно приспособлена для новыхъ судебныхъ установленій *). Заинтересованныя вѣдомства уступили и это зданіе. Такимъ образомъ, благодаря энергіи Замятнина, вопросъ о зданіяхъ столичныхъ судебныхъ установленій былъ разрѣшенъ благополучно.

Вопросъ о раздѣленіи на судебныя округи и размѣщеніи окружныхъ судовъ представлялъ также не мало затрудненій. Почти всѣ болѣе или менѣе значительные города заявляли претензію имѣть у себя окружные суды и вызывались на денежныя и иныя пожертвованія. Отчаянная борьба завязалась, напримѣръ, между Бежецкомъ и Кашиномъ изъ-за мѣста будущаго окружнаго суда. „Enfin la question a provoqué dans les ésprits une activité générale, — писалъ тверской губернаторъ, князь Багратіонъ Замятнину, — ce qui vaut toujours

*) *Журн. Мин. Юстиціи* 1864 г., № 4, стр. 32.

mieux,—спѣшилъ онъ, впрочемъ, присовокупить,—que le silence et l'indifference".

По этому поводу кстати будетъ припомнить слова одного изъ сенаторовъ, довольно сочувственно относившагося къ судебной реформѣ, но смущеннаго шумнымъ общественнымъ воодушевленіемъ, ее сопровождавшимъ: „Присяжныхъ, присяжныхъ и присяжныхъ! — писалъ онъ,—вотъ крики, съ нѣкотораго времени летящіе со всѣхъ сторонъ нашего дорогого отечества. Во всѣхъ крикахъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще болѣе подражанія. Закричалъ одинъ, — какъ не заревѣть другому" и т. д.

Замятнинъ не принадлежалъ къ числу этихъ робкихъ людей, которые до такой степени акклиматизировались въ спертой кабинетной атмосферѣ, что они уже не выносятъ вольнаго воздуха свободной жизни. Замятнинъ понималъ, что общественное воодушевленіе—великая сила, и при умѣломъ пользованіи ею можно совершить много хорошаго. Онъ пошелъ, такъ-сказать, на площадь, въ самую толпу, будучи убѣжденъ, что только ближе къ мѣсту и въ средѣ лицъ, вполнѣ знакомыхъ съ внутреннею жизнью провинціи, можно правильно рѣшить и вопросъ о мѣстѣ нахожденія окружныхъ судовъ, и о пріисканіи удобныхъ помѣщеній для нихъ. Съ этою цѣлью онъ совершилъ поѣздку въ Новгородъ, Тверь, Рязань, Владиміръ и другіе города.

При немъ не было пышнаго штата походной канцеляріи. Всею перепиской завѣдывалъ Б. Н. Хвостовъ, вице-директоръ департамента министерства юстиціи; ихъ сопровождалъ только одинъ курьеръ. При этихъ поѣздкахъ

не было никакихъ торжественныхъ встрѣчъ. Ни прокуроры, ни члены судебныхъ мѣстъ не выходили на встрѣчу. Встрѣчалъ обыкновенно мѣстный полицеймейстеръ, указывавшій приготовленную квартиру (двѣ или три комнаты) въ частномъ домѣ или гостинницѣ. Вообще Дмитрій Николаевичъ былъ врагъ пышности и богатой внѣшней декоративности, которыя такъ тѣшатъ тщеславіе мелкихъ натуръ. Благодаря своей скромности, Дмитрій Николаевичъ иногда натыкался на курьезныя сцены. Вотъ одна изъ нихъ. Дмитрій Николаевичъ сидѣлъ въ вагонѣ II класса, переполненномъ народомъ. Подсаживается къ нему молодой человѣкъ и, видя его въ форменной фуражкѣ съ зеленымъ бархатнымъ околышемъ и одѣтымъ въ старое платье, принялъ за какого-нибудь экзекутора или незначительнаго чиновника. Молодой человѣкъ нѣсколько издалека началъ разговоръ о службѣ по вѣдомству министерства юстиціи, о томъ, что служба эта, въ особенности для правовѣдовъ, плохо вознаграждается, но что онъ надѣется вскорѣ получить хорошее назначеніе. Затѣмъ, обратясь къ старику Замятнину, спросилъ: „Вы сколько лѣтъ на службѣ?... Служите давно, а въ сравненіи съ правовѣдами вѣроятно не далеко уѣхали?“ Замятнинъ скромно отвѣчалъ на вопросы. Когда молодой человѣкъ узналъ, что говоритъ съ министромъ юстиціи, сильно переконфузился, сталъ извиняться и перешелъ въ другой вагонъ. Впослѣдствіи Замятнинъ встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, занимавшимъ въ Москвѣ должность стряпчаго, обласкалъ его и съ обычнымъ своимъ добродушіемъ напомнилъ сцену въ вагонѣ.

Для лучшаго ознакомленія съ характеромъ путешествія Замятнина, приведемъ нѣкоторыя свѣденія изъ газетъ того времени. Въ *Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* читаемъ: „На другой день пріѣзда въ Новгородъ (23 августа 1865 года) министръ юстиціи Замятнинъ принималъ депутаціи отъ городовъ, явившіяся съ ходатайствомъ объ открытіи у нихъ окружныхъ судовъ. Вечеръ 23 августа былъ проведенъ министромъ юстиціи Замятнинымъ, на квартирѣ начальника губерніи, въ разсужденіи о размѣщеніи въ Новгородской губерніи окружныхъ судовъ. По приказанію губернатора были приготовлены къ этому совѣщанію всѣ средства мѣстнаго статистическаго комитета: разнообразныя географическія карты губерніи, ея пространства, размѣщенія лѣсовъ, населенности и судебно-статистическія таблицы. Разсужденія шли непринужденно, оживляемыя даже нѣкоторою горячностью, которую невольно вызываетъ въ каждомъ рѣчь о своей родной мѣстности, по вопросу, который имѣетъ прямое вліяніе на ея благостояніе. Особенно интересенъ былъ споръ двухъ должностныхъ лицъ, бывшихъ предводителей дворянства, бѣлозерскаго и череповецкаго, въ отношеніи помѣщенія окружнаго суда. Ни одинъ городъ не остался безъ защитника. Эти разсужденія и проведенныя въ нихъ данныя послужили полнымъ и надежнымъ матеріаломъ для составленія окончательнаго убѣжденія по этому предмету. Затѣмъ министръ осмотрѣлъ зданія, относительно которыхъ имѣлись предположенія о помѣщеніи въ нихъ новгородскаго окружнаго суда. Свободное отъ занятій время министръ проводилъ въ кругу лицъ административнаго и судебнаго вѣдомствъ,

знакомясь съ подробностями ихъ быта и губернской жизни. Такіе бесѣды могли только довершить самое пріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на все новгородское общество, и проявили во всѣхъ отношеніяхъ его къ окружающимъ тѣ добросердечіе и гуманность, которыя въ отношеніи къ подчиненнымъ образуютъ связь взаимнаго довѣрія и сочувствія. Въ день отъѣзда новгородское городское общество изъявило министру желаніе принять на счетъ города полную меблировку окружнаго суда" *). То же самое повторялось и въ другихъ городахъ. Обаятельнымъ воздѣйствіемъ своей личности Замятнинъ вездѣ успѣлъ вызвать сочувствіе къ судебной реформѣ и значительныя пожертвованія для ея осуществленія. Благодаря этимъ пожертвованіямъ, издержки казны на устройство зданій каждаго изъ четырнадцати провинціальныхъ окружныхъ судовъ не превышали 7.000 руб. **). Замѣчательно, что псковскій губернаторъ графъ Наленъ и вице-губернаторъ, подъ предлогомъ объѣзда губерніи, оставили Псковъ именно въ то время, когда туда долженъ былъ пріѣхать Замятнинъ.

Замятнину слѣдовало заняться еще другимъ, кардинальнымъ для успѣха судебной реформы, вопросомъ—о пріисканіи добропорядочнаго, честнаго и развитаго персонала для новыхъ судебныхъ мѣстъ. Назначить безъ разбора на новыя судебныя должности старыхъ чиновниковъ—это значило вливать новое вино въ старые мѣхи и испортить сразу дѣло реформы. Съ другой сто-

*) *Новгород. Губерн. Вѣдомости* 1865 года, № 38.
**) *Журн. Министер. Юстиціи* 1866 года, № 4.

роны, поручать неиспытанное на опытѣ дѣло пылкой, увлекающейся молодежи — значило также скомпрометировать его. Между этими двумя дилеммами пришлось бороться Замятнину, который вышелъ изъ борьбы самымъ счастливымъ образомъ, благодаря своей честной натурѣ, умѣнью привлекать и распознавать людей. Не забудемъ, что Замятнинъ не могъ пользоваться такимъ прекраснымъ средствомъ, какъ избраніе на судебныя должности самими судебными мѣстами, которое установлено „Судебными Уставами“ и которымъ такъ пренебрегалъ систематически его преемникъ, графъ Паленъ. Припомнимъ еще, что слѣдовало въ двухъ обширныхъ округахъ, въ которыхъ вводилась судебная реформа, назначить сразу огромное количество должностныхъ лицъ, начиная отъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ и кончая судебными слѣдователями и чинами прокурорскаго надзора. Нужно было назначить: 8 сенаторовъ, 50 предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и ихъ товарищей, 144 члена судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, 192 судебныхъ слѣдователя, 123 чина прокурорскаго надзора. Невольно возникаетъ вопросъ, какъ и откуда взялъ Замятнинъ такое количество должностныхъ лицъ, и притомъ такихъ, память о которыхъ живетъ доселѣ въ обществѣ, какъ отрадное воспоминаніе о безкорыстной и мужественной службѣ родинѣ, которыя создали достойный подраженія типъ беззавѣтныхъ служителей правосудія!...

Это вопросъ, интересный не только для біографіи Замятнина, но и для нашихъ судебныхъ порядковъ вообще. Чтобъ отвѣтить на него, нужно припомнить лич-

ныя свойства Замятнина. Прямой, откровенный, простой и честный по натурѣ, онъ умѣлъ проникать въ душу людей, расшевелить лучшія стороны ея, привязывать ихъ къ себѣ, а черезъ себя и къ дѣлу, которому онъ служилъ. Не всякій этому повѣритъ, но бывали случаи, когда Замятнинъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ его подчиненныхъ, старался горячимъ сочувствіемъ своимъ утѣшить ихъ, плакалъ съ ними... *Рязанскія Губернскія Вѣдомости* слѣдующимъ образомъ описываютъ впечатлѣніе, произведенное Замятнинымъ: „въ кроткое пребываніе его въ Рязани всѣ здѣсь успѣли полюбить его, такъ какъ онъ своимъ непринужденнымъ и ласковымъ со всѣми обхожденіемъ являлъ собою не столько высокое начальственное лицо, сколько почтеннаго отца большой семьи, служащей въ храмѣ Ѳемиды“ (1865 года, № 38). Чуждый узкихъ школьныхъ традицій и неумолимаго ésprit de corps, онъ далекъ былъ отъ исключительной симпатіи къ своимъ товарищамъ по лицею, онъ искалъ людей талантливыхъ и честныхъ всюду, гдѣ можно было ихъ найти. Онъ лично знакомился съ кандидатами на судебныя должности, ѣздилъ на мѣста, былъ въ Москвѣ, во Владимірѣ, Новгородѣ, Твери, лично разспрашивалъ товарищей, представителей мѣстнаго общества, и, наконецъ, лично наблюдалъ судоговореніе и такимъ образомъ создавалъ себѣ живое и вѣрное представленіе о нравственныхъ и интеллектуальныхъ качествахъ своихъ кандидатовъ. И ужь сдѣлавъ, послѣ тщательнаго разслѣдованія, выборъ, Замятнинъ держался за своего избранника, защищая его отъ всякаго рода навѣтовъ, которые нерѣдко навлекаютъ на себя люди честные и талантливые.

Сенаторъ Д. Б. Беръ передаетъ слѣдующія характерныя подробности избранія на должность предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда: „При замѣщеніи новыхъ должностей,—говоритъ сенаторъ, очевидецъ событій тогдашняго времени,—особенно затруднителенъ былъ выборъ кандидатовъ на предсѣдателей окружныхъ судовъ. Кандидатовъ было много, весьма и вполнѣ, казалось, достойныхъ, но Дмитрій Николаевичъ все не былъ спокоенъ и не могъ рѣшиться: видимо, имѣвшіеся въ виду кандидаты не осуществляли его идеала; онъ неоднократно посѣщалъ засѣданія прежнихъ судебныхъ установленій и однажды возвратился изъ засѣданія С.-Петербургской гражданской палаты видимо счастливый, спокойный и довольный. Онъ нашелъ кандидата: выборъ его остановился на Г. Н. Мотовиловѣ. Достаточно назвать это всѣми достойно чтимое имя, чтобы понять, насколько вѣрно угаданъ былъ будущій первый предсѣдатель С.-Петербургскаго окружнаго суда“ .*).

Слѣдуетъ еще замѣтить, что Замятнинъ впервые выдвинулъ при назначеніи на судебныя должности принципъ личныхъ способностей и нравственныхъ достоинствъ на мѣсто стараго принципа—„сидѣнья“ на одномъ мѣстѣ. Замятнинъ не справлялся о родствѣ кандидата, происхожденіи, его связяхъ въ великосвѣтскихъ салонахъ, а о томъ, получилъ ли онъ юридическое образованіе, о нравственныхъ качествахъ его и способностяхъ, обнаруженныхъ на службѣ. Не только хорошіе отзывы, но и дурные старался онъ провѣрить лично или черезъ довѣренныхъ лицъ, чтобы никто не пострадалъ изъ-за клеветы.

*) *Журн. Гражд. и Угол. Права* 1881 года, № 6.

И ужь убѣдившись въ достоинствахъ кандидата, онъ выдвигалъ его впередъ.

Но для цѣлесообразнаго примѣненія этого порядка необходимо чувство мѣры и умѣнье распознавать душевный обликъ человѣка, а иначе легко попасть въ-просакъ. Но почти всѣ, безъ исключенія, избранныя Замятнинымъ лица съ избыткомъ оправдали его довѣріе.

Вотъ какъ наглядно доказалъ Замятнинъ несправедливость увѣренія представителей застоя, что у насъ нѣтъ людей, — увѣреніе, изъ-за котораго затормозилось не мало добрыхъ начинаній, а чуть было не затормозилась и судебная реформа. Замятнинъ доказалъ, что если не довольствоваться одними петербургскими салонамя и департаментами и найти болѣе надежное средство распознанія людей, нежели рекомендаціи великосвѣтскихъ покровителей, — честные и знающіе дѣятели найдутся всегда. Немаловажнымъ союзникомъ для Замятнина былъ и тотъ благородный либеральный духъ, коимъ насквозь проникнуты были Судебные Уставы. „По отношенію къ вопросу о людяхъ, намъ справедливо замѣчали *Московск. Вѣдом.*, различіе между прежними и новыми судами состоитъ именно въ томъ, что прежніе портили людей, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ. Великое учрежденіе тѣмъ и бываетъ велико, что создаетъ людей, способныхъ проводить въ жизнь созданное имъ начало“ (1866, № 263).

Относительно назначенія персонала новыхъ судебныхъ учрежденій сначала возникло-было недоразумѣніе довольно щекотливаго свойства между коммиссіей, начертавшей проекты „Судебныхъ Устатовъ“, и министромъ

юстиціи Замятнинымъ. Соревнуя съ послѣднимъ въ дѣлѣ скорѣйшаго проведенія реформы, предсѣдатель названной коммиссіи, В. П. Бутковъ, предлагалъ окончательное назначеніе лицъ на новыя судебныя должности предоставить этой коммиссіи; но Замятнину удалось убѣдить коммиссію въ неудобствахъ такого порядка назначенія, которое и было поручено министру юстиціи и выполнено имъ столь блистательно.

Признавая, что для содѣйствія успѣшному осуществленію судебной реформы необходимо заблаговременно озаботиться о возможномъ ускореніи движенія и окончанія дѣлъ, производившихся въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ, Замятнинъ принялъ дѣятельныя мѣры къ достиженію такого ускоренія, и такъ какъ эти мѣры должны были заключаться не только въ усиленіи средствъ судебныхъ мѣстъ, но и въ упрощеніи порядка существовавшаго тогда дѣлопроизводства и судоустройства, — министръ юстиціи, независимо отъ ходатайства объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ нѣкоторыхъ судовъ 1-й и 2-й степени, входилъ съ представленіемъ объ измѣненіи правилъ, которыя, не принося никакой существенной пользы для частныхъ лицъ и не обезпечивая вѣрнѣйшаго достиженія истины, заледляли только движеніе дѣлъ и затрудняли тяжущихся, подсудимыхъ и судебныя мѣста *).

Независимо отъ этого, въ виду того, что рѣшено было судебную реформу вводить постепенно, слѣдовало предпринять что-нибудь для прикрытія язвъ стараго судебнаго устройства и производства, которыя съ открытіемъ

*) *Жур. Министер. Юстиціи* 1866 г., № 4.

новыхъ судовъ должны были обнаружиться съ ужасающею наготою. Этой цѣли должны были служить составленные Д. Н. Замятнинымъ и проведенныя черезъ государственный совѣтъ знаменитыя Правила объ измѣненіи и дополненіи Свода Законовъ, касающихся судопроизводства въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ. Правила были Высочайше утверждены 11 октября 1865 года и внесли въ темное царство старыхъ судебныхъ учрежденій хоть нѣкоторый лучъ свѣта въ видѣ гласности, сокращенія письменности, устности и т. д.

Начало 1866 года министерство юстиціи также провело въ энергичной работѣ по подготовительнымъ распоряженіямъ для введенія реформы. Министерство, руководимое Замятнинымъ, имѣло неослабное наблюденіе за изготовленіемъ списковъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые судьи, за составленіемъ списковъ присяжныхъ засѣдателей и за своевременнымъ выборомъ и утвержденіемъ мировыхъ судей. *) По новости дѣла встрѣчалось не мало недоразумѣній, которыя Замятнинъ разъяснялъ по возможности личнымъ объясненіемъ съ представителями администраціи и земства или путемъ телеграммъ и письменныхъ предписаній. Всѣ остальныя затѣмъ постановленія „Судебныхъ Уставовъ“, исполненіе коихъ было необходимо для безпрепятственнаго введенія судебнаго преобразованія, исполнены до срока открытія судебныхъ мѣстъ или самимъ министромъ юстиціи, или при его участіи, или же подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Равнымъ образомъ ми-

*) Списокъ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ перваго назначенія приводится въ Приложеніяхъ.

нистромъ юстиціи проведены были въ законодательномъ порядкѣ проекты — общаго наказа судебнымъ мѣстамъ, объ охранительномъ судопроизводствѣ, о таксѣ вознагражденія судебнымъ приставамъ и присяжнымъ повѣреннымъ. Сверхъ того министерство юстиціи участвовало въ разсмотрѣніи и составленіи прочихъ законодательныхъ работъ, имѣющихъ соотношеніе къ судебной реформѣ: такъ, наприм., о согласованіи Уложенія о наказ. съ Уставомъ о наказ., налаг. мировыми судьями, о помѣщеніяхъ для лицъ подвергаемыхъ аресту по приговорумировыхъ судей, объ устройствѣ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и т. п. *).

Теперь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что только непреклонной настойчивости Замятнина, этого на видъ очень мягкаго и слабаго старца, обязаны мы тѣмъ, что судебная реформа, несмотря на все противодѣйствіе вліятельныхъ сферъ, была осуществлена. Кому памятны событія послѣдующаго времени, тотъ поймет все серьезное значеніе этого историческаго fait accompli, съ которымъ волею-неволею должны считаться представители реакціонной партіи. Въ этомъ неустанномъ стремленіи провести во что бы то ни стало въ дѣйствительность судебную реформу заключается громадная заслуга Замятнина предъ потомствомъ. Проявляя такую необычайную энергію, Замятнинъ очень хорошо понималъ, что тутъ каждая минута дорога.

*) *Жур. Министр. Юстиціи* 1867 г., № 2, стр. 142.

VI.

„Судебная власть не есть собственно власть, даруемая какимъ-либо лицамъ или какому-либо сословію: это льготы, предоставленныя цѣлому народу, это право, предоставленное русскому гражданину. Учрежденіемъ независимой и самостоятельной судебной власти возвышается цѣлое общество. Гдѣ есть благоустроенный судъ, тамъ есть права, гдѣ есть права, тамъ есть огражденіе личности, тамъ есть законная свобода. Съ учрежденіемъ новаго судебнаго устройства и съ распространеніемъ его во всѣхъ частяхъ Россіи становится возможнымъ жить въ ней, въ странѣ цивилизованной".

Московск. Вѣдом.

Продолжительныя и сложныя приготовительныя работы къ открытію новыхъ судовъ окончены были къ апрѣлю 1866 года.

14 апрѣля покойный Государь посѣтилъ зданіе петербургскихъ судебныхъ установленій. Послѣ осмотра зданія творцу новаго суда представлены были Замятнинымъ, вновь назначенные къ должностямъ, чины судебныхъ установленій. Прощаясь съ ними, Государь обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданнической присяги, что, впрочемъ, одно и то же. Итакъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло!"

16 апрѣля происходило освященіе с.-петербургскихъ судебныхъ установленій и открытіе кассаціонныхъ департаментовъ сената.

Наконецъ настало 17 апрѣля, лучшій день въ жизни Д. Н. Замятнина, какъ онъ самъ впослѣдствіи говаривалъ, день открытія новыхъ судовъ *). Торжество открытія почтили своимъ присутствіемъ почетные посѣтители, члены дипломатическаго корпуса и многочисленная публика. Товарищъ министра юстиціи Н. И. Стояновскій прочелъ Высочайшее повелѣніе 19 марта и 13 апрѣля 1866 г. объ открытіи судебныхъ установленій, прочтенъ былъ также списокъ новыхъ назначеній. Затѣмъ первый министръ юстиціи новыхъ судебныхъ учрежденій обратился къ представителямъ магистратуры съ рѣчью, въ которой развилъ свой взглядъ на положеніе и призваніе судьи. „На вашу долю выпалъ завидный жребій, — такъ началъ Замятнинъ, — провести въ жизнь многознаменательныя слова Августѣйшаго Монарха: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. Велико довѣріе, оказанное вамъ этимъ выборомъ. Вамъ ввѣряется охраненіе самыхъ священныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ открываются и всѣ способы для возможно-успѣшнаго достиженія высокой цѣли. Царь-Освободитель, даровавшій сперва крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости, потомъ слившій отдѣльныя сословія въ одну

*) Какъ бы въ предзнаменованіе будущей тревожной жизни новыхъ судебныхъ учрежденій, въ день открытія въ Петербургѣ была ужасная погода. „Снѣгъ и дождь и рѣзкій холодный вѣтеръ дулъ съ утра. Нева снова покрылась такимъ слоемъ льда“. (*Моск. Вѣд.* 1866, № 83).

земскую семью, совершаетъ нынѣ надъ судебною властью новый подвигъ своей благотворной дѣятельности и даетъ всѣмъ судебнымъ установленіямъ, отъ высшихъ до низшихъ, *полную самостоятельность*. Но вспомнимъ,— продолжалъ ораторъ, —что чѣмъ выше благо, тѣмъ большія оно налагаетъ обязанности и отвѣтственность. Не сомнѣваюсь, что вы ими вполнѣ прониклись. Никому уже не будетъ права ссылаться въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство полные Уставы, составляющіе, можно сказать, послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставлено голосу совѣсти. Вы не будете имѣть возможности ссылаться и на предписанія начальства. Государь и съ нимъ вся Россія, — продолжалъ министръ, — ждутъ отъ васъ водворенія суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ, утвержденія въ нашемъ отечествѣ того уваженія къ закону, безъ котораго немыслимо общественное благосостояніе. Уваженіе это распространится только тогда, когда вы первые будете подавать примѣръ строгимъ и точнымъ исполненіемъ предписаній закона, когда всѣ убѣдятся, что кто бы ни прибѣгнулъ къ вашему суду, богатый или бѣдный, вельможа или простолюдинъ, всякій найдетъ у васъ равную защиту и покровительство своимъ законнымъ требованіямъ и равное противодѣйствіе несправедливымъ стремленіямъ. Завязывая свои глаза предъ *всякими внѣшними и посторонними вліяніями*, вы тѣмъ полнѣе раскроете внутреннія очи совѣсти и тѣмъ без-

пристрастнѣе будете взвѣшивать на вѣсахъ правосудія правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній.

„Но для полнаго успѣха предпринимаемаго судебнаго преобразованія недостаточно одной дѣятельности судебныхъ установленій. Здѣсь необходимо благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Вамъ, господа, посвящающимъ себя на защиту предъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнять,—сказалъ министръ, обращаясь къ присяжнымъ повѣреннымъ,—предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста при разрѣшеніи дѣлъ будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представите; поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будутъ зависѣть благостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій, и что вы всѣ единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказуемому вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду — общественное довѣріе и уваженіе“ *).

23 апрѣля были открыты Замятнинымъ московская судебная палата и окружный судъ, а въ ноябрѣ и декабрѣ 1866 г. открыты 14 провинціальныхъ окружныхъ судовъ. Въ рѣчи, обращенной къ московскимъ мирс-

*) *Журн. Министер. Юстиціи* 1866 г., № 4.

вымъ судьямъ, министръ юстиціи между прочимъ сказалъ: „вамъ, господа, впервые избраннымъ совокупно всѣми сословіями въ эту важную должность, предоставленъ обширный кругъ дѣятельности. Вамъ поручены дѣла тѣхъ именно лицъ, которыя наиболѣе нуждаются въ скоромъ и правомъ судѣ. На васъ лежитъ непремѣнная обязанность поставить должность мирового судьи на ту высокую степень значенія, которая предназначена ей закономъ, и сдѣлать изъ него краеугольный камень гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда".

Въ унисонъ съ своимъ принципаломъ говорили и высшіе члены магистратуры, коимъ приходилось давать первыя указанія органамъ суда. Такъ предсѣдатель департамента московской судебной палаты А. Н. Шаховъ при приводѣ къ присягѣ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ произнесъ слѣдующую рѣчь: „Господа! палатѣ извѣстно, что окружный судъ при обсужденіи правъ лицъ, изъявившихъ желаніе поступить въ число присяжныхъ повѣрепныхъ, былъ строгъ — разумѣется справедливо строгъ. Онъ не только разсматривалъ ваши письменные документы, но принималъ въ соображеніе и свѣдѣнія, указывающія на личныя ваши качества и образъ прежнихъ вашихъ дѣйствій. Иначе и быть не могло, потому что одно формальное удовлетвореніе тѣмъ условіямъ, которыя требуются закономъ для поступленія въ присяжные повѣренные, еще не служитъ ручательствомъ, что избранный въ повѣренные будетъ правдиво и честно охранять интересы своихъ довѣрителей. Будучи включены окружнымъ судомъ въ это сословіе, вы, господа, значитъ, удовлетворили всѣмъ условіямъ—значитъ, вы

оказались во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойными состоять въ немъ. Приступайте же къ исполненію ожидающихъ васъ нелегкихъ обязанностей и продолжайте ихъ съ честію—и вы заслужите уваженіе отъ правительства, и отъ общества, а это есть лучшая награда всякому честному труду“ *).

Для характеристики духа того времени не лишено значенія то обстоятельство, что первый предсѣдатель московскаго окружнаго суда Е. Е. Люминарскій не путемъ грозныхъ циркуляровъ, а въ дружеской бесѣдѣ объяснялъ вновь образуемому институту судебныхъ приставовъ ихъ обязанности, стараясь пробудить въ нихъ высокое уваженіе къ принимаемому ими званію. Достойный членъ московской магистратуры, теперь уже сошедшій въ могилу, сказалъ судебнымъ приставамъ слѣдующую рѣчь: „Гг. судебные пристава! поздравляю васъ съ принятіемъ присяги на новую должность. Надѣюсь, вы оправдаете ожиданіе общества и правительства; на васъ лежитъ священная обязанность не только поддержать, но возбудить упавшее нынѣ довѣріе къ силѣ и власти суда — довѣріе, безъ котораго парализуется и самое отправленіе правосудія. „Необходимость скораго и точнаго исполненія рѣшеній постоянно сознавалась нашимъ законодательствомъ: начиная съ 1721 года мы находимъ въ указахъ неоднократныя подтвержденія блюстителямъ правосудія какъ высшимъ, такъ и низшимъ имѣть надзоръ, чтобы дѣла вершались не только на бумагѣ, но чтобы рѣшенія безостановочно и скоро были приведены въ дѣйствительное исполненіе. Къ сожалѣнію, предписанія закона по сему

*) *Судеб. Вѣстн.* 1866, № 2.

предмету весьма часто не исполнялись. Приведеніе въ дѣйствіе рѣшенія въ большей части случаевъ возлагалось на полицію, а полиція, обремененная множествомъ разнородныхъ занятій, всегда смотрѣла на приведеніе въ дѣйствіе судебныхъ рѣшеній, какъ на обязанность второстепенную, исполненіе коей можно отложить. Послѣдствія этого вамъ, господа, извѣстны. Рѣшеніе судебныхъ мѣстъ, нерѣдко и правительствующаго сената, исполнялись не недѣли, не мѣсяцы, а цѣлые годы, даже десятки лѣтъ. Выиграть дѣло въ судѣ не значило выиграть его дѣйствительно и получить искомое и присужденное. Цѣлыя состоянія переходили изъ рукъ въ руки, а иногда и совершенно растрачивались отвѣтчикомъ прежде чѣмъ истецъ, выигравшій тяжбу, получалъ удовлетвореніе.

„Для устраненія столь важныхъ злоупотребленій и учрежденъ институтъ судебныхъ приставовъ, къ которому вы имѣете честь принадлежать.

„Господа! Вы клялись честно и добросовѣстно исполнить всѣ обязанности принимаемой на себя должности. Исполните же, господа, вашу клятву. Возстановите довѣріе къ суду и закону, составляющимъ основу государственнаго порядка, безъ которыхъ не мыслимо и самое государство. Соединитесь дружно для достиженія высокой цѣли. Пусть всякій убѣдится, что со введеніемъ въ дѣйствіе Уставовъ 1864 года дѣла вершаются не только на бумагѣ, но и исполняются на самомъ дѣлѣ. Пусть не бѣдность страшится богатства, а, напротивъ, богатый, но неисправный должникъ спѣшитъ удовлетворить своего незнатнаго кредитора. Пусть исполнительный листъ

въ вашихъ рукахъ будетъ сильнѣе денегъ и связей сильныхъ міра сего. Съ этимъ оружіемъ вамъ некого и нечего бояться. Защитой вашею будетъ судъ и законъ. Поддержите же, господа, значеніе судебныхъ учрежденій и заставьте умолкнуть поклонниковъ *стараго порядка*, съ недовѣріемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ скрытымъ недоброжелательствомъ относящихся къ новому суду" *).

Рѣчи Замятнина произвели превосходное впечатлѣніе. Никогда еще русскіе судьи не выслушивали изъ устъ министра юстиціи такого, исполненнаго силы и достоинства, воззванія, въ которомъ такъ рельефно ставилось на видъ, что отнынѣ они должны считать себя свободными отъ начальственнаго давленія и имѣть въ виду только предписанія закона и велѣнія совѣсти. Одинъ изъ зоиловъ, бывшій въ числѣ слушателей Замятнина, съ худо скрываемою злобой замѣтилъ: „voilà un discours bien dit", что въ переводѣ означало: „куда вамъ все это осуществить". Но вся послѣдующая дѣятельность Замятнина доказала, что слова его были не пустоцвѣтомъ оффиціальнаго краснорѣчія, а выраженіемъ строго обдуманной и сознательно усвоенной программы, которой ораторъ намѣревался слѣдовать при осуществленіи на дѣлѣ судебной реформы.

Въ полной самостоятельности суда, независимости адвокатуры отъ администраціи—онъ не видѣлъ, нетерпимое проявленіе анархическихъ поползновеній, которыя per fas et nefas должны быть по давляемы, а напротивъ вѣрнѣйшій залогъ нелицепріятнаго правосудія. Въ качествѣ министра юстиціи, Замятнину не разъ приходилось охра-

*) *Судеб. Вѣстн.* 1866, № 1.

нять щитомъ судейской независимости судей, не угодившихъ тѣмъ или другимъ высоко, очень высокопоставленнымъ лицамъ. Не только судей, но и представителей прокурорскаго надзора прикрывалъ Замятнинъ своимъ авторитетомъ, коль скоро убѣждался, что неудовольствіе мѣстной власти вызвано тѣмъ, что прокуроры осмѣливались распространять дѣйствіи общихъ законовъ на протеже́ мѣстныхъ властей. Замятнинъ всегда спокойно провѣрялъ всѣ навѣты, и когда оказывалось, что прокуроръ былъ правъ, то, вмѣсто удаленія отъ должности, онъ получалъ повышенія, какъ это случилось съ владимірскимъ прокуроромъ г. Г—мъ и псковскимъ г. Г—мъ, котораго невзлюбилъ и хотѣлъ уволить безъ прошенія псковскій губернаторъ графъ Паленъ. Теперь еще не время поименно исчислять многочисленныя заслуги Замятнина по строгому проведенію начала несмѣняемости тѣмъ болѣе трудему, что чѣмъ выше были задѣятыя несмѣняемостью сферы, тѣмъ властнѣе проявляли желаніе проводить въ жизнь старое крѣпостническое начало: „sic volo, sic jubeo, fiat mea voluntas“.

Само собою разумѣется, что во время управленія Замятнина министерствомъ юстиціи отношенія судебной администраціи къ судамъ и адвокатурѣ исполнены были взаимнаго довѣрія, уваженія и предупредительности, благодаря которымъ масса недоумѣній, затрудненій, неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, а въ особенности въ такомъ трудномъ, какъ первое насажденіе правильно организованнаго и независимаго суда, разрѣшалась успѣшно, быстро и къ обоюдному удовольствію. Даже въ мелочахъ сквозило это благоволеніе министерства юстиціи къ

судамъ. Возникъ, напримѣръ, вопросъ объ отношеніяхъ стоящей и сидящей магистратуры, и Замятнинъ, не колеблясь ни минуты, предписалъ прокурорамъ вставать съ мѣстъ при обращеніи къ суду. Замѣчательны мотивы, приведенные въ циркулярѣ: „Для поддержанія во всеобщемъ мнѣніи высокаго значенія, присвоеннаго судебной власти новыми Уставами,—пишетъ Замятнинъ,—необходимо наглядное выраженіе того уваженія, которымъ власть эта должна пользоваться со стороны всѣхъ безъ изъятія лицъ, имѣющихъ къ нему какое-либо отношеніе“ (Циркуляръ министра юстиціи 15 января 1867 года, № 911) *).

Новыя формы процесса, примѣнявшіяся съ необыкновеннымъ сознаніемъ собственнаго достоинства и гуманностью, въ связи съ гласностью и почти идеальною скоростью рѣшенія дѣлъ **), сдѣлали даже для слѣпыхъ очевидную разницу между старымъ тайнымъ канцелярскимъ порядкомъ безграмотнаго судопроизводства и новымъ гласнымъ судоговореніемъ, отправляемымъ образованными коронными юристами или излюбленными мировыми судьями. Новый судъ сразу завладѣлъ общественною симпатіей. Не только въ столицахъ, но и въ глухой провинціи, гдѣ введены были только „Правила 11 октября 1865 года“, съ допущеніемъ нѣкоторыхъ элементовъ новаго судопроизводства, публика ломилась не только на засѣданія интересныхъ уголовныхъ, но и граждан-

*) Замѣчательно, что этотъ прекрасный циркуляръ не значится въ Сборникѣ циркуляровъ министер. юстиціи, изданномъ при гр. Паленѣ.

**) *Юрид. Газета № № 1, 5.*

скихъ дѣлъ. *) Такъ заманчиво было это пріобщеніе, хотя бы въ качествѣ зрителей, къ отправленію правосудія.

Въ Приложеніяхъ приведены отзывы нѣкоторыхъ органовъ печати, а здѣсь достаточно будетъ привести извлеченіе изъ статьи *Московск. Вѣдом.*, посвященной открытію новыхъ судовъ:

„17-го апрѣля открыты въ Петербургѣ наши новые судебныя установленія; завтра откроются они въ Москвѣ. Немногое изъ того, что совершилось прежде и немногое изъ того, что можетъ намъ обѣщать впереди самый широкій прогрессъ, можетъ сравниться, по важности и значенію, съ этимъ великимъ преобразованіемъ. Одно изъ самыхъ необходимыхъ и самыхъ плодотворныхъ условій цивилизаціи есть правильное судебное устройство, и его впервые получаетъ теперь Россія. Народная жизнь, гдѣ стихія права не имѣетъ надлежащаго развитія, не способна ни къ какому благоустройству и находится въ состояніи варварства и безсилія; все, чѣмъ только дорожитъ человѣческое общество, предполагаетъ прежде всего идею законности и обезпечивается прежде всего ея развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни. Но тѣ имѣютъ невѣрное понятіе о законности, кто представляетъ ее себѣ только подъ видомъ формальныхъ правилъ, которыя должны ограничивать инціативу дѣйствующихъ въ обществѣ силъ. Всѣмъ хорошо извѣстно какъ мало общаго между законностью, составляющею необходимое условіе общественнаго благоустройства и цивилизаціи, и тѣми формальностями, которыми обставляетъ себя

*) *Юрид. Газета*, кн. VI. — *Журн. Мин. Юст.* 1866 г., № 5, и 1867 г., № 5.

администрація или которымъ она подчиняетъличную дѣятельность подъ видомъ законности. Обыкновенно бываетъ такъ, что эти административныя формальности ни мало не ограничиваютъ произвола во всѣхъ дурныхъ его проявленіяхъ, и только поражаютъ безсиліемъ людей и отнимаютъ у нихъ свободу дѣйствія, безъ котораго ни въ чемъ не возможенъ успѣхъ и безъ котораго невозможно никакое живое, истинно полезное дѣло. Нѣтъ, законность, какъ великое общественное благо, какъ необходимое условіе всякаго благоустройства, какъ обезпеченіе всего лучшаго въ жизни народа, должна быть отнимаема не въ смыслѣ формальностей, которыя плодятся только тамъ, гдѣ нѣтъ законности въ ея истинномъ смыслѣ; и на оборотъ, тамъ всѣ стѣсняющія жизнь формальности исчезаютъ одна за другой, гдѣ это начало законности входитъ въ силу и становится дѣйствительностью. Но законность и право становятся дѣйствительностью лишь въ той общественной средѣ, гдѣ есть правильный судъ и гдѣ судъ есть сила независимая и самостоятельная. И вотъ такой-то судъ является теперь у насъ впервые, а съ нимъ впервые водворяется въ нашей политической жизни начало законности и права. Вотъ какому великому дѣлу полагаются теперь основанія, вотъ до чего суждено было дожить намъ, вотъ что предоставляется живущему нынѣ поколѣнію утвердить и ввести въ силу. Только съ точки зрѣнія этого новаго преобразованія раскрывается широко перспектива нашей политической будущности. Съ этимъ преобразованіемъ входитъ въ нашу жизнь *совершенно новое* начало, которое положитъ явственную грань между про-

шедшимъ и грядущимъ и которое не замедлитъ отозваться во всемъ... Дѣйствіе его не ограничится только сферой собственно судебныхъ установленій; какъ тонкая стихія, она разольется повсюду и всему дастъ *новый видъ*, *новую силу*, *новое значеніе*. Среди нашего общества появится новое многочисленное сословіе, котораго до сихъ поръ у насъ не было, сословіе судебное, сословіе людей закона, сословіе юристовъ. Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, будетъ *живой общественной силой*, и идея законности и права станетъ могучимъ дѣятелемъ народной жизни. Судъ независимый и самостоятельный, не подлежащій административному контролю, возвыситъ и облагородитъ общественную среду, ибо чрезъ него этотъ характеръ независимости и самостоятельности мало-по-малу сообщится и *всѣмъ проявленіямъ общественной жизни*. Только благодаря этому нововведенію, то, что называется законной свободой и обезпеченіемъ права, будетъ ужь не словами, а дѣломъ... Великое преобразованіе!...“ (1866, № 86).

Ну, а что судъ присяжныхъ, этотъ перлъ судебной реформы, возбуждавшій столько искреннихъ и неискреннихъ опасеній? Даже знаменитый Миттермайеръ, горячо привѣтствовавшій нашу судебную реформу, опасался сильно за судьбу суда присяжныхъ и дѣлалъ слѣдующее доброжелательное предостереженіе: „опираясь на долголѣтія наблюденія постепеннаго развитія уголовныхъ учрежденій,—писалъ онъ,—мы высказываемъ наше желаніе, чтобы правительство, не видя немедленно плодовъ, ожидаемыхъ имъ отъ новыхъ учрежденій, не было бы запугано приверженцами стараго порядка и врагами

всякихъ нововведеній и чтобъ оно не переставало преслѣдовать свою цѣль. Мы напоминаемъ ему то интересное явленіе,—продолжалъ ученый процессуалистъ,—что даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ эти новыя учрежденія были совершенно неизвѣстны, гдѣ даже образованные люди считали народъ не созрѣвшимъ, — даже такъ чудеснымъ образомъ юристы поняли значеніе новыхъ началъ. Выгоды, доставляемыя ими, высказываются все болѣе и болѣе, а люди, призываемые въ присяжные, оказались наконецъ и тамъ способными выполнить свое назначеніе“ *).

Если опасеніе, высказанное Миттермайеромъ въ первой половинѣ приведенной цитаты, оказалось, какъ мы увидимъ ниже, вполнѣ справедливымъ, то опасеніе касательно достоинствъ русскаго суда присяжныхъ съ первыхъ же шаговъ судебной реформы было опровергнуто самымъ блистательнымъ образомъ. Всякій во-очію видѣлъ, что не только образованный классъ гражданъ, но и „вчерашній рабъ“, въ которомъ, казалось, должно было быть вытравлено помѣщичьимъ самосудомъ всякое сознаніе права и правды, въ составѣ суда общественной совѣсти оказываются вполнѣ на высотѣ своего призванія. Судъ присяжныхъ завоевалъ себѣ сочувствіе не только въ публикѣ, но даже въ сферахъ, ему враждебныхъ, и блистательнымъ образомъ подтвердилъ справедливость мнѣнія составителей „Судебныхъ Уставовъ“, не допускавшихъ мысли, „чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены къ дурному и незрѣлы для хорошаго“ **).

*) *Журн. Министер. Юстиціи* 1864 г., № 10, стр. 15.

**) *Судебн. Уст., изд. государств. канцел.* т. 3—4 стр. XLIII.

Но для провѣрки личныхъ впечатлѣній по судебной реформѣ необходимо было дождаться отчета центральнаго вѣдомства, поставленнаго въ возможность дѣлать общія наблюденія и выводы. Отчетъ министерства юстиціи не заставилъ себя долго ждать. Въ мартѣ 1867 года въ *Сѣверной Почтѣ* напечатанъ былъ первый и послѣдній отчетъ Замятнина о дѣятельности новыхъ судовъ. Замятнинъ съ праведливою гордостью и нескрываемымъ удовольствіемъ заявлялъ въ отчетѣ, что великое дѣло насажденія на Руси суда честнаго и независимаго, трудную задачу коего онъ взялъ на себя, увѣнчалось наилучшимъ успѣхомъ. „Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу, — сказано въ отчетѣ Замятнина,—простота мироваго разбирательства, допущенная при отправленіи онаго, полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали всеобщее къ мировому институту довѣріе. Въ особенности простой народъ, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый для мелкихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять верховнаго законодателя за дарованіе Россіи суда столь близкаго народу и вполнѣ соотвѣтствующаго его потребностямъ. Довѣріе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности, или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ, въ прежнихъ судахъ вовсе не возникали. Равнымъ образомъ принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а так-

же на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія“ *).

„Дѣятельность общихъ судебныхъ установленій, — писалъ Замятнинъ, — оказалось столь же благотворною, какъ и мировыхъ учрежденій. И здѣсь, по словамъ отчета, глубокое сочувствіе всѣхъ сословій къ судебному преобразованію выразилось въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствующая при судебныхъ засѣданіяхъ публика слѣдитъ за ходомъ дѣлъ предъ судомъ. Быстрота рѣшеній дѣлъ, при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ формъ судопроизводства, производила какъ на присутствующую публику, такъ и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ поразительное впечатлѣніе. Участіе присяжныхъ засѣдателей вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми сословіями *).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ отзывъ Замятнина о дѣятельности суда присяжныхъ: „присяжные засѣдатели, состоящіе иногда преимущественно изъ крестьянъ (наприм. въ Ямбургѣ изъ 12 засѣдателей было 11 крестьянъ), вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному

*) См. прекрасную иллюстрацію къ этой мысли въ статьѣ В. П. Безобразова, извлеченіе изъ коей приведено въ „Приложеніяхъ“.

*) *Журналъ Министерства Юстиціи* 1867 г., № 2.

разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря поразительному вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ правильно и удовлетворительно".

Общій выводъ изъ отчета Замятнина сводится къ слѣдующему: „взаимнымъ содѣйствіемъ судебныхъ мѣстъ и прокурорскаго надзора, а равно и добросовѣстнымъ исполненіемъ присяжными засѣдателями своихъ важныхъ обязанностей — достигалось столь необходимое для отправленія правосудія единство, причемъ не маловажнымъ пособіемъ служило то единодушіе, съ которымъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ относилось къ дѣйствіямъ судей и прокуроровъ" *).

Отчетъ Замятнина произвелъ громадное впечатлѣніе. Самые отчаянные скептики увидѣли, что дѣло, внушавшее столько опасеній, въ искусныхъ рукахъ Замятнина начинается прекрасно прививаться. Печать единодушнымъ восторгомъ привѣтствовала первые итоги судебной реформы, подведенные Замятнинымъ. Мы не приводимъ восторженныхъ отзывовъ газетъ, всегда сочувственно относившихся къ либеральнымъ реформамъ прошлаго царствованія, какъ *Голосъ*, *С.-Петербургскія Вѣдомости* (прежней редакціи) и др., — мы сошлемся на газету, которую, кажется, нельзя заподозрить въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ либеральнымъ реформамъ и ихъ дѣятелямъ. По поводу опубликованнаго отчета *Моск. Вѣдомости* говорили слѣдующее: „поистинѣ едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время

*) Тамъ же, стр. 144.

такъ крѣпко и такъ успѣшно принялось дѣло столь великое и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ *основной* идеи до мельчайшихъ подробностей. То, о чемъ года два тому назадъ можно было только *мечтать*, что возбуждало столько, повидимому справедливыхъ, сомнѣній, — теперь находится въ полномъ дѣйствіи на значительномъ пространствѣ нашего отечества и уже первое полугодіе въ своемъ итогѣ представляетъ столь блистательные результаты. Судъ присяжныхъ, *лучшая гарантія гражданской свободы*, совершается у насъ во-очію и въ немъ принимаютъ участіе крестьяне, — тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода, и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія".

Приведя то мѣсто изъ отчета Замятнина, гдѣ говорится о мировыхъ судьяхъ, консервативный органъ замѣчаетъ: „вотъ до какой степени вѣрно высказанное не разъ мнѣніе, что наша судебная реформа, есть нестолько реформа, сколько *созданіе* субедной власти". Статью свою *Московскія Вѣдомости* заключаютъ слѣдующими словами: „*честь и слава* правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль Преобразователя, *оберегая* ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія *новаго гражданскаго порядка*. Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи" *).

Мы не затѣмъ привели эту длинную цитату, чтобы бросить укоризну нынѣ первенствующему реакціонному

*) *Московскія Вѣдомости* отъ 28 марта 1867 года, № 69.

органу печати, такъ своеобразно выполняющему на нашихъ глазахъ обѣщаніе, данное именемъ исторіи, и договорившемуся до необходимости уничтожить судейскую несмѣняемость *), а потому, что лучшей похвалы нельзя было придумать въ честь того „имени“, носитель котораго наиболѣе доблестно подвизался надъ созданіемъ въ Россіи первыхъ судовъ, заслуживающихъ этого названія.

Все, что было приведено выше, показываетъ, съ какимъ искреннимъ сочувствіемъ встрѣтили образованное общество и народъ первые шаги судебной реформы. Ошибочно было бы думать, что интересъ публики и печати вызывался только новизною публичнаго судоговоренія, или серьезною торжественностью судебныхъ засѣданій, или улучшеніемъ технической стороны судопроизводства. О, нѣтъ,—тутъ дѣйствовали болѣе важные мотивы! Слишкомъ обидное, но, увы, глубоко коренившееся въ нашихъ законахъ и нравахъ утвержденіе Карамзина **), что у русскихъ гражданъ, какъ таковыхъ, не бывало никогда и нѣтъ никакихъ „общегражданскихъ *правъ*“, получило съ введеніемъ „Судебныхъ Уставовъ“ въ дѣйствіе наглядное и торжественное опроверженіе. На новомъ судѣ русскій гражданинъ впервые узналъ, что онъ не безправый объектъ, обязанный служить матеріаломъ для начальственныхъ манипуляцій, а правоспособный субъектъ, обладающій правами. Имущество, личность, честь и свобода гражданина изъ „случайнаго“

*) Превосходныя статьи этой газеты, съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла отстаивающія начало несмѣняемости и полной независимости судей отъ администраціи, читатели найдутъ въ Приложеніяхъ.

**) *Баронъ Корфъ. „Жизнь Сперанскаго“* С.-П.Б. 1861, стр. 162.

дара, находившагося дотолѣ въ безотчетномъ распоряженіи предержащихъ властей, превратились въ реальныя блага, поставленныя подъ надежную охрану просвѣщенной и несмѣняемой магистратуры. Личность гражданина, даже преступившаго законъ, поставлена подъ охрану закона и ограждена отъ произвольныхъ дѣйствій. Въ подсудимомъ стало уважаться его человѣческое достоинство, безъ всякаго отношенія къ его общественному положенію. Если новое законодательство относилось съ уваженіемъ къ личности даже павшаго гражданина, то тѣмъ паче должно было возвыситься уваженіемъ къ правамъ гражданъ вообще. Очевидное доказательство такого уваженія было тутъ же на-лицо на судѣ. Двѣнадцать простыхъ гражданъ, взятыхъ, такъ-сказать, прямо съ улицы или отъ сохи и рабочаго стола, исключительно во вниманіе къ ихъ гражданской добропорядочности, облечены громадною властью творить судъ по совѣсти. Предъ этимъ приговоромъ общественной совѣсти склоняютъ съ уваженіемъ голову не только подсудимые, но и представители обвинительной власти, и самъ судъ. Это былъ апотеозъ гражданскаго достоинства, дотолѣ совершенно попраннаго. Это была первая школа для политическаго воспитанія народа. Это былъ ясный для всѣхъ и безповоротный приговоръ надъ бюрократическою системой: все для народа, ничего съ помощью народа. Для всѣхъ было ясно, что наступила новая эра общественной жизни Россіи, что новый порядокъ вещей долженъ произвести переворотъ въ умоначертаніи народа и отношеніяхъ его къ властямъ.

Высшая судебная администрація въ лицѣ Д. Н. Замятнина хорошо понимала всю бытовую и политическую важность насажденія независимой судебной корпораціи и передачи обществу функцій уголовной репрессіи. Правительство рѣшилось однако и на этотъ смѣлый по либерализму шагъ, увѣнчавшійся блистательнымъ успѣхомъ. Не даромъ учитъ исторія, эта наставница народовъ, что только либеральное и сильное правительство „можетъ быть безнаказанно либеральнымъ“.

VII.

At nunc narraturo mihi vitam defuncti hominis venia opus fuit quam non petissem incusaturus tam saeva et infesta virutibus tempora.

Tacitus.

Только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, думаютъ, что эту силу они пріобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить—очень легкое дѣло,—особенной силы здѣсь не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ!

С. Соловьевъ.

Казалось бы, что дѣло введенія въ дѣйствіе „Судебныхъ Уставовъ“, столь счастливо начатое Замятнинымъ, не могло быть вырвано изъ его опытныхъ и доброжелательныхъ рукъ, въ которыхъ заключался вѣрнѣйшій залогъ дальнѣйшаго успѣшнаго продолженія судебной реформы. И дѣйствительно, уже 10-го января 1867 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи судебной реформы въ округѣ харьковской судебной палаты. При такомъ ходѣ дѣла осуществленіе первоначальнаго предположенія о введеніи реформы до 1870 года во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію, и въ Бессарабской области казалось близкимъ къ исполненію. Но эта-то преданность судебной реформѣ и стремленіе возможно скоро осуществить ее повсе-

мѣсно и дѣлали дѣятельность Замятнина непріятною и даже ненавистною для партіи, враждебной реформамъ. Она не дремала, старалась собирать всѣ вздорные толки и пересуды о мнимыхъ или дѣйствительныхъ промахахъ новыхъ судовъ, чтобы представить дѣятельность ихъ въ непривлекательномъ свѣтѣ.

Суды отвергали обвиненія, воздвигаемыя полиціей мысли по дѣламъ печати, и вмѣсто того, чтобы винить возбудителей неосновательнаго обвиненія, порицали суды за то, что они точно примѣняли законъ и усматривали въ дѣйствіяхъ суда желаніе подорвать авторитетъ власти. Вслѣдствіе небрежнаго управленія государственными имуществами, частныя лица захватывали земли и впослѣдствіи на судѣ выигрывали дѣло, а судей, точно примѣнявшихъ законъ, обвиняли въ томъ, что они причиняютъ ущербъ казнѣ. Съ высокопоставленныхъ неоплатныхъ должниковъ исполнительные органы суда, не взирая на лица, требовали удовлетворенія по исполнительнымъ листамъ— и на новый судъ сыпались новыя нападки въ демократической тенденціозности, невниманіи къ заслугамъ, орденамъ и пр. Извѣстное дѣло Протопопова, обвиняемаго въ оскорбленіи дѣйствіемъ начальника и признаннаго присяжными дѣйствовавшимъ въ состояніи умоизступленія, послужило поводомъ для новыхъ яростныхъ нападокъ на судъ присяжныхъ. Мировые судьи, вѣрные своему призванію, чинили судъ равный для всѣхъ, не мирволя дворянамъ, и это служило новымъ поводомъ для нареканій на новыя судебныя учрежденія. Напрасно самые благонадежные люди заявляли, что „недобросовѣстно хвататься за каждый промахъ новаго суда, къ тому же иногда

мнимый и на этомъ основаніи произносить неблагопріятные приговоры о цѣломъ учрежденіи“ (*М. В.* 1866, № 263 *). Вліятель нымиврагами судебной реформы всѣ подобные факты старательно собирались, нанизывались другъ на друга, раздувались и выставлялись какъ доказательство вреднаго — либеральнаго, революціоннаго (да, употреблено было именно это слово)—направленія новыхъ судовъ.

Отъ Замятнина требовали принятія „мѣръ“ противъ судей честно и мужественно исполнявшихъ свою обязанность и не прислушивавшихся къ властнымъ сторонним внушеніямъ, требовали прямой или замаскированной отмѣны судейской несмѣняемости, но на всѣ эти требованія онъ, конечно, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Въ замѣнъ ожидаемыхъ проектовъ объ уничтоженіи судейской несмѣняемости и о назначеніи правительствомъ мировыхъ судей на вакансіи, открывшіяся до конца срока выборовъ, которыхъ отъ него требовали и ожидали враги реформъ, Замятнинъ въ несъ въ государственный совѣтъ вполнѣ согласное съ духомъ „Судебныхъ Уставовъ“ представленіе, коимъ предлагалось предоставить земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ, въ случаѣ открытія до срока вакансіи на должность мировыхъ судей, производить новые дополнительные выборы. Представленіе прошло въ государственномъ совѣтѣ, мнѣніе котораго Высочайше утверждено было 27-го марта 1867 года. 12 апрѣля Замятнинъ циркулярно оповѣстилъ объ этомъ новомъ и торжественномъ подтвержденіи выборнаго начала мироваго института пред-

*) См. извлеченіе изъ этой статьи въ „Приложеніяхъ“.

сѣдателей мировыхъ съѣздовъ. Этотъ циркуляръ, достойно завершавшій министерскую карьеру Замятнина, сдѣлался его лебединою пѣснью. Дни его министерства уже были сочтены.

Враги судебной реформы вели свою игру довольно искусно. Сначала отрѣзана была у Замятнина, такъ-сказать, его правая рука—уволенъ въ отставку его достойный и неутомимый сотрудникъ-товарищъ Н. И. Стояновскій. На мѣсто его былъ назначенъ, помимо избранія самого министра, бывшій псковскій губернаторъ графъ фонъ-деръ-Паленъ. Для того, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ заставить Замятнина отойти отъ любимаго дѣла, придумали соединить званія гланоуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и министерствомъ юстиціи. Зная добросовѣстность Замятнина, разсчитывали на то, что онъ не возьмется за эти двѣ многотрудныя должности, бывшія ему не подъ силу. Разсчеты оказались вѣрными. Замятнинъ отказался принять эти двѣ должности и подалъ въ отставку. Ровно черезъ годъ по открытіи новыхъ судебныхъ учрежденій, 16-го апрѣля 1867 года, покинулъ онъ министерскій постъ, напутствуемый сожалѣніями всего судебнаго вѣдомства и прогрессивной части русскаго общества. Замятнинъ, покидая свой постъ, могъ съ гордостью сказать, что онъ передалъ своему преемнику великій законодательный памятникъ 20 ноября 1864 года безъ малѣйшаго изъяна, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ его творца.

Постъ министра юстиціи временно занялъ князь Урусовъ, главноуправляющій II отдѣленіемъ Его Император-

скаго Величества канцеляріи. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ эти двѣ должности были снова раздѣлены, и графъ Паленъ вступилъ въ управленіе министерствомъ юстиціи. Кто не помнитъ этого времени, такъ внезапно наступившаго послѣ медоваго мѣсяца судебной реформы! Графъ Паленъ, бывшій вице-директоромъ департамента полиціи исполнительной, человѣкъ совершенно чуждый судебному вѣдомству, кружку славныхъ дѣятелей судебной реформы и относившійся враждебно къ либеральнымъ основаніямъ ея, долженъ былъ замѣнить Замятнина!?

Призванный къ власти въ томъ предположеніи, что онъ съумѣетъ подчинить дѣятельность новыхъ судовъ административно-полицейскимъ цѣлямъ *), новый министръ юстиціи старался оправдать возложенныя на него надежды. Судъ общественной совѣсти, несмѣняемая магистратура, мировой институтъ, независимая адвокатура,— однимъ словомъ, все, что заявляло претензію жить въ духѣ „Судебныхъ Уставовъ“, т. е. дѣйствовать согласно предписанія закона и внушенія совѣсти, а не по мановенію начальническаго перста,--все это было взято въ сильное подозрѣніе и держалось въ черномъ тѣлѣ. Одинъ только непосредственно подчиненный министерству юстиціи прокурорскій надзоръ, содержимый въ духѣ спасительной дисциплины, пользовался благоволеніемъ новаго министра и представлялъ единственно благонадежные кадры для пополненія судебнаго персонала. Насколько все это мало согласовалось съ духомъ и буквою „Судебныхъ Уставовъ“, объ этомъ и не думали. Словно въ непріятельской странѣ, старались то при помощи

*) Ср. въ „Приложеніяхъ“ извлеченія изъ *Моск. Вѣд.* №№ 156 и 198.

военныхъ хитростей подкопаться подъ основанія начала судебной реформы, то открытою силой нападали на эти первые проблески правильно устроеннаго правоваго общежитія.

Странная иногда бываетъ игра судьбы! И безъ того свѣтлая и симпатичная личность Замятнина на своей исторической чредѣ точно нарочно была поставлена между графами Панинымъ и Паленомъ—какъ бы для того, чтобы на этомъ фонѣ она получила еще болѣе блестящее освѣщеніе!

Замятнинъ ушелъ отъ своего любимаго дѣла съ горечью, но безъ озлобленія. Онъ понялъ, что подули противные прогрессу вѣтры, но они не пошатнули его убѣжденій. Въ то время, какъ малодушные пошли по теченію, Замятнинъ и другіе истинные друзья прогресса остались вѣрными либеральнымъ принципамъ. Изъ жизненнаго опыта они еще болѣе убѣждались въ справедливости началъ, положенныхъ въ основаніе „Судебныхъ Уставовъ“. Уваженіе къ этимъ началамъ, возрастая по мѣрѣ того, какъ ополчалась на нихъ реакція, перешло въ настоящій религіозный культъ, какъ-бы оправдывая извѣстный стихъ Виктора Гюго:

Quand l'impie a porté l'outrage au sanctuaire,
Tout fuit le temple en deuil de splendeur depouillé,
Mais le prêtre fidèle, a génoux sur la pierre
Prodigue plus d'encens, repand plus de lumière,
Courbe plus bas sou front devant l'autel souillé.

Чтя судебную реформу какъ святыню, Замятнинъ въ государственномъ совѣтѣ въ теченіе 11 лѣтъ держалъ „упрямую оппозицію“ реакціоннымъ проектамъ графа

Палена, вносимымъ подъ благовиднымъ предлогомъ „улучшенія Судебныхъ Уставовъ по указаніямъ опыта“. Энергіи и трудамъ Замятнина и его товарищей русское общество обязано тѣмъ, что „Судебные Уставы“, этотъ палладіумъ русской гражданственности, не были вовсе обезображены стараніями необузданной реакціи.

Уже семидесятилѣтнемъ старцемъ Замятнинъ еще разъ сослужилъ великую службу своей родинѣ, отстоявъ въ 1878 году принципы новаго судоустройства отъ яростнаго нападенія реакціонной партіи. Графъ Паленъ внесъ въ государственный совѣтъ рядъ проектовъ, имѣвшихъ цѣлью почти полное упраздненіе суда присяжныхъ, уничтоженіе независимости присяжной адвокатуры и проч. Замятнинъ, всегда спокойный, на этотъ разъ сильно волновался предъ засѣданіемъ государственнаго совѣта, чуя, какой опасности подвергаются краеугольные камни новаго суда. При содѣйствіи опытныхъ судебныхъ дѣятелей была составлена Замятнинымъ обстоятельная записка, направленная противъ проектовъ графа Палена. Воззваніе ветерана судебной реформы не остались гласомъ въ пустынѣ вопіющимъ. Изъ проектовъ графа Палена былъ принятъ одинъ о частичномъ измѣненіи подсудности суда присяжныхъ, ставшій извѣстнымъ подъ именемъ „закона 9-го мая“ и недавно отмѣненный въ значительной части.

Вдали отъ любимаго дѣла Замятнинъ имѣлъ на закатѣ дней своихъ великую минуту утѣшенія. Это было въ 1873 г., когда онъ праздновалъ свой пятидесяти-лѣтній служебный юбилей. На этотъ праздникъ Замятнина еди-

нодушно откликнулся весь русскій судебный міръ, съ которымъ онъ и послѣ своей отставки поддерживалъ самыя теплыя отношенія, радуясь успѣхамъ лучшихъ дѣятелей его. Въ юбилейный день 4 сентября вся многочисленная и широко разбросанная судебная семья, какъ одинъ человѣкъ, привѣтствовала своего незабвеннаго вдохновителя и перваго руководителя. Болѣе 30 телеграфическихъ привѣтствій получилъ Замятнинъ отъ разныхъ судебныхъ учрежденій, въ томъ числѣ даже изъ такой уѣздной глуши, какъ Зарѣчье, Горбатовъ, Спасскъ, Кинешма, Мелитополь. Въ адресѣ, привезенномъ старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты, сенаторомъ А. Н. Шаховымъ, чины московскихъ судебныхъ установленій между прочимъ писали: „Вспоминая о неустанной заботливости вашей, съ которою вы старались устранить всѣ препятствія къ скорѣйшему введенію гласнаго судопроизводства, о томъ вниманіи, съ коимъ вы относились къ разрѣшенію всѣхъ возникавшихъ недоразумѣній и вопросовъ, а равно о снисходительности вашей къ ошибкамъ, неизбѣжнымъ въ новомъ дѣлѣ, чины московской судебной палаты и окружнаго суда считаютъ долгомъ выразить предъ вами чувства истинной высокой признательности за все сдѣланное вами на пользу новыхъ судебныхъ учрежденій... Да поможетъ намъ Богъ, руководясь вашимъ примѣромъ, содѣлаться достойными исполнителями воли Монарха-Преобразователя—творить судъ скорый, правый и милостивый“ *).

Чины петербургскихъ судебныхъ установленій, бывшіе ближайшими свидѣтелями благотворной дѣятельности

*) *С.-Петербургскія Вѣдомости* отъ 5-го сентября 1873 года.

Замятнина по судебной реформѣ, ознаменовали юбилей Замятнина основаніемъ въ петербургской земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, въ учрежденіи которой онъ принималъ весьма близкое участіе, домика имени юбиляра. Предполагалось также въ зданіи судебныхъ установленій, служащемъ монументальнымъ свидѣтельствомъ неусыпныхъ трудовъ Замятнина по учрежденію новыхъ судовъ, поставить бюстъ его, но предположеніе это было оставлено по такъ-называемымъ „независящимъ обстоятельствамъ.“ Теперь, когда рѣшено соорудить въ зданіи петербургскихъ судебныхъ установленій статую покойнаго Государя, не своевременно ли было бы, къ приближающемуся двадцати-лѣтію открытія новыхъ судовъ, выполнить оставленное предположеніе о сооруженіи бюста Замятнина и сохранить для потомства славную память о незабвенномъ сподвижникѣ Царя-Преобразователя, такъ много и честно поработавшемъ для осуществленія судебной реформы.

Послѣднимъ утѣшеніемъ для Замятнина должно было быть сознаніе, что подвигъ его жизни—служеніе либеральнымъ основамъ реформъ прошлаго царствованія—пропалъ не даромъ, что положеніе новыхъ учрежденій въ 1881 г. какъ-будто нѣсколько окрѣпло. Какъ извѣстно, всѣ реформы прошлаго царствованія при введеніи въ дѣйствіе были сильно урѣзаны, ограничены врагами реформъ. Не видя всѣхъ ожидаемыхъ плодовъ отъ реформъ, удивлялись, отчего это происходитъ. Между тѣмъ наши реформы находились въ положеніи той птички, о которой Державинъ писалъ:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой...

Пищитъ бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердятъ все: пой, да пой!...

Причину неудачъ нашихъ реформъ въ рефератѣ, доложенномъ въ С.-Петербургскомъ юридическомъ, обществѣ В. Д. Спасовичъ на своемъ образномъ языкѣ пояснилъ такъ: „общественная жизнь похожа на почву болотистую и тряскую; какое бы великолѣпное зданіе ни было возведено, оно уходитъ въ эту почву понемногу и незамѣтнымъ образомъ; оно засасывается почвою, пока въ своемъ процессѣ пониженія оно своимъ фундаментомъ не дойдетъ до совершенно твердаго грунта“ *).

Но оставимъ эту жгучую до боли тему:

Infandum jubes renovare dolorem...

Какъ бы то ни было, въ послѣдній годъ своей жизни Замятнинъ долженъ былъ видѣть, что, повидимому, становится для всѣхъ ясною причина неудачъ произведенныхъ реформъ. Само правительство заявило въ 1881 году торжественно о необходимости водворить „правду“ въ этихъ реформахъ, т. е. прилагать ихъ къ жизни въ духѣ началъ, положенныхъ въ ихъ основаніе. Въ отношеніи судебнаго дѣла это значило возвращеніе къ той политикѣ, которая господствовала въ министерствѣ юстиціи при Замятнинѣ,—иными словами, примѣненіе „Судебныхъ Уставовъ“ съ точнымъ сохраненіемъ ихъ основныхъ принциповъ. Это, хотя и запоздалое, признаніе великаго значенія судебной реформы, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ блужданія и посягательствъ на нее, должно было служить истиннымъ утѣшеніемъ для такого убѣжденнаго защитника этой реформы, какимъ былъ Замятнинъ...

*) Ж. Гр. и Уг. Права 1883 г, № 3.

Храня свято завѣтъ своего великаго товарища по школѣ, Замятнинъ не измѣнялъ „плѣнительной привычкѣ“ и аккуратно являлся „на пиръ любви, на сладостное вѣче“ лицейской годовщины. Среди своихъ товарищей, окруженный почетомъ и ласками, провелъ онъ послѣдніе часы своей жизни.

Таковъ былъ завидный конецъ этого честнаго гражданина, безкорыстнаго и гуманнаго дѣятеля, просвѣщеннаго государственнаго мужа и благороднаго человѣка, которому достойнѣйшею эпитафіей былъ бы стихъ поэта:

Сѣйте разумное, доброе вѣчное
Сѣйте,—спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.

Я кончилъ. Не мнѣ быть судьею, насколько удовлетворительно удалось мнѣ выполнить свою задачу. Пусть не осудятъ лица, близко знавшія Замятнина, если на этихъ страницахъ не нашли они точное изображеніе незабвенныхъ чертъ ихъ знаменитаго современника. Имъ я скажу: feci quod potui, — faciant meliora potentes. А тѣмъ изъ читателей, которые найдутъ, что настоящій бѣглый очеркъ даетъ менѣе рельефное представленіе о Замятнинѣ, нежели то, какое сохранила существующая въ судебномъ мірѣ традиція, моя авторская добросовѣстность велитъ заявить, чтобъ они этотъ недостатокъ отнесли на счетъ автора, а не изображаемой личности. Скажу безъ обиняковъ, что мое авторское самолюбіе было бы вполнѣ удовлетворено, еслибы читатель, по прочтеніи настоящаго очерка, могъ сказать: ut desunt vires, tamen laudanda est voluntas... Намѣреніе же это

заключалось въ томъ, чтобы въ „наше столь равнодушное къ современникамъ время не пропала безслѣдно память о томъ, какъ высокая и благородная личность одолѣла и обезоружила порокъ, свойственный малымъ и большимъ государствамъ, непризнаніе доблести и зависть“... *).

А что сказать о смѣлой попыткѣ изобразить великую эпоху либеральныхъ преобразованій!... Я могъ только намѣтить величіе этой задачи, не смѣя даже и подойти къ ней. Къ величавой эпопеѣ общественнаго движенія 60-хъ годовъ можно примѣнить слова знаменитаго оратора древности, Демосѳена. Во второй филиппикѣ, говоря объ одной славной эпохѣ изъ исторіи своей родины, онъ замѣчаетъ: „всѣ любятъ разсказывать объ этихъ чудесахъ доблести, но доселѣ они не нашли еще достойнаго повѣствователя; и я долженъ пройти ихъ молчаніемъ и вотъ почему: въ жизни народовъ встрѣчаются такіе великіе моменты, что никакое человѣческое слово не можетъ ихъ точно изобразить“.

---

*) *Taciti* „Vita Agricolae“, I, 1—5.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Н. И. Стояновскій въ общемъ собраніи с.-петербургскаго юридическаго общества 3-го февраля 1880 г. произнесъ рѣчь, посвященную характеристикѣ дореформеннаго времени. „Для устраненія препятствій и успѣшнаго продолженія преобразованій, безъ уклоненій отъ прямаго, указаннаго преобразователемъ пути, необходимо, сказалъ онъ, отъ времени до времени оглядываться назадъ и переноситься мыслью къ тому, что было до вступленія на этотъ путь". Затѣмъ ораторъ продолжалъ:

Двадцать пять лѣтъ—короткій періодъ въ жизни народа, но какъ измѣнилась эта жизнь въ послѣднее двадцатипятилѣтіе! Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Въ доказательство приведу, изъ недалекаго прошлаго, нѣсколько примѣровъ, имѣющихъ связь съ освобожденіемъ крестьянъ и судебнымъ преобразованіемъ... Обращаюсь для этого, преимущественно, къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ, въ томъ убѣжденіи, что для правильной оцѣнки совершающихся реформъ, существенно важно не только то, что было написано въ законахъ или въ оффиціальныхъ бумагахъ, но и то, что происходило въ дѣйствительности, но, вслѣдствіе полнаго отсутствія гласности, дѣло извѣстно немногимъ.

19 февраля 1861 года, 19 лѣтъ тому назадъ, оправдалось пророческое предсказаніе поэта-наставника, что воцарившійся въ 1855 году Государь, „и на чредѣ высокой не

забудетъ святѣйшаго изъ званій—человѣкъ". Слѣдуя своей мысли, что „лучше, чтобъ преобразованія совершались сверху, чѣмъ снизу", — Царь-Освободитель сдѣлалъ полноправными, надѣленными землею людьми, болѣе двадцати пяти милліоновъ душъ земледѣльцевъ.

Своевременно ли? спрашивали тогда нѣкоторые. Вопросъ этотъ былъ предметомъ жаркимъ споровъ. Не стану его разсматривать подробно — онъ уже сдѣлался достояніемъ исторіи—укажу только на одинъ примѣръ того, что дѣлалось „внизу".

Въ 1841 году, въ уголовныхъ департаментахъ правительствующаго сената были собираемы свѣдѣнія о дѣлахъ по обвиненію крестьянъ въ убійствѣ ихъ помѣщиковъ и оказалось, что въ одной изъ западныхъ губерній, дѣла которой производились въ моемъ столѣ, въ теченіи двухъ, трехъ лѣтъ, было одиннадцать убійствъ.

Положеніе 19 февраля прекратило этотъ ужасный самосудъ крестьянъ надъ ихъ судьями помѣщиками, уничтоживъ поводы къ нему, т. е. тѣ безобразныя явленія, которыя на оффиціальномъ языкѣ назывались жестокимъ обращеніемъ.

Недостатки нашего судопроизводства начали озабочивать наше правительство задолго до освобожденія крестьянъ. Въ 1861 году судебная реформа сдѣлалась настоятельной. Посмотримъ, въ какомъ пололоженіи до этого времени находилось, въ дѣйствительности, отправленіе уголовнаго правосудія?

Для двадцати пяти милліоновъ крестьянъ почти единственными судьями были помѣщики; они имѣли право налагать всѣ виды наказаній, кромѣ отдачи въ каторжныя работы и наказанія кнутомъ (до 1846 года) или плетьми установленнаго образца (послѣ 1846 года).

Общіе суды, по закону, считались коллегіальными, но самъ законъ допускалъ такой составъ присутствія (въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были негра-

мотные, и возлагалъ на секретаря отвѣтственность за правильное изложеніе даннаго такими судьями, по доложеннымъ имъ дѣламъ, рѣшенія, но въ дѣйствительности дѣла почти никогда не докладывались не только въ магистратахъ, но и въ уѣздныхъ судахъ, гдѣ также большая часть членовъ были или неграмотные или малограмотные.

Въ судахъ второй степени, гдѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, дѣла обыкновенно рѣшались безъ доклада, однимъ товарищемъ предсѣдателя, единственнымъ членомъ, назначаемымъ отъ правительства, — и въ послѣднее до реформы время, юристомъ, — всѣ прочіе члены, за исключеніемъ иногда предсѣдателя, только подписывали заготовленное рѣшеніе участи подсудимаго, котораго ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ. Несмотря на такой составъ суда и на такой порядокъ постановленія приговора, законъ (до 1846 года), предоставляя суду рѣшать вопросы о виновности и о наказаніи обвиненныхъ, не опредѣлялъ ни высшаго предѣла числа лѣтъ каторжной работы и другихъ высшихъ наказаній, ни числа ударовъ кнутомъ или плетью, почему и случалось, что въ двухъ дѣлахъ о преступленіяхъ, совершенно тождественныхъ, однимъ приговоромъ назначалось пять ударовъ, а другимъ—шестьдесятъ ударовъ кнутомъ. До изданія въ 1833 году свода законовъ, случалось, что въ основаніе приговора приводились такіе указы и Высочайшія повелѣнія, которыхъ никогда не существовало. Естественно, что при заочномъ судѣ самымъ надежнымъ доказательствомъ считалось собственное признаніе подсудимаго, несмотря на то, что требовавшаяся дѣйствовавшими тогда законами повѣрка „совершенно ли оно сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ и показаны ли притомъ такія обстоятельства дѣйствія, по которымъ о достовѣрности и истинѣ онаго сомнѣваться невозможно“ — была почти невозможна, такъ какъ весьма трудно было знать, насколько протоколы, составленные производившими слѣдствіе становыми приставами, а чаще всего ихъ письмоводителями, согласны съ дѣйствительностью.

Къ 1855 году составъ судовъ значительно улучшился, но производители слѣдствія остались тѣ же; въ этомъ году, въ 6-мъ департаментѣ сената, гдѣ я былъ тогда оберъ-прокуроромъ, производилось, по Высочайшему повелѣнію, слѣдствіе о виновныхъ въ составленіи, на трехъ страницахъ, протокола о собственномъ сознаніи государственнаго крестьянина въ убійствѣ жены, которая черезъ годъ послѣ наказанія подсудимаго плетьми и ссылки его въ каторжныя работы, оказалась живущею въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, гдѣ жилъ ея мужъ. Протоколъ этотъ былъ подписанъ чернилами разныхъ цвѣтовъ, семью должностными лицами, составлявшими временное отдѣленіе земскаго суда, въ томъ числѣ исправникомъ, становымъ приставомъ, уѣзднымъ стряпчимъ ,депутатомъ со стороны государственныхъ имуществъ и священникомъ, увѣщевавшимъ подсудимаго. Оказалось, что протоколъ написанъ письмоводителемъ становаго пристава и ложенъ отъ перваго слова до послѣдняго.

Первыми, по времени, законами, положившими начало новому порядку производства уголовныхъ дѣлъ: Высочайше утвержденныя 8 іюня 1860 года, учрежденіе судебныхъ слѣдователей, наказъ слѣдователямъ и наказъ полиціи о производствѣ дознаній.

Въ это время почти всѣ штатныя должности по судебному вѣдомству, уже были заняты лицами высшаго образованія; не то было за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ.

Въ 1841 году, при поступленіи моемъ и моихъ товарищей по училищу правовѣденія въ с.-петербургскіе департаменты сената, въ канцеляріи этихъ департаментовъ находилось только шесть лицъ, получившихъ высшее образованіе.

Насколько считалось тогда необходимымъ распространеніе научнаго знанія русскихъ законовъ и юридическое изслѣдованіе этихъ законовъ, можно судить по слѣдующимъ фактамъ: съ изданія свода законовъ, въ 1835 году до 1852 года, вышло въ свѣтъ шесть сочиненій объ уголовномъ судопроизводствѣ, заключавшихъ въ себѣ, большею частію, однѣ

выписки изъ свода законовъ. Когда я, въ 1850 году, представилъ въ цензуру мое „практическое руководство“, заключавшее въ себѣ нѣсколько собственныхъ моихъ соображеній и объясненій, то цензоръ не хотѣлъ его пропустить‘ объясняя мнѣ, что все, что нужно знать о законахъ, помѣщено въ сводѣ, а чего въ немъ нѣтъ, то лишнее и въ опубликованіи его нѣтъ никакой надобности. Только благодаря разрѣшенію II отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, *книга была пропущена*, послѣ годичнаго ея разсмотрѣнія“.

Въ рѣчи, произнесенной 14 февраля 1882 года, въ С-.Петербургскомъ юридическомъ обществѣ *Н. И. Стояновскій* помянулъ добрымъ словомъ дѣятелей судебной реформы.

Въ 1881 году, сказалъ онъ, сошли въ могилу три государственныхъ дѣятеля, имена которыхъ тѣсно связаны съ судебною реформою и съ отправленіемъ правосудія.

Первый изъ нихъ, по времени его кончины (въ началѣ 1881 г.) и по времени участія въ судебной реформѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь Владиміръ Петровичъ Бутковъ, бывшій съ 1 января 1853 года по 1 января 1865 года государственнымъ секретаремъ, а затѣмъ членомъ государственнаго совѣта и комитета министромъ, скончался послѣ тяжкой, продолжавшейся болѣе 13 лѣтъ, болѣзни. Обладая большими административными способностями, обширнымъ практическимъ умомъ, энергіею и умѣньемъ выбирать людей, онъ, послѣ вступленія на престолъ Императора Александра II, преобразовалъ составъ государственной канцеляріи, пополняя ее людьми, получившими высшее образованіе (назову только имена нѣсколькихъ, уже умершихъ статсъ-секретарей совѣта: С. М. Жуковскаго, А. П. Заблоцкаго - Десятовскаго, П. А. Зубова и Н. Т. Погуляева), и дѣятельно способствовалъ разсмотрѣнію основ-

ныхъ положеній, вслѣдъ за утвержденіемъ этихъ положеній, въ октябрѣ 1861 года, по поводу затрудненій, встрѣченныхъ государственною канцеляріею въ докладѣ первыхъ раздѣловъ составленнаго II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, проекта уголовнаго судопроизводства, по распоряженію В. П. была составлена всеподданѣйшая записка. Въ запискѣ указывались противорѣчія, встрѣчающіяся въ разсмотрѣнныхъ уже государственнымъ совѣтомъ проектахъ гражданскаго судопроизводства и общихъ положеній о судоустройствѣ съ проектомъ уголовнаго судопроизводства, еще не конченнымъ; объяснялось неудобство отдѣльнаго разсмотрѣнія сихъ проектовъ и была заявлена мысль, что подробному разсмотрѣнію и изложенію отдѣльныхъ проектовъ судоустройства и судопроизводства гражданскаго и уголовнаго, должно предшествовать опредѣленіе и утвержденіе общихъ основныхъ началъ предполагаемаго судопроизводства, содержаніе записки было въ октябрѣ 1861 г. доложено Государю Императору Бутковымъ, превосходнымъ докладчикомъ. Вслѣдствіе объявленнаго предсѣдательствовавшему въ государственномъ совѣтѣ графу Д. Н. Блудову, чрезъ государственнаго секретаря, желанія Государя знать въ какомъ положеніи находятся въ совѣтѣ работы по устройству и преобразованію судебной части вообще, графъ Блудовъ представилъ, по соглашенію съ Бутковымъ, 19 октября 1861 года докладъ о порядкѣ разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ всѣхъ проектовъ объ измѣненіяхъ въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ (о составленіи государственною канцеляріею общей записки о всемъ, что можетъ быть признано относящимся къ главнымъ основнымъ началамъ предположеній для устройства судебной части въ имперіи, о порядкѣ обсужденія въ государственномъ совѣтѣ и т. д.). Докладъ этотъ, Высочайше утвержденный 22 октября 1861 г., составляетъ оффиціальное начало дѣла о начертаніи новыхъ судебныхъ уставовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безъ энергической настойчивости Бут-

кова и его умѣнья устранять препятствія, неоднократно встрѣчавшіяся при разсмотрѣніи новыхъ началъ, введенныхъ въ судебные уставы, утвержденіе ихъ въ томъ видѣ, какъ оно состоялось, и обращеніе къ исполненію, могло бы значительно замедлиться. Въ этомъ отношеніи заслуги Буткова громадны и не должны быть забыты исторіею реформы.

2 мая 1881 г. скончался предсѣдатель гражданскаго департамента государственнаго совѣта, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, по мысли и на средства котораго основано, вслѣдъ за изданіемъ свода законовъ, училище правовѣдѣнія, разсадникъ практическихъ юристовъ. Занимая должность предсѣдателя департамента съ 23 февраля 1842 г., по день кончины, онъ принималъ дѣятельное участіе въ разсмотрѣніи судебныхъ уставовъ".

Затѣмъ ораторъ очертилъ дѣятельность Д. Н. Замятнина (Ж. Гражд. и Угол. Права 1882 г., № 9).

II.

17 апрѣля 1866 года, въ день открытія новыхъ судовъ, на обѣдѣ въ петербургскомъ клубѣ художниковъ актеръ Бурдинъ прочелъ слѣдующее стихотвореніе А. Ѳ. Кони:

***

На рубежѣ тысячелѣтья
Возникъ въ Россіи человѣкъ,
Какого ждали мы столѣтья,
Кто славой озарилъ нашъ вѣкъ.
Питомецъ пылкаго поэта,
И правды ревностный стратигъ,
Среди дворца, въ младыя лѣта—
Онъ боли русскія постигъ,
И порѣшилъ въ умѣ державномъ,
Возсѣвъ на прадѣдовскій тронъ,
Поставить въ царствѣ православномъ
Свободу, право и законъ.

***

„Намъ рано, рано!“ въ злобѣ страстной
Кричалъ, испуганъ, барства цвѣтъ...
— Пора! сказалъ Онъ имъ въ отвѣтъ,
Махнулъ рукой своей всевластной—
И бысть въ Россіи свѣтъ!

Печальный гулъ народныхъ стоновъ
Онъ въ кликъ восторга превратилъ,
Снялъ узы рабства съ милліоновъ,
И цѣпи узниковъ разбилъ.
Свободной мысли и глаголу
Онъ далъ гражданскія права,
И смѣло къ царскому престолу
Пошла народная молва.
Гордится Русь! Ликуютъ села!
Свободной волѣ нѣтъ препонъ
И на обломкахъ произвола
Царитъ теперь законъ.

III.

17 апрѣля 1866 года *С.-Петербургскія Вѣдомости* посвятили открытію новыхъ судовъ слѣдующую статью:

„Давно желанное торжество наконецъ совершилось; 17 апрѣля открыты новыя судебныя мѣста въ С.-Петербургѣ. Все заставляетъ надѣяться, что результаты не останутся ниже ожиданій, что они привьются къ нашей почвѣ и пустятъ въ ней прочные и глубокіе корни. Главная роль въ этомъ великомъ дѣлѣ принадлежитъ теперь судьямъ, прокурорамъ и присяжнымъ повѣреннымъ. . . Судебные Уставы даютъ суду такой просторъ. такую свободу дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ столько поддержекъ, побужденій и средствъ для правильнаго производства и рѣшенія дѣлъ, что положеніе судей является въ другомъ, совершенно новомъ свѣтѣ. Кому много дано, отъ того можно многаго и требовать; отвѣтственность судей предъ обществомъ выростаетъ вмѣстѣ съ достоинствомъ законовъ, опредѣляющихъ судоустройство и судопроизводство. Но не останется ли въ силѣ другая отговорка, часто приводимая теперь на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, — отговорка, заключающаяся въ ссылкѣ на неблагопріятную обстановку, на среду, подавляющую развитіе, на недостатокъ сочувствія и опоры? Безспорно, обстановка дѣйствуетъ на человѣка, но и онъ съ своей стороны можетъ имѣть вліяніе на нее. Это вліяніе становится еще сильнѣе, когда идетъ рѣчь не объ отдѣльномъ лицѣ, а о цѣломъ классѣ, имѣющемъ общія права, общіе интересы. Пускай онъ отстаиваетъ ихъ энергически и твердо; энергія эта отразится рано или поздно и на тѣхъ сферахъ, которыя ее окружаютъ. Отъ новыхъ судебныхъ мѣстъ зависитъ теперь, чтобы равенство всѣхъ

предъ закономъ, давно записанное въ нашемъ сводѣ, перешло изъ слова въ дѣло, чтобы защита, оказываемая судомъ, была одинакова для богатаго и бѣднаго, для вельможи и простолюдина. На пути къ этой цѣли встрѣтятся препятствія и затрудненія, но чѣмъ старательнѣе будетъ устранять ихъ судья, тѣмъ скорѣе онъ найдетъ поддержку въ обществѣ. Разсчитывать исключительно на эту поддержку или уступать, пока она сама не явится сама собою, было бы вѣрнымъ средствомъ предупредить появленіе ея". (1866 № 109).

Голосъ въ день открытія новыхъ судовъ въ Петербургѣ привѣтствовалъ судебную реформу въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

..."Не знали многострадальные отцы, дѣды и прадѣды наши такихъ свѣтлыхъ праздниковъ. И дѣйствительно они, торжествовавшіе дни Полтавы и Кагула, дни изгнанія Наполеона и взятіе Парижа, не торжествовали такихъ побѣдъ. Наполнивъ міръ славою русскаго имени, они, освободители народовъ, жили и умирали посреди гражданской неволи земли своей, освобожденіе которой довелось праздновать только намъ, дѣтямъ и внукамъ ихъ. Но если смерть не расторгаетъ окончательной связи между живущимъ и отжившимъ, то безъ сомнѣнія, бѣдныя кости ихъ въ эти великіе дни мирныхъ побѣдъ и освобожденія радостно трепещутъ въ могилахъ, а успокоенныя души ихъ веселятся и ликуютъ съ живыми. Нужно ли напоминать читателямъ, что къ такимъ новымъ свѣтлымъ днямъ, къ такимъ новымъ русскимъ народнымъ праздникамъ принадлежатъ прежде всего дни 19 февраля и 17 апрѣля, дни великихъ побѣдъ не надъ внѣшними врагами, а надъ исконною домашнею нашею губительницею — вѣковою неправдою, дни изгнанія изъ предѣловъ Россіи не иноземныхъ полчищъ, а стародавняго тирана нашего — вѣкового безправія, дни, наконецъ, великіе дни изведенія русскаго народа изъ юридической и земской неволи. Можетъ быть, даже вѣроятно, что при этомъ исходѣ, подобно ветхозавѣтнымъ евреямъ, и мы, отученные горькимъ подневольнымъ прош-

лымъ отъ свѣтлой, честной и разумной гражданской жизни, со всѣми подобающими ей правами, не вдругъ, не тотчасъ вступимъ въ обѣтованную землю; быть можетъ, даже вѣроятно, что и намъ придется прежде того пострaнствовать по безплодной пустынѣ ошибокъ и промаховъ. Но что за дѣло? Все-таки, да будетъ благословенъ Моисей, изведшій насъ изъ неволи, пишущій и дающій намъ скрижали новаго завѣта для новой жизни! Что за дѣло, говоримъ мы, если промахи неизбѣжны въ каждомъ новомъ дѣлѣ! Ошибки другихъ могутъ предостеречь насъ, могутъ послужить намъ спасительными уроками, и путь нашъ чрезъ безплодную пустыню будетъ не дологъ, если мы пойдемъ прямо, не кидаясь изъ стороны въ сторону, и поработаемъ честно на новомъ поприщѣ, надъ новымъ дѣломъ. Пусть, повторяемъ, неизбѣжны на новомъ пути и ошибки и промахи; но и ошибки и промахи будутъ не продолжительны, если мы будемъ ошибаться добросовѣстно, если не поклонимся снова золотому тельцу, котораго такъ долго обожали, не послушаемъ коварныхъ навѣтовъ недруговъ земли русской, подъ какою бы личиной они не являлись, если во всякомъ дѣлѣ и на всякомъ мѣстѣ будемъ крѣпко помнить прежде всего честь, право и пользу русскаго народа и нелицемѣрно исповѣдывать, что въ Россіи нѣтъ и не должно быть не-Россіи. Путь открытъ намъ широкій, довѣрены дѣла великія, и на насъ непосредственно пріявшихъ отъ добраго, глубоко любящаго Россію Государя эти многоцѣнные дары, на насъ, говоримъ мы, падетъ передъ потомствомъ стыдъ и позоръ, если великое въ нашихъ рукахъ сдѣлается малымъ, если мы не съумѣемъ достойно сохранять, поддерживать и развивать его величіе". (1866 г. № 105).

Отзывъ *Вѣстника Европы* о судебной реформѣ:

„Высочайшая власть, совершившая судебную реформу нынѣшняго года, сдѣлала прочное дѣло, историкомъ котораго останется самъ стоустый народъ, а нашъ годъ въ лѣтописяхъ народной жизни назовется годомъ „откуда есть пошла наша правда". До сихъ поръ мы жили въ противорѣчіи съ извѣстною пословицею нашей

народной мудрости: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“. Мы учились только въ школѣ, а за предѣлами школы, по вступленіи въ жизнь, насъ ничто не учило. Теперь гласный судъ, съ своими несмѣняемыми и не перемѣщаемыми членами, съ своими присяжными, съ устраненіемъ участія въ судѣ административнаго вмѣшательства—сдѣлался настоящею школою народа, гдѣ нравственность преподается не въ однихъ поученіяхъ, но весьма практическимъ и осязательнымъ образомъ для нарушителей правды. Позднѣйшій историкъ будетъ съ любопытствомъ доискиваться въ памяти о насъ нашего времени слѣдовъ того, какъ отнеслось общество къ этой послѣдней реформѣ. Одинокіе возгласы противъ нея послужатъ только къ тому, чтобы еще болѣе освѣтить одно изъ торжественныхъ событій нашей исторіи и укажутъ на другую истину, а именно, что ни одно преобразованіе не можетъ обойтись безъ того, чтобы не найти противъ себя „художниковъ эфесскихъ“, ремесло которыхъ нѣкогда упразднилось съ новымъ ученіемъ, и напрасно они кричатъ: „велика Діана Эфесская“. Такіе люди уже успѣли указать на то, что новая судебная корпорація является у насъ не въ пользу охранительныхъ началъ“. Ничего не можетъ быть справедливѣе! но дѣло въ томъ, что какъ мы доскажемъ эту неоконченную мысль. Да, новая судебная корпорація является у насъ не въ пользу охранительныхъ началъ въ томъ смыслѣ, какъ былъ въ пользу этихъ началъ господствовавшій до реформы судебный порядокъ; но за то новая судебная корпорація поможетъ охранительнымъ началамъ раціональнѣе нежели прежняя, оказавшаяся несостоятельною опорою этихъ началъ, откуда явилась и потребность самой реформы.

Первые мѣсяцы существованія новаго судебнаго порядка доказали вмѣстѣ съ тѣмъ, что наше общество не такъ безплодно, какъ на то ссылаются часто, желая доказать, что у насъ реформы преждемременны. Реформа сдѣлана чуть не вчера, а далеко не вчера родились люди, взявшіе на себя съ самоотверженіемъ и охотою тяжкія обязанности судей. Не служитъ ли это доказательствомъ, что такъ-называемое безлюдье бываетъ часто ничто иное, какъ отсутствіе возможности для людей честнаго характера и пря-

мого ума обнаружить свою дѣйствительность? Намъ нерѣдко говорятъ: „вы будьте прежде сыты, а затѣмъ мы дадимъ вамъ ѣсть“; между тѣмъ не замѣчаютъ того, что можно жить въ извѣстныхъ условіяхъ, которыя не дозволяютъ человѣку обнаружить своихъ достоинствъ. Итакъ, судебная реформа прежде всего доказала, что мы не совсѣмъ ужъ безлюдны; если мы сегодня еще не имѣемъ полнаго числа рукъ, то этому удивляться особенно нечего, при юности нашей эры. Но важно не то, чтобы въ настоящую минуту имѣть много людей; несравненно важнѣе вопросъ: есть ли надежда, что сама судебная реформа современемъ сформируетъ орудіе для себя? Именно въ этомъ то и состоитъ главное ея преимущество, она не втянетъ и порядочнаго человѣка въ общую рутинную колею, какъ то случалось безпрерывно при прежнемъ порядкѣ вещей; напротивъ, надобно думать, что она будетъ въ состояніи выпрямить и того, кто обнаруживалъ наклонность къ кривизнѣ. Erubuit, salva res est—покраснѣлъ, дѣло спасенное, говоритъ одна древняя пословица, и дѣйствительно, при новомъ судебномъ порядкѣ, не покраснѣвъ, не встревожишься до глубины своей совѣсти, нельзя нарушить правду. Многіе спѣшатъ указать на два или на три случая практики новыхъ судовъ, вызвавшихъ критику, но забываютъ, что они не подвергали стараго порядка ни малѣйшей критикѣ, да и не могли при его негласности.

Намъ остается жить, чтобы убѣдиться, до какой степени судебная реформа будетъ въ состояніи измѣнить весь нашъ даже экономическій бытъ. Безъ правильнаго суда люди находятся въ безконечномъ военномъ положеніи по отношенію другъ друга. Ничей трудъ не обезпеченъ, кредитъ слабъ, при правѣ сильнаго; слабый не увѣренъ, работаетъ ли онъ на себя. Совершенно мѣняется сцена тамъ, гдѣ есть увѣренность, что насъ охраняетъ ежеминутно невидимая сила, къ которой мы можемъ обратиться, и что мы найдемъ у нея вѣрную защиту. Мы знаемъ, что эта сила недоступна ни ходатайству, ни кошельку, ни внушеніямъ, почему ее и называютъ независимою.

Подчините эту силу какой-нибудь другой силѣ и общество естественно устранитъ свои взоры дальше; а тамъ за предѣлами не-

зависимости суда открывается снова прежнее обширное поприще произвола, которому въ людяхъ всегда соотвѣтствуетъ деморализація и война всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ. Нѣтъ возможности подчинить судебную власть власти административной безъ того, чтобы и общество не приняло участія въ этомъ ея подчиненіи, безъ того, чтобы и общество не овладѣло своимъ судьею при помощи средствъ, извѣстныхъ подъ именемъ подкупа, протекціи и т. д. Судья, подчиняемый въ одну сторону, непремѣнно подчинится также и въ другую. Таковъ моральный порядокъ вещей; если независимость судебной власти можетъ принесть кажущійся ущербъ въ одномъ, то въ безчисленномъ множествѣ случаевъ она будетъ полезна и тѣмъ, которымъ она могла быть непріятна однажды, и на оборотъ, мелкое удовольствіе въ одномъ отдѣльномъ случаѣ поведетъ къ тысячамъ неудобствъ, гораздо болѣе существенныхъ и прискорбныхъ“ (1866 г. № 4).

Отзывъ *Русскаго Вѣстника* о судебной реформѣ:

„Изъ всѣхъ великихъ реформъ нынѣшняго царствованія, судебная реформа наиболѣе способна кореннымъ образомъ измѣнить условіе нашего народнаго и государственнаго быта; какъ ни рѣшительны и глубоки были государственныя преобразованія, предшествовавшія судебной реформѣ, ей однако принадлежитъ самый обширный кругъ дѣйствій на всѣ наши общественныя отношенія, частныя и оффиціальныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ на понятіе всѣхъ классовъ народонаселенія. Такое всеобщее значеніе судебной реформы несомнѣнно для всякаго, кто знаетъ въ какой степени не было у насъ до сихъ поръ, въ дѣйствительности, судебной власти, и въ какой степени совершеніе реформы ставитъ дѣйствительность на мѣсто призрака, именовавшагося судебною властью.

Реформа вноситъ въ народную жизнь *право* какъ живой дѣйствительный фактъ на мѣсто права, существовавшаго лишь какъ мертвая буква закона, какъ смутное понятіе, не изчезавшее, конечно, никогда изъ вѣрованій и понятій народа, но носившееся въ облакахъ, надъ его головами, какъ нѣчто неуловимое, неося-

заемое, никогда не воплощавшееся въ настоящее практическое дѣло и потому не подлежавшее никакому положительно разсчету. Отнынѣ право переходитъ у насъ изъ области вѣрованій въ область дѣла, изъ невѣдомаго идеальнаго начала, существованіе котораго, какъ идеи, никто не отрицалъ, но и въ неудобопримѣнимости котораго въ практической жизни никто также не сомнѣвался — превращается въ элементъ разсчета, пригоднаго для всякаго практическаго предпріятія, ибо отнынѣ возникаетъ у насъ сила, способная осуществить эту идею, дать ей во что бы то ни стало жизнь, не взирая ни на какія могущественные интересы въ государствѣ, чуждые праву и иногда *готовые поработить* право. На мѣсто судебной сферы, подчиненной дѣйствію всѣхъ этихъ интересовъ, на которые всякому и приходилось иногда болѣе разсчитывать, чѣмъ на свое право, ставится сфера, обязанная въ осуществленіи права руководствоваться только сознаніемъ права и достаточно вооруженная, чтобы оградить отправленіе правосудія отъ всякаго на него посягательства. Громадность нравственныхъ и практическихъ послѣдствій такого переворота очевидна: онъ способенъ *перевоспитать* мало-по-малу всѣ слои нашего общества.

Изъ всѣхъ проявленій новой судебной власти, мировая наиболѣе глубоко захватываетъ ежедневныя отправленія народнаго быта и наиболѣе способна могущественно и быстро дѣйствовать на измѣненіе понятій въ нашемъ обществѣ. Если судебная реформа вноситъ къ намъ дѣйствительное живое право на мѣсто призрака права, то *мировая власть* вноситъ право въ такую сферу отношеній нашего общества, гдѣ не существовало и призрака права, даже и понятія о возможности права. Чтобы убѣдиться, какъ мало въ этихъ словахъ преувеличенія, надо видѣть *изумленіе* людей, которые въ своемъ самоуправствѣ должны подчиниться приговорамъ мировыхъ судей; надо видѣть то изумленіе—изумленіе, подавляющее своею силою даже раздраженіе, съ которымъ выслушиваютъ эти приговоры господа, прогнавшіе отъ себя, служителей не выдавъ имъ жалованье за полгода службы только потому, что служители имъ не понравились; рабочіе, самовольно ушедшіе съ работъ до срока найма, вопреки письменному контракту, только потому,

что цѣна на работы поднялась; пьяницы, никогда не слыхавшіе, чтобы нельзя было валяться или ругаться на улицахъ; мужья, не имѣвшіе никакого понятія, что нельзя избивать до полусмерти своихъ женъ; баринъ, ускакавшій на тройкѣ, даже не оглянувшись на ребенка, раздавленнаго имъ на дорогѣ и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ необходимы были прежде всего неимовѣрныя усилія, чтобы люди всѣхъ званій и состояній поняли, что они вызваны къ мировому суду не для шутки и что приговоръ его можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Это истинный переворотъ въ умахъ, и къ тому еще чрезвычайно быстро совершающійся послѣ двухъ строкъ приговоровъ, энергически приведенныхъ въ исполненіе посреди людей, пораженныхъ изумленіемъ, не вѣрящихъ своимъ глазамъ, чтобы покровительство, оказанное ими исправнику, не освобождало ихъ отъ обязанности платить жалованье слугамъ или чтобы дружественныя попойки съ засѣдателемъ полицейскаго управленія не давали имъ права бить не только рабочихъ но и самихъ полицейскихъ служителей. Изумленіе однако быстро смѣняется другими чувствами, и толпа народа валитъ къ мировымъ судьямъ, вылѣзаютъ на свѣтъ Божій изъ всѣхъ темныхъ закоулковъ и щелей такія дѣла, которыя на памяти людской никогда иначе не рѣшались, какъ кулачнымъ правомъ, а въ самомъ лучшемъ случаѣ терпѣніемъ и забвеніемъ.

Одна изъ величайшихъ заслугъ новыхъ судебныхъ уставовъ, говоритъ далѣе авторъ, заключается въ подчиненіи законному порядку права задержанія и отдачи подъ стражу, — права, которымъ у насъ пользовались въ такихъ огромныхъ размѣрахъ не только публичныя власти, но даже и просто частныя лица, въ силу своихъ могущественныхъ отношеній къ властямъ. Одно изъ самыхъ возвышенныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе судебныхъ уставовъ, это то значеніе, которое они придаютъ *свободѣ личности* и ея ограниченію. Никогда прежде необходимость законныхъ гарантій для лишенія лица права гражданской свободы не высказывалась у насъ такъ рѣшительно, какъ въ этомъ законодательномъ актѣ. Какія наприм. благотворныя послѣдствія имѣетъ одно право мѣстнаго судьи, возведенное даже въ обязанность, немедленно

освобождать каждаго неправильно лишеннаго свободы. Но желательно, чтобы благія намѣренія законодателя не превратились мало-по-малу (какъ это часто бываетъ, вслѣдствіе невозможности практическаго выполненія) въ мертвую букву, которую придется потомъ воскрешать новыми законодательными актами.

Законодательство наше по отношенію къ мировой власти, таково заключеніе автора, отличается образцовымъ въ своемъ родѣ совершенствомъ не только въ теоретическомъ отношеніи, но и въ чисто практическомъ своемъ примѣненіи; оно обработано съ такою точностью, послѣдовательностью и тщательностью, что не возбуждаетъ при практическомъ своемъ примѣненіи почти никакихъ сомнѣній и недоумѣній. Можно въ связи съ потребностями нашего быта и съ устройствомъ другихъ нашихъ властей оспаривать многія начала, виды и цѣли, положенные законодателемъ въ основаніе мироваго института; но то, что предполагалось въ немъ сдѣлать, сдѣлано съ рѣдкою у насъ послѣдовательностью, обдуманностью и строгостью системы до самыхъ мелкихъ подробностей.

Наше новое судебное законодательство во всей своей совокупности есть законодательный и вмѣстѣ съ тѣмъ *умственный* памятникъ, долженствующій служить въ отдаленномъ потомствѣ величайшею *честью* нашего времени. Посреди многихъ начальныхъ движеній нашей эпохи, посреди заблужденій и увлеченій, по необходимости связанныхъ съ ея переходнымъ характеромъ, мы можемъ съ гордостью указывать на этотъ законодательный актъ. Его достоинства, могущія свидѣтельствовать въ пользу цѣлой исторической эпохи, въ особенности выпуклы въ комментаріяхъ къ судебнымъ уставамъ, изданныхъ государственнымъ совѣтомъ; чтеніе этого изданія чрезвычайно успокоительно дѣйствуетъ на умы, встрѣвоженныя разными нравственными и умственными явленіями, сопровождающими современное броженіе нашего общества“ (1866, октябрь, статья В. П. Безобразова).

Москов. Вѣдом. въ № 156 посвятили слѣдующую замѣчательную статью разъясненію основнаго смысла новаго судебнаго строя:

„Независимость суда отъ администраціи есть самое существенное условіе правильнаго суда. Безъ полной независимости отъ администраціи, наше новое судоустройство не могло бы имѣть силы, какъ бы ни было оно обставлено и въ какія бы формы ни облеклось. Оно было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ мертворожденнымъ. Независимость столько же должна относиться къ дѣйствіямъ судебнымъ, сколько къ судейскому званію. И то и другое равно важно, и новое судоустройство потеряло бы все свое значеніе, если бы судебная власть въ какомъ бы то ни было отношеніи была поставлена въ подчиненное къ административнымъ властямъ отношеніе.

Стоитъ только вникнуть въ основный смыслъ нашего новаго судебнаго устава для того, чтобы уяснить себѣ то важное значеніе, которое онъ придаетъ независимости судебнаго званія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и то *направленіе*, которое должно быть принято и законодательствомъ, и администраціей по отношенію къ этому новому учрежденію. Все, что можетъ причинить ущербъ достоинству судейскаго званія, ослабить его самостоятельность, стѣснить его независимость или въ какомъ бы то ни было отношеніи унизить его передъ административными властями, было бы покушеніемъ противъ сущности этого великаго преобразованія, было бы *ненавистной* попыткой парализовать его силу. Обстоятельство само по себѣ незначительное можетъ имѣть крайне вредныя дѣйствія на характеръ и судьбу новаго учрежденія. Новый вступающій въ жизнь порядокъ встрѣчается съ старыми понятіями и навыками, и весьма естественно возникаетъ опасеніе, что онъ будетъ понимаемъ неправильно и что будутъ дѣлаемы разнаго рода покушенія подорвать его силу. Такъ всегда и вездѣ бываетъ; такъ, по всему вѣроятію, будетъ и съ тѣми порядками, которые возникаютъ въ Россіи вслѣдствіе великихъ и всеобъемлющихъ реформъ, долженствующихъ положить ясную черту между проходящимъ и грядущимъ. А

потому правительство и общество должны соревновать въ заботахъ о томъ, чтобы сохранилась основная мысль преобразованія и чтобы въ новое судебное устройство не прокралось чего-либо въ ущербъ его достоинству и самостоятельности.

Не было ли бы ущербомъ ихъ независимости и достоинству' если-бы, напримѣръ, министру или губернатору предоставлено было право *приглашать* къ себѣ предсѣдателя судебной палаты или окружнаго суда для объясненія съ нимъ по какимъ-либо подлежащимъ судебному рѣшенію дѣламъ. Не значило ли бы это вовлекать новыя учрежденія въ старую колею? Въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ важность и то, что обыкновенно считается не больше какъ этикетомъ. Что знаменовалъ бы подобный этикетъ? Не то ли, что административная власть первенствуетъ предъ судебною въ ея собственномъ вѣдомствѣ? Что значили бы новыя судебныя учрежденія, самостоятельность и достоинство судебной власти въ государствѣ, еслибы судья при исполненіи обязанностей своихъ былъ поставленъ въ необходимость являться за наставленіями и указаніями къ министру или даже губернатору, будто подчиненный имъ чиновникъ? Надобно, чтобы чувство своей обязанности поддерживалось у судебныхъ лицъ духомъ, дѣйствующимъ въ собственномъ ихъ вѣдомствѣ, а не указаніями изъ другихъ сферъ, относительно коихъ судъ и судья должны быть совершенно независимы, дабы соотвѣтствовать своему назначенію. (1866 года, № 156).

Черезъ два мѣсяца, 22 сентября, *Московскія Вѣдомости* снова возвращаются къ вопросу объ основныхъ началахъ судебной реформы и настаиваютъ на неукоснительномъ охраненіи ихъ, т. е. на полномъ огражденіи судебнаго вѣдомства отъ вліянія администраціи.

„Судебное устройство есть одно изъ самыхъ основныхъ потребностей общества, одно изъ самыхъ коренныхъ условій гражданственности; оно должно стоять, пока стоитъ благоустроенное государство, вмѣстѣ съ нимъ улучшаясь и совершенствуясь. Всякое измѣненіе, направленное не къ худшему, а къ лучшему, можетъ

клониться лишь къ тому, чтобы судебное дѣло не менѣе, а болѣе соотвѣтствовало своему назначенію, чтобы судебная власть была не менѣе, а болѣе самостоятельна и независима, и чтобы судъ былъ не менѣе, а болѣе правиленъ и правдивъ.

Пока Россія будетъ процвѣтать, пока дѣла ея будутъ идти къ лучшему, а не къ худшему, начала, вводимыя къ намъ новыми судебными уставами, будутъ въ силѣ и съ основанными на нихъ учрежденіями будетъ на вѣки вѣковъ связано имя преобразователя Россіи. Не въ преданіи, не въ разсказѣ историка, но въ живой дѣйствительности увѣковѣчится слава нашей эпохи и отдаленнѣйшіе потомки наши, въ виду этихъ учрежденій, будутъ чувствовать себя нашими современниками. Къ сожалѣнію, новое дѣло всегда подвергается вопросамъ и сомнѣніямъ.

Все, что есть живаго, мыслящаго, разумѣющаго, не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго въ наше время новаго порядка вещей на Руси. Не было ли бы грустно, еслибъ отмѣна крѣпостного права ограничилась только его формою и оставила его сущность? Но было бы не менѣе грустно, если бы новый порядокъ вещей оказался только формою безъ сущности. Чѣмъ важнѣе, чѣмъ шире наши начинанія, тѣмъ менѣе было бы намъ отъ нихъ чести, еслибы они ограничились только видомъ. Вотъ почему оскорбителенъ всякій намекъ, клонящійся къ тому, чтобы *затемнить сущность* новаго порядка вещей и *лишить его силы* дающей ему всю его цѣнность, чтобы изъ каждаго начинающагося дѣла *вынуть его душу* и оставить шелуху, которая давала бы только сильнѣе чувствовать нищету начинанія. Дѣйствительно ли наше преобразованіе должно выдти на новые пути, чтобы Россія могла держаться достойнымъ образомъ среди другихъ націй, чтобы геній ея народа могъ обнаружить свою силу, оправдать наше прошедшее, оплодотворить наше настоящее? Правда ли это, что это всеоживляющее, всевозбуждающее начало *публичности*, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества и къ содѣйствію его государственной пользѣ, — начало, безъ котораго ничто не можетъ правильно и плодотворно ризвиваться, ничто не можетъ уберечься

отъ порчи и гніенія, ничто не можетъ быть обезпечено отъ злоупотребленій и обмановъ; правда ли, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только мерцаніе лишенное сущности, призракъ, готовый изчезнуть? Правда ли, что въ настоящее время положены основы благоустроенной и независимой судебной власти; правда ли, что мы имѣемъ судебныя учрежденія, которыми обезпечиваются законъ и право, и весь народъ привлекается къ дѣятельному участію въ дѣлѣ правосудія? Есть ли это дѣйствительность или все это только фантомъ? Для вида ли только судебная власть признана независимою и самостоятельною или она дѣйствительно поставлена такъ, что для нея обязательны только законъ и правда?

Можетъ ли быть сомнѣніе въ смыслѣ и духѣ совершаемыхъ посреди насъ великихъ преобразованій? Не чувствуемъ ли мы ежедневно ихъ живительную творческую силу? Не испытываемъ ли мы на себѣ эту силу? Въ той ли живемъ мы Россіи, какую знали за десять лѣтъ предъ симъ? И однакожь, какъ всякое новое дѣло, наши преобразованія могутъ подвергаться опасностямъ.

...Новые порядки по необходимости должны сталкиваться со старыми порядками, которые существуютъ издавна и господствовали до сихъ поръ исключительно. До сихъ поръ бюрократическая администрація была у *насъ все во всемъ*. Прежнія судебныя учрежденія были только придаткомъ къ администраціи. Теперь является новое начало, которое, не ограничиваясь судебными учрежденіями, должно оказать свое дѣйствіе повсюду и видоизмѣнить весь строй нашего гражданскаго быта. Сама администрація въ большей или меньшей степени должна усвоить себѣ этотъ новый элементъ и дѣйствовать не такъ какъ дѣйствовала до сихъ поръ, бывъ единственною и исключительною въ государствѣ силою... Судебная власть не есть собственно власть, даруемая какимъ-либо лицамъ или какому-либо сословію; это льгота, предоставленная цѣлому народу, это право, предоставленное русскому гражданину. Учрежденіемъ независимой и самостоятельной судебной власти возвышается цѣлое общество. Гдѣ есть благоустроенный судъ, тамъ есть право, гдѣ есть права, тамъ есть огражденіе личности, тамъ есть законная свобода. Съ упроченіемъ новаго устройства и съ распространеніемъ его во всѣхъ

частяхъ Россіи становится возможнымъ жить въ ней какъ въ странѣ цивилизованной". (1866 года, № 198).

Ссылаясь на положеніе комитета министровъ отъ 22 іюля 1866 г. о пространствѣ и предѣлахъ губернаторской власти, г. министръ юстиціи или генералъ-прокуроръ циркулярно „просилъ" предсѣдателей судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ и „поручалъ" прокурорамъ озаботиться о точномъ соблюденіи какъ ими самими, такъ и подчиненными имъ мѣстами и лицами въ сношеніяхъ съ губернаторами установленнаго законами порядка (ст. 186 и 192 уст. суд. уст.). Генералъ-прокуроръ предлагалъ разъяснить, „что всѣ служащія въ губерніи лица, даже не подчиненныя въ служебномъ отношеніи губернаторамъ, несмотря на сравнительныя ихъ по чину или классу должности старшинство, ни на особый характеръ служебной дѣятельности, иногда совершенно независимой отъ вліянія административной власти, въ случаѣ ихъ вызова или приглашенія губернаторомъ, обязаны непремѣнно подчиняться законнымъ требованіямъ его и оказывать ему должное уваженіе, на которое онъ, какъ представитель высшей въ губерніи власти, имѣетъ неотъемлемое право".

Московскія Вѣдомости подвергли циркуляръ министра самому тщательному разбору. Онѣ отнеслись неодобрительно къ тому, что циркуляръ этотъ былъ названъ въ *Судебномъ Вѣстникѣ* „предписаніемъ". Имѣя въ виду ст. 186, 254 и 255 учрежд. судебн. установ. естественно было бы полагать, говорила университетская газета, что судебныя мѣста не находятся въ пря-

момъ подчиненіи министерству юстиціи и что стало-быть оно не можетъ сноситься съ предсѣдателями ихъ предписаніями. Надобно полагать, что циркуляры министра юстиціи къ предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ названы „предписаніемъ“ случайно, *по недосмотру редакціи* „Судебнаго Вѣстника“.

Разбирая затѣмъ самое содержаніе циркуляра, *Московскія Вѣдомости* ревниво охраняютъ независимость судебнаго вѣдомства и стараются дать Положенію Комитета Министровъ самое ограничительное толкованіе.

Приведя ст. 186 и 190 учрежд. суд. установ., газета продолжаетъ:

„Итакъ, вотъ тѣ единственныя статьи закона, въ которыхъ установленъ порядокъ, соблюденіе котораго „во всей точности“ при сношеніяхъ съ губернаторами вмѣняется въ обязанность судебнымъ мѣстамъ. Тщательно справляясь съ Судебными Уставами, единственнымъ законодательствомъ, которое вызвавъ къ жизни новые суды, служитъ нормой отношеній послѣднихъ ко всѣмъ бывшимъ до него государственнымъ учрежденіямъ, мы не находимъ ни малѣйшаго, хотя бы самаго отдаленнаго указанія на то, въ какихъ случаяхъ могъ бы представиться губернатору поводъ вызвать или пригласить къ себѣ лицъ, принадлежащихъ къ судебному вѣдомству. Соображаясь съ Судебными Уставами, мы напр. никакъ не можемъ вообразить себѣ такой случай, чтобы губернатору представилась надобность, въ видахъ ли интересовъ общаго управленія съ одной стороны, или интересовъ правосудія съ другой, вызвать къ себѣ предсѣдателя мироваго съѣзда или окружнаго суда, находящихся въ уѣздахъ, и чтобы тотъ или другой все въ тѣхъ же интересахъ должны были оставить свои текущія занятія, ѣхать, быть можетъ, за сотни верстъ, чтобы явиться по зову губернатора. Повторяемъ, Судебные Уставы 20 ноября не содержатъ въ себѣ ни одного указанія на возможность какого-либо соприкосновенія судебныхъ мѣстъ и власти губернатора. Это до такой степени вѣр-

но, что, сколько намъ извѣстно, во всѣхъ уставахъ, не исключая и позднѣйшихъ прибавленій къ нимъ, слово *губернаторъ* только упоминается при составленіи списка присяжныхъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы Судебные Уставы оставили сколько-нибудь неяснымъ вопросъ о порядкѣ подчиненности судебныхъ мѣстъ (ст. 249 учр. суд. уст.).

Надобно полагать, что права, предоставленныя губернаторамъ по отношенію къ лицамъ судебнаго вѣдомства, какъ сказано въ самомъ Положеніи комитета министровъ „совершенно независящимъ“ въ своей служебной дѣятельности отъ ихъ вліянія, нисколько не касаются отправленія правосудія, равно какъ то уваженіе, къ которому при всей независимости своей обязываются лица судебнаго вѣдомства по отношенію къ губернаторамъ, не можетъ состоять въ исполненіи какихъ-либо распоряженій или внушеній въ дѣлахъ правосудія. Не относясь къ судебнымъ должностямъ, Положеніе, о которомъ идетъ рѣчь, поэтому можетъ быть принимаемо только въ самомъ общемъ смыслѣ. Такъ въ высокоторжественные дни служащія лица всѣхъ вѣдомствъ, хотя бы и совершенно не зависящія отъ губернатора, являются къ нему съ поздравленіемъ; также точно предполагается случай, когда губернатору можетъ представиться надобность объясниться съ предсѣдателемъ палаты или окружнаго суда по какому-нибудь дѣлу, не имѣющему прямаго отношенія къ ихъ служебнымъ по суду обязанностямъ (ибо дѣла судебныя строго ограждены отъ всякаго вмѣшательства администраціи) и въ такомъ предположеніи губернатору предоставлено право приглашенія къ себѣ, точно также какъ иногда приглашаетъ онъ къ себѣ частныхъ и ни на какой службѣ не состоящихъ лицъ. При этомъ всякій конечно пожелаетъ, чтобы съ успѣхами благоустройства не выростала, а уменьшалась возможность подобныхъ случаевъ“. (*Моск. Вѣд.* 1866, № 240).

Когда изъ лагеря „революціонныхъ консерваторовъ“, какъ называлъ реакціонерную партію Ю. Ѳ. Самаринъ, стали появляться злостные нападки на новые суды по поводу того или другаго промаха, иногда мнимаго, *Московскія Вѣдомости* горячо заступились за судебную реформу.

„Много разъ приходилось намъ говорить, говорили *Москов. Вѣдом.*, о томъ благодарномъ сочувствіи, съ которымъ была принята нашимъ обществомъ судебная реформа. Хотя эти отзывы дѣлались нами публично и съ нашей стороны было бы крайне неблагоразумно говорить передъ публикою отъ ея имени то, съ чѣмъ она была бы несогласна, но, къ сожалѣнію, въ періодической печати у насъ до невѣроятной степени распространился обычай безцеремоннаго обращенія съ общественнымъ мнѣніемъ, а потому, судя о другихъ по себѣ иныя газеты могли утверждать, что наши показанія *о благодарности публики* за судебную реформу голословны. Мы очень рады, что представился случай подтвердить это показаніе непререкаемымъ фактомъ. Сочувствіе общества къ тому или другому учрежденію можетъ выражаться различно. Скептики могутъ находить дешевымъ выраженіе сочувствія, ограничивающееся словеснымъ заявленіемъ, даже если это заявленіе идетъ отъ лицъ или учрежденій, уполномоченныхъ говорить отъ имени общества. Но и подобному возраженію нѣтъ мѣста, когда сочувствіе выражается денежнымъ пожертвованіемъ и переводится на податные рубли. Всякій скептицизмъ долженъ умолкнуть передъ такимъ фактомъ наприм., какъ назначеніе добавочнаго расхода на городскія судебныя учрежденія, состоявшееся на дняхъ въ московской общей думѣ. Подобная щедрость при стѣсненныхъ ъгородскихъ финансахъ получаетъ значеніе непререкаемаго заявленія о пользѣ мировыхъ судебныхъ учрежденій, сознаваемой всѣми обывателями. А между тѣмъ именно мировая часть судебныхъ учрежденій подвергалась и подвергается у насъ наиболѣе злобнымъ нападкамъ со стороны нѣкихъ *консерваторовъ* извѣстнаго сорта, сердящихся повидимому на судебную реформу, какъ и на другія преобразованія всего болѣе

за то, что они идутъ не безъ успѣха. Мировые судьи замѣнили у насъ, главнымъ образомъ, разбирательство, происходившее въ съѣзжихъ домахъ. Кто не помнитъ, что это такое было? Кто будетъ утверждать, что прежнее судебно-полицейское разбирательство, происходившее въ съѣзжихъ домахъ, было способно къ развитію? И на оборотъ, кто не видитъ, что самыя упущенія мировыхъ судей не пропадаютъ даромъ для дѣла, что они становятся предметомъ обсужденія въ мировыхъ съѣздахъ, устроенныхъ корпоративно и слѣдовательно способныхъ хранить результаты пріобрѣтаемой опытности, что они, наконецъ, подлежатъ контролю публики и всяческой критикѣ, какъ устной, такъ и печатной? Теперь всякое ихъ упущеніе выходитъ наружу и всякому доброжелателю и недоброжелателю правосудія на Руси открыта полная возможность слѣдить за дѣйствіями мироваго суда и при первомъ поводѣ подвергать ихъ порицанію, и даже не заслуженному. Было ли что-нибудь подобное прежде, когда господствовала канцелярская тайна? На сколько же добросовѣстно хвататься за каждый промахъ новаго суда, къ тому же иногда мнимый, и на этомъ основаніи произносить неблагопріятные приговоры о цѣломъ учрежденіи?

Главнымъ органомъ злобныхъ нападокъ на мировыхъ судей и вообще на судебныя учрежденія, долженствующія внести законность въ нашу жизнь, сдѣлалась *Вѣсть*. Какъ ни мало у насъ охоты вступать въ препирательство съ этою газетою, но въ интересахъ дѣла нельзя не упомянуть о ея филиппикахъ противъ Московскаго окружнаго суда...

Думаютъ ли эти безстрастные рыцари до того отуманить своихъ читателей, чтобъ убѣдить ихъ въ преимуществѣ стараго порядка судопроизводства предъ новымъ? Est modus in rebus. Почитая своихъ читателей за стадо Панургово, нельзя все таки увѣрять ихъ, что въ старыхъ судахъ упущенія не были возможны потому, что все тамъ происходило келейно, подъ сильнымъ вліяніемъ администраціи. Или новое судопроизводство оттого для насъ непригодно, что у насъ нѣтъ людей, достаточно способныхъ для правильнаго его примѣненія? Но развѣ большинство лицъ, входящихъ въ составъ новаго суда, не избираются изъ числа членовъ прежнихъ судеб-

ныхъ мѣстъ? Если эти лица дурны здѣсь, то гдѣ же доказательство, что они были хороши тамъ? Людей у насъ мало дѣствительно, и мы имѣли случай много разъ высказываться противъ излишняго размноженія судебныхъ должностей. Но и по отношенію къ вопросу о людяхъ, различіе между прежними судами и новыми состоитъ именно въ томъ, что прежніе портили людей, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ. Людей у насъ мало и на нихъ слѣдуетъ скупиться, но съ другой стороны великое учрежденіе тѣмъ и бываетъ велико, что создаетъ людей, способныхъ проводить въ жизнь созданныя имъ начала. Печатная гласность въ судебномъ дѣлѣ есть также залогъ совершенствованія Никакія частныя упущенія, какъ бы ни были многочисленны на первыхъ порахъ, не должны смущать того, кто искренно заинтересованъ въ дѣлѣ водворенія у насъ правосудія... Можетъ быть, теперь и не настало еще время дѣлать какіе-либо общіе выводы насчетъ дѣятельности новыхъ судовъ, въ смыслѣ наблюденій надъ тѣми глубокими перемѣнами, которыя долженъ произвести новый порядокъ надъ всѣми сферами общественнаго быта. Но одно мы считаемъ себя вправѣ сказать: уже и теперь великая реформа вполнѣ оправдала тѣ горячія надежды, которыя на нее возлагались, и лучшее желаніе *русскаго патріота* состоитъ въ томъ, чтобы *изъ этого зданія не было вынимаемо камней*... чтобы измѣненія Судебныхъ Уставовъ допускались лишь въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ *согласовались съ общимъ духомъ новой системы*". (1866 года, № 263).

IV.

Судебный персоналъ, при коемъ введены были въ дѣйствіе судебные уставы.

Генералъ-прокуроръ, министръ юстиціи — Дмитрій Николаевичъ *Замятнинъ*.

Товарищъ министра—Николай Ивановичъ. *Стояновскій*.

Кассаціонные департаменты.

Первоприсутствующій въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ и общемъ собраніи кассаціонныхъ департаментовъ — Башуцкій.

Первоприсутствующій въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ—Карніолинъ-Пинскій.

Сенаторы гражданскаго кассаціоннаго департамента—Войцеховичъ, Любощинскій, Набоковъ.

Сенаторы уголовнаго кассаціоннаго департамента—Арцимовичъ, Буцковскій, Зубовъ.

Оберъ-прокуроръ уголовнаго департамента—Ковалевскій, гражданскаго—фонъ-Дервизъ.

С.-Петербургская судебная палата.

Старшій предсѣдатель—Гольтгоеръ.

Предсѣдатель департамента—Фришъ.

Члены палаты—кн. Шаховской, Зубаревъ, Ковалевскій, Гойнингенъ-Гюне, Маркевичъ, Ланге.

Прокуроръ судебной палаты—Чемадуровъ.

Товарищъ прокурора—Тизенгаузенъ.

С.-Петербургскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Мотовиловъ.

Товарищи предсѣдателя—Синицынъ, Понафидинъ, Граве, Кипримъ.

Члены суда—Джунковскій, Шаховъ, Сербиновичъ, Грумъ-Гржимайло, Миловецкій, Славянскій, Ильятенко, Тимофѣевъ, Лерхе, Лихачевъ, Богаевскій.

Прокуроръ суда—Шрейберъ.

Товарищи прокурора — Плецъ, Евреиновъ, Якоби, Андреевъ, Утинъ, Александровъ, Трейтеръ, Винницкій, Каспаровичъ, Стадольскій, Куприяновъ.

Московская судебная палата.

Старшій предсѣдатель—Полѣновъ.

Предсѣдатель департамента—Шаховъ.

Члены палаты — Прейсъ, Поппе, Котляревскій, Ягнъ, Изволь-скій, Вишняковъ.

Прокуроръ судебной палаты—Ровинскій.

Товарищъ прокурора—Шахматовъ.

Московскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Люминарскій.

Товарищи предсѣдателя—Арсеньевъ, Лопатинъ, Дейеръ, Синковъ-Андреевскій.

Члены суда—Федоренко, Щепкинъ, Сухотинъ, Шестаковъ, Томашевскій, Латышевъ, Пановъ, Лавровъ, Синицкій, Фуксъ, Вицынъ, Сумбулъ.

Прокуроръ суда—Ланге.

Товарищи прокурора — Уманецъ, Писаревъ, Муравьевъ, Крохинъ, Линдротъ, Багратіонъ-Мухранскій, Унгебауеръ, Терновскій, Острогазловъ, Громницкій, Варѳоломѣевъ, Лещинскій, Крушинскій, Костылевъ, Орловскій.

Мировыя судебныя учрежденія.

I. **С.-Петербургскіе** столичные мировые судьи: почетные—Владиміръ Лихачевъ, гр. Петръ Шуваловъ, гр. Владиміръ Бобринскій,

гр. Алексѣй Бобринскій, гр. Михаилъ Ростовцевъ, Петръ Жуковскій, Андрей Качка, Михаилъ Митковъ, кн. Петръ Трубецкой, Николай ф. Крузе, Михаилъ Ильинъ, Иванъ Неклюдовъ, Геннадій Лермонтовъ; участковые — Александръ Яковлевъ, Александръ Протасьевъ, Михаилъ Козляниновъ, Алексѣй Тиздель, Николай Медвѣдевъ, Петръ Майковъ, Оскаръ Квистъ, Александръ Упковскій, Эдуардъ Редеръ, бар. Александръ Фитингофъ, Владиміръ Болотовъ, Алексѣй Зиновьевъ, Василій Яковлевъ, Павелъ Куликовъ, Александръ Баумгартенъ, Александръ Муравьевъ, Александръ Ольхинъ, Григорій Орловъ, Николай Неклюдовъ, Николай Непорожневъ, Владиміръ Карташевскій, Лазарь Серебряковъ, Сергѣй Алориповъ, Иванъ Галовъ, Александръ Фрейманъ, Дмитрій Гурьевъ, Антонъ Матвѣевъ, Александръ Кранихфельдъ.

II. Московскіе столичные мировые судьи: почетные—Петръ Самаринъ, Константинъ Шильдбахъ, кн. Левъ Гагаринъ, Степанъ Тарасовъ, кн. Александръ Голицынъ, гр. Алексѣй Бобринскій, кн. Михаилъ Голицынъ, Федоръ Мильгаузенъ, Петръ Воейковъ, Василій Бостанджогло, Алексѣй Рябининъ, Григорій Чертковъ, Петръ Дюшенъ, Иванъ Четвериковъ, Андрей Старковъ, Сергѣй Баршевъ Аркадій Альфонскій, Геннадій Грудевъ, Михаилъ Бухтѣевъ, Павелъ Петровъ, Александръ Волковъ, Петръ Новиковъ, Николай Игнатьевъ, Петръ Шиловскій, Андрей Бухтѣевъ, Борисъ Нейдгардъ, Илья Позняковъ, Алексѣй Плечко; участковые—Николай Щепкинъ, Федоръ Свѣшниковъ, Яковъ Бояркинъ, Сергѣй Румянцевъ, Александръ Лопухинъ, Михаилъ Багряновскій, Гавріилъ Титовъ, Михаилъ Нероновъ, Николай Скопинъ, Константинъ Черневъ, Петръ Шереметевскій, гр. Михаилъ Ланской, Сергѣй Перфильевъ, Илья Романовъ, Николай Эбернъ, Василій Вердеревскій.

Присяжные повѣренные округа С.-Петербургской судебной палаты.

Петръ Андреевъ, Константинъ Арсеньевъ (членъ совѣта), Витольдъ Баранецкій, Аркадій Брутъ, Робертъ Габерцеттель, Викторъ Гаевскій (членъ совѣта), Степанъ Демосто, Аполлонъ Еврейновъ, Александръ Знаменровскій, Николай Кладо, Матвѣй Кларкъ, Германъ Конради, Владиміръ Краузольдъ (товарищъ предсѣдателя совѣта), Петръ Лобри, Павелъ Лыжинъ, Алексѣй Остряковъ, Степанъ Петренко, Александръ Петерсъ, Густавъ Принцъ (членъ совѣта), Евгеній Пушкаревъ, Владиміръ Самарскій-Быховецъ (членъ

совѣта), Яковъ Серебряный, Дмитрій Стасовъ (предсѣдатель совѣта), Владиміръ Тапѣевъ, Александръ Турчаниновъ (членъ совѣта), Николай Тимротъ, Константинъ Хартулари.

Присяжные повѣренные округа Московской судебной палаты.

Алексѣй Имберхъ, Карлъ Рихтеръ (членъ совѣта), Адольфъ Тольхъ, Александръ Петровъ, Григорій Костаревъ, Брониславъ Бениславскій (товарищъ предсѣдателя совѣта), Николай Аристовъ, Яковъ Любимцевъ, Николай Архиповъ, Василій Дубровскій, Александръ Лютеръ, Адамъ Фальковскій, Михаилъ Доброхотовъ (предсѣдатель совѣта), Михаилъ Аристовъ, Михаилъ Энгельгардтъ, Михаилъ Алексѣевъ (членъ совѣта), Владиміръ Федоровъ, Василій Панинъ, Петръ Сцепура-Сердюковъ (членъ совѣта), Владиміръ Муромцевъ, Евстафій Белингъ.

Ярославскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Коппе.
Товарищъ предсѣдателя—Наумовъ.
Члены—Гладковъ, Кузьминъ, Шлыковъ, Кантыревъ, Калачевъ.
Прокуроръ—Васильевъ.

Тульскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Ягнъ.
Товарищи предсѣдателя—Пановъ, Линковъ.
Члены — Римскій-Корсаковъ, Гавриловъ, Казариновъ, Тѣснинскій, Карпѣка, Степановъ, Аристовъ, Шмелевъ.
Прокуроръ—Фуксъ.

Тверской окружный судъ.

Предсѣдатель—Синицынъ.
Товарищъ предсѣдателя — Лерхе.
Члены—Ратьковъ-Рожновъ, Мышенковъ, Абрамовичъ, Шуйскій, Лебедевъ, Зубцовъ.
Прокуроръ—Стадольскій.

Калужскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Синсоковъ-Андреевскій.
Товарищи предсѣдателя—Родзевичъ, Цуриковъ.
Члены — Глассонъ, Голиковъ, Матвѣевъ, Мясоѣдовъ, Крестьяновъ, Розовъ, Патонъ, Драницынъ, Поповъ.
Прокуроръ—Манассеинъ.

Новгородскій окружный судъ.

Предсѣтель—Ильяшенко.
Товарищъ предсѣдателя—Проскуряковъ,
Члены — Шемякинъ, Еремѣевъ, Племянниковъ, Вирязовъ, Любимовъ, Онопреенко-Шелковый.
Прокуроръ—Раевскій.

Великолуцкій окружный судъ.

Предсѣдатель—Зыбинъ.
Члены—Ансіо, Асланович, Ветлицкій, Гиршау.
Прокуроръ—Андреевъ.

Рыбинскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Ковалевскій.
Члены—Домерниковъ, Грацъ, Григорьевъ.
Прокуроръ—Окуловъ.

Устюжскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Крейтеръ.
Члены—Гортынскій, Давыденко, Позенъ.
Прокуроръ—Золотницкій.

Бѣлозерскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Косаговскій.
Члены—Кирсановъ, Филипченко, Цукановъ.
Прокуроръ—Каперовичъ.

Кашинскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Пещуровъ.
Члены—Ергольскій, Ивановъ, Вада.
Прокуроръ—Квачевскій.

Ржевскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Тизенгаузенъ.
Члены—Мальчевскій, Штрумъ-де-Штремъ, Фоллендорфъ.
Прокуроръ—Шереметевскій.

Псковскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Принтцъ.
Товарищъ предсѣдателя—Постельниковъ.
Члены—Щетинскій, Арцимовичъ, Лего, Пыховичъ, Аккерманъ, Тергукасовъ.
Прокуроръ—Александровъ.

Владимірскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Перцовъ.
Товарищи предсѣдателя—Цвѣтковъ, Готманъ.
Члены—Казинъ, Леонтьевъ, Гаугеръ, Стрѣшневъ, фонъ-Бахъ, Кишкинъ, Николаевъ, Батуринъ, Мулловъ.
Прокуроръ—Крахтъ.

Рязанскій окружный судъ.

Предсѣдатель—Коробынъ.
Товарищи предсѣдателя—Латышевъ, Грáве.
Члены—Горяиновъ, Смирновъ, Кунъ, Морозовъ, Ушаковъ, Перепелкинъ, Червинскій, Ржевскій.
Прокуроръ—Деппъ.

V.

Первое публичное засѣданіе С.-Петербургскаго окружнаго суда происходило 26 мая, въ составѣ предсѣдательствующаго члена А. С. Ильшенко и членовъ А. П. Славянскаго, П. П. Тимофѣева, при прокурорѣ суда П. Н. Шрейберѣ и секретарѣ Д. Е. Рынкевичѣ. Разсмотрѣнію подлежало дѣло по иску повѣреннаго гг. Зарудныхъ, присяжнаго повѣреннаго (NB. въ подлинномъ опредѣленіи сказано статскаго совѣтника) Острякова къ издателю *Петербургской Газеты* Ильѣ Арсеньеву, объ убыткахъ 16.000 р., за нарушеніе договора. Слушалось дѣло по вопросу о подсудности. Отводъ отвѣтчика оставленъ безъ послѣдствій, а требованіе истца объ обезпеченіи иска—безъ удовлетворенія. (*Судебный Вѣстникъ* 1866 года, № 3).

---

30 мая происходило *первое* судебное засѣданіе С.-Петербургскаго столичнаго мироваго съѣзда въ составѣ предсѣдателя Квиста и мировыхъ судей — Ильина, Лихачева, Карташевскаго, Ольхина, Матвѣева, Куликова, Орлова и Протасьева. Слушалось дѣло по апелляціонному отзыву жены портнаго Маріи Шпеде, признанной виновной въ оскорбленіи дѣйствіемъ, проживавшей у нея въ кухаркахъ крестьянки Михайловой. Интересна одна подробность. Мировой судья, разсматривавшій дѣло, пріютилъ у себя потерпѣвшую, такъ какъ послѣдняя заявила, что послѣ обвинительнаго приговора судьи она не рѣшится возвратиться къ хозяйкѣ. Товарищъ прокурора Голубевъ далъ заключеніе объ оставленіи отзыва безъ послѣдствій. Мировой съѣздъ согласился съ заключеніемъ прокурора. (*Судеб. Вѣст.* 1866 г., № 3).

Первое засѣданіе С.-Петербургскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей происходило 26 іюля. Составъ суда:

предсѣдательствующій — Панафидьинъ; члены — Шаховской, Миловецкій, Веселовскій; секретарь — Желеховскій. Обвинялъ товарищъ прокурора Роде, защищалъ присяжный повѣренный Остряковъ. Присяжными засѣдателями были — Христіани (старшина), Калашниковъ, Петровъ, Кондратьевъ, Мышкинъ, Смирновъ, Мердеръ, Мельгуновъ, Горбуновъ, Давыдовъ, Реде и Арсеньевъ. Крестьянинъ Василій Родіоновъ обвинялся въ кражѣ со взломомъ. Подсудимый былъ обвиненъ, но признанъ заслуживающимъ снисхожденія. Судъ приговорилъ подсудимаго къ отдачѣ въ арестантскія роты на 2½ года.

Первое публичное засѣданіе Московскаго окружнаго суда происходило 19 мая, по 3 отдѣленію, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда Е. Е. Люмпиарскаго. Разсматривался вопросъ объ обезпеченіи иска, предъявленнаго присяжнымъ повѣреннымъ М. И. Доброхотовымъ, по довѣренности французской подданной Елизаветы Ботъ на аптекаря Астафія Гринтеля, по условію на сумму въ 8.500 руб. Стороны не явились. Послѣ доклада дѣла членомъ суда г. Фуксомъ, судьи удалились въ совѣщательную комнату. Возвратившись черезъ *полчаса* въ сопровожденіи судей, предсѣдатель провозгласилъ рѣшеніе, коимъ постановляется наложить запрещеніе (sic) на движимое имущество Гринтеля и вызываются (!) стороны для выслушанія настоящаго рѣшенія. (*Судебный Вѣстникъ* 1866 года, № 1).

Первое засѣданіе Московскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей происходило 24 августа 1866 года. Слушалось дѣло крестьянина Ивана Тимофѣева, обвиняемаго въ кражѣ со взломомъ. Составъ суда: товарищъ предсѣдателя — Д. С. Синеоковъ-Андреевскій, П. М. Щепкинъ, И. Н. Шестаковъ; секретарь — С. В. Щелканъ. Обвинялъ товарищъ прокурора И. М. Остроглазовъ; защищалъ присяжный повѣренный — В. У. Бениславскій; присяжными засѣдателями были — Виноградовъ (старшина), Демидовъ, Плетневъ, Дьяконовъ, Покровскій, Миндеръ, Андроновъ, Мамоновъ, Гивартовскій, Груздевъ, Филипповъ, Александровъ; запасные — Катуаръ, Ильинъ. Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, давъ подсудимому снисхожденіе. Судъ приговорилъ къ арестантскимъ ротамъ на 2 года и 9 мѣсяцевъ. (*Судебн. Вѣсти.* 1866 года, 30 августа).

Библиотека Института Ленина при ЦК. Р.К.П. (б.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе V

ГЛАВА I.

Вступительныя замѣчанія 1

ГЛАВА II.

Біографическія свѣдѣнія о Замятнинѣ; общая характеристика 14

ГЛАВА III.

Работы министерства юстиціи по составленію „замѣчаній“ на Судебные Уставы. 22

ГЛАВА IV.

Замѣчанія министра юстиціи:

§ 1. Замѣчанія на Уставъ Гражд. Судопр. 32
§ 2. Замѣчанія на Уставъ Уголов. Судопр. 44
§ 3. Замѣчанія на Учреж. Судеб. Установ. 51

ГЛАВА V.

Подготовительныя работы къ открытію новыхъ судовъ . 67

ГЛАВА VI.

Открытіе новыхъ судовъ 84

ГЛАВА VII.

Первые шаги новыхъ судовъ. Заключеніе 104
Приложенія. 119